

Первая мировая война: влияние на экономику России и мира

Под редакцией
А.Г. Худокормова
В.А. Погребинской

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет
Кафедра истории народного хозяйства и экономических учений

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: влияние на экономику России и мира

Коллективная монография

Москва
2016

УДК 338.245
ББК 65.03(2)53
П261

Научные редакторы:
д-р экон. наук, проф. *А. Г. Худокормов*;
д-р экон. наук, проф. *В. А. Погребинская*

П261 **Первая мировая война: влияние на экономику России и мира:** Коллективная монография. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. — 200 с.

ISBN 978-5-906783-40-0

Актуальность предлагаемого исследования заключается в том, что Первая мировая война оказала влияние на развитие процессов, важных для современной экономической политики. К ним относится прежде всего государственное регулирование. Новизна монографии заключается в рассмотрении единства и противоречий теории, практики и политики в годы войны и после нее. Особенность работы в том, что наряду с исследованиями современных авторов в нее включены работы известных ученых прошлого века, основанные на уникальных архивных источниках.

Монография рассчитана как на студентов, аспирантов и преподавателей экономического направления, так и на широкий круг любознательных читателей.

УДК 338.245
ББК 65.03(2)53

ISBN 978-5-906783-40-0

© Экономический факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Часть 1. Экономика России в годы Первой мировой войны	7
<i>А. В. Ломкин</i> Первая мировая. Готовность России к войне нового типа.	7
<i>В. А. Погребинская</i> Формирование принципов мобилизационной экономики в годы Первой мировой войны.....	19
<i>Т. А. Савинова</i> Общественные организации в «борьбе с дороговизной» в период Первой мировой войны.....	32
<i>В. П. Золотарева</i> Общее и особенное в протекании инвестиционных процессов в России в предвоенный период и период Первой мировой войны	50
<i>А. П. Погребинский</i> Военно-промышленные комитеты	59
<i>А. Л. Сидоров</i> Железнодорожный транспорт России в Первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране	110
Часть 2. Влияние Первой мировой войны на развитие экономической мысли	139
<i>А. Г. Худокормов</i> Отечественная экономическая мысль межвоенного периода. Достижения и уроки	139
<i>И. Г. Чаплыгина</i> Первая мировая война и ее роль в развитии социальной доктрины католической церкви	148
Часть 3. Экономика зарубежных стран во время и после Первой мировой войны	164
<i>В. В. Рыбалкин</i> Скандинавия во время и после Первой мировой войны	164
<i>О. Н. Емельянова</i> Международная торговля Японии в годы Первой мировой войны. Факторы роста и результаты.....	182
<i>Ф. В. Ковтонюк</i> Американская киноиндустрия в период Первой мировой войны.....	190

ПРЕДИСЛОВИЕ

Оригинальность предлагаемой читателю монографии заключается в том, что она, охватывая самые разные аспекты основной темы — последствий Первой мировой войны, связана единой идеей. Она заключается в том, что изменения, произошедшие во время и после Первой мировой войны в жизни и умах людей, стали необратимыми. Опыт Первой мировой войны включал совершенствование методов экономического регулирования, развитие экономической мысли и религиозных доктрин, новые организационные подходы в области культуры. **Актуальность** предлагаемого исследования заключается в том, что Первая мировая война оказала влияние на развитие процессов, важных для современной экономической политики. К ним относится прежде всего государственное регулирование. Новизна монографии заключается в рассмотрении единства и противоречий теории, практики и политики в годы войны и после нее. **Логика** изложения подчинена основной цели монографии — выяснению уроков Первой мировой войны для современного экономического развития. Монография состоит из трех частей.

Часть 1 «Экономика России в годы Первой мировой войны» посвящена исследованию экономического потенциала, военного регулирования хозяйства, организации и инвестирования военной промышленности России в интересующий нас период. Особенность этой части заключается в том, что составляющие ее статьи не просто дополняют друг друга, в них представлены дискуссионные точки зрения. Так, А. В. Ломкин делает вывод о том, что экономика России в годы Первой мировой войны доказала свою «жизнеспособность и продемонстрировала мощный потенциал. Его хватило и на предвоенную индустриализацию, и на саму мировую войну, и на последовавшую за ней войну гражданскую» (Наст. изд. С. 18). В статье В. А. Погребинской обращено особое внимание на методы регулирования, без которых высокие количественные характеристики экономического потенциала России не превращаются в современное качество развития. Разработанные во время Первой мировой войны методы мобилизационной экономики, сыграв положительную роль в условиях ведения войны, обладали рядом недостатков при их использовании в мирное время. Опыту регулирования в области борьбы с дороговизной (отметим — всегда актуальной) посвящена статья Т. А. Савиной. Изменения в национальной и региональной структуре инвестиций — тема статьи В. П. Золотаревой, исключительно важная в современных условиях. Еще одна особенность части 1 заключается в том, что работы

современных авторов сочетаются в ней с исследованиями крупных ученых прошлого века, связанных с Первой мировой войной не только научными интересами, но и воспоминаниями. Они придают текстам особую окраску, которую нельзя заменить изучением вопроса по книгам. Так, в статье А. П. Погребинского деятельность военно-промышленных комитетов раскрывается не только на основе уникальных архивных материалов, но и исходя из живого общения с деятелями означенной эпохи. Позиция автора, которую старались сохранить редакторы, осовременивая текст, заключается не только в конструктивной критике военного регулирования в рассматриваемый период, но и в положительной оценке использования данного опыта большевиками в дальнейшем развитии России. В статье А. Л. Сидорова, посвященной работе транспорта в годы Первой мировой войны, также выделяется использование опыта его регулирования в последующее мирное время. Все это важно не только для изучения рассматриваемых вопросов, но и для развития методов историко-экономического исследования.

В части 2 «Влияние Первой мировой войны на развитие экономической мысли» рассматриваются последствия Первой мировой войны, которая оказала воздействие на мировую экономическую мысль и религиозную мысль (изменения в программе католичества). В статье А. Г. Худокормова сделан вывод, чрезвычайно полезный для проникновения в общую суть российской экономической мысли после Первой мировой войны. В условиях современной тотальной критики советской экономической мысли и экономической политики и восхваления всего, что было несоветским, автор пишет: «Ни одному из направлений отечественной мысли 1920–1930-х гг. не удалось обосновать вариант хозяйственного развития, при котором быстрая модернизация страны сочеталась бы с возможно меньшими потерями и жертвами. Цена за прогресс оказалась непомерно высокой, а результаты ограниченными. Однако у нас нет права с высокомерием всезнаек взирать на тот период в развитии отечественной науки (с учетом современного состояния экономики и экономической мысли). При всех издержках это было время неординарных решений, особенно в 1920-е гг., когда российские экономисты внесли немалый вклад в развитие мировой экономической теории» (Наст. изд. С. 147). Большинство видных отечественных авторов, которые пережили Первую мировую войну и все ее тяготы, были людьми патриотичными и нравственными. Вряд ли их можно упрекнуть в нежелании учитывать страдания людей. Можно ли было их уменьшить? К сожалению, на этот вопрос бытует ответ: «История не знает сослагательного наклонения», который представляется нам неверным. В рассматриваемой статье А. Г. Худокормова критическое и в то же время уважительное отношение к исследователям 1920–1930-х гг. представляет другой метод, позволяющий перейти к размышлениям о расхождении теории и практики.

В трактовке природы человеческой личности определенную роль сыграла и религиозная мысль. В статье И. Г. Чаплыгиной исследуются

изменения в социальной доктрине католической церкви. Одно из положений доктрины звучит актуально для современной России: «Защитить личность может такая социальная структура, которая бы имела промежуточные институты, обеспечивающие защиту каждому индивиду, каждой профессиональной или социальной группе как от других таких же индивидов и групп, так и от государства. Этими институтами должны быть профессиональные объединения, общественные и религиозные организации» (Наст. изд. С. 163).

В части 3 «Экономика зарубежных стран во время и после Первой мировой войны» рассматривается влияние Первой мировой войны на экономическое и культурное развитие зарубежных стран. Этим вопросам посвящены статьи молодых авторов В. Рыбалкина, О. Емельяновой, Ф. Ковтонюка. Они основаны на многочисленных источниках, их отличает самостоятельность мысли, увлеченность темой. В статье В. Рыбалкина исследуется влияние Первой мировой войны на экономическую политику Скандинавских стран. Основной чертой их развития, по мнению автора, стало стремление воплотить на практике идеи «государства всеобщего благосостояния». В управленческом и политическом плане это произошло благодаря приходу к власти правительств социал-демократического толка, которые во избежание масштабных социальных потрясений в 1920-х гг. выдвинули и начали реализовывать идею равномерного распределения национального богатства между различными слоями населения. Определяющую роль в этой политике сыграла налоговая система. Этот вывод важен, поскольку после Первой мировой войны идеи социализма стали привлекательными не только в России. В статье Ф. Ковтонюка анализируется не рассматривавшаяся ранее в российской научной литературе тема причин возвышения Голливуда с позиций методов монополизации и демополизации в области кинопроизводства. Данная тема актуальна для современного российского кино. В статье О. Емельяновой на основе статистики и научных материалов показан экономический рост Японии в результате Первой мировой войны. Автор обращает внимание на усиление позиции финансово-промышленных групп дзайбачу главным образом за счет создания в каждой из них крупных предприятий тяжелой промышленности. Такой вывод важен для определения последовательности преобразований в экономике Японии между Первой и Второй мировыми войнами.

Таким образом, все представленные в монографии исследования являются результатом изучения новых источников, для них характерны актуальность, оригинальная постановка вопроса. Монография будет полезна для специалистов широкого профиля — преподавателей истории и экономики, а также для бакалавров, магистров, аспирантов и значительного круга любознательных читателей.

Профессор В. А. Погребинская

ЧАСТЬ 1

ЭКОНОМИКА РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. В. Ломкин

Первая мировая. Готовность России к войне нового типа

Помни войну!
С. О. Макаров

Первая мировая. Готовность России к войне нового типа

28 июня 1389 г. в битве на Косовом поле армия сербов потерпела поражение и Сербия на долгие столетия попала в турецкую неволю. Сражение пришлось на день святого Витта, и с тех пор этот день (по-сербски — Видовдан) стал днем общенациональной скорби.

525 лет спустя, 28 июня 1914 г., австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд с супругой графиней Софьей Хотек и сопровождающими их лицами, в число коих входили губернатор Боснии генерал Оскар Поттиорек, бургомистр Сараева г-н Феким-Эффенди и начальник сараевской полиции, разместившись в четырех автомобилях, въехали в пределы города Сараево.

Франц Фердинанд официально ехал на маневры¹ как генерал-инспектор австрийской армии. То, что эти маневры на самом деле представляли собой первую фазу боевого развертывания австрийских войск против Сербии, ни у кого не вызывало сомнения. Обстоятельства грядущей войны были уже многократно обсуждены, громоздкая военная машина была приведена в движение и остановить ее уже не было никакой возможности. Можно было лишь ускорить ее обороты.

Маршрут движения кортежа эрцгерцога был объявлен заранее, более того — он был опубликован в газетах, о нем знали все. Все знали и о том, что в многонациональном и многоконфессиональном Сараево на ненавистного сербам эрцгерцога может быть совершено покушение. Покушения ждали. И все как будто бы (или не как будто!) делалось для того, чтобы оно состоялось удачно.

¹ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. — М., 1990. — С. 163.

Восторженные толпы народа в тот даже для лета жаркий день наполнили улицы города. Солнце палило так, что плавился асфальт, но сараевским обывателям не терпелось лицезреть дорогого их сердцам наследника австрийского престола. Мусульмане и католики ликовали, сербы этой радости не разделяли.

Кортеж двигался по набережной Аппель, обрамляющей реку с нежным названием Милячка. Вокруг было море цветов. Цветы летели навстречу машинам, букеты падали на горячую мостовую.

Букет, брошенный сильной рукой Неделько Габриновича, летел прямо в машину эрцгерцога, двигавшуюся в кортеже второй. За букетом тянулся дымный след, который заметил эрцгерцог. Продемонстрировав удивительную для его тучной комплекции ловкость, Франц Фердинанд отбил букет рукой и тот отлетел под колеса третьей машины. Сильный взрыв разворотил машину, ранение в голову получил ехавший в автомобиле граф Мерицци.

После непродолжительной остановки кортеж продолжил движение — сначала в ратушу. Эрцгерцог не внял призывам отцов города и из ратуши направился в городской музей.

Автомобили мчались на предельной скорости. И вдруг произошло нечто странное — первый автомобиль внезапно свернул с набережной в узкий переулок, ведущий к проспекту Франца Иосифа. Водитель второго автомобиля, в котором ехал эрцгерцог, видимо, полагая, что так и надо, последовал за ним. Генерал Поттиорек потребовал вернуться на набережную. Шофер пробовал развернуть длинный автомобиль, сдал назад, потом вперед, машина въехала на тротуар и застряла.

Из толпы зевак на проезжую часть шагнул гимназист Гаврила Принцип, его ботинок увяз в размякшем на солнце асфальте... Кинуть бомбу он не успел, но успел произвести три выстрела. Две первые пули попали в графиню Хотек, третья наповал сразила эрцгерцога Франца Фердинанда...

Тайная организация сербских офицеров «Объединение или смерть» («Уеденье или смрт»), более известная как «Черная рука», практически безукоризненно провела операцию, блестяще спланированную ее лидером — начальником разведки сербского Генерального штаба полковником Драгутином Дмитриевичем¹.

Дело было сделано, жребий брошен. *Casus belli* — повод для начала войны был создан.

— Убили, значит, Фердинанда-то нашего, — безучастно скажет пани Мюллерова, до равнодушия аполитичная служанка бравого солдата Швейка.

Первая мировая война начиналась.

¹ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. — М., 1990. — С. 163.

Война нового типа

Есть такой афоризм: генералы всегда готовятся к прошедшей войне. При всей своей язвительности афоризм этот не так уж далек от истины. Опыт Первой мировой войны — яркий тому пример.

Рубеж XIX и XX столетий знаменовал собою изменение характера войн. Можно сказать, что формировалась война нового типа — война, причиной и целью которой была не политика, как прежде, а экономика. Экономика отныне сталкивала государства, приводя их к вооруженному противостоянию, экономика же становилась залогом победы или причиной поражения.

Еще сто лет назад, в эпоху Наполеоновских войн, воюющие армии в деле снабжения почти полностью полагались на ресурсы той местности, через которую они проходили. Провиант для солдат и господ офицеров, фураж для лошадей приобретался или отнимался у местного населения. Это было привычно, это было нормально. Из тыла поставлялись лишь боеприпасы, расход которых не шел ни в какое сравнение с тем, что наблюдалось уже в начале XX в.

Солдат-пехотинец, сражавшийся при Аустерлице, Бородине, Лейпциге или Ватерлоо, имел на себе лядушку с пятью зарядами для своего гладкоствольного ружья (лядушка могла быть и более вместительной, но это уже был походный вариант); да и сам процесс заряжания такого ружья представлял из себя целую процедуру, требовавшую определенного навыка, а в условиях боя — и известной сноровки.

Теперь солдат, вооруженный скорострельной магазинной винтовкой (или карабином — ее укороченным вариантом), мог нести в подсумках и на ремнях несколько десятков патронов (в одном подсумке у русского солдата начала XX в. — шестьдесят патронов); появился даже новый термин — носимый боекомплект (у русского солдата — 135 патронов, т.е. 27 обойм). Шестидесяти патронов, т.е. двенадцати обойм, солдату могло хватить на несколько минут интенсивной перестрелки.

Широкое распространение военной техники изменило не только оружие и методы ведения войны, но и саму экономику войны.

Магазинные винтовки, а еще больше опробованные англичанами во время войны с бурами пулеметы, равно как и бронепоезда, тактика «выжженной земли», фильтрационные и концентрационные лагеря (придуманные отнюдь не Сталиным и даже не Гитлером, а джентльменами с берегов туманного Альбиона), «блокаузы» (по-нынешнему — блокпосты)¹, артиллерийские орудия, заряжающиеся с казенной части унитарным патроном, авиация и прочее давали возможность понять, что новыми становятся и стратегия, и тактика современных войн, но главное — подготовка к войнам требует абсолютно иного подхода.

¹ См. напр.: *Дроговоз И. Г.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. — Минск, 2004. — С. 2, 6.

В эти годы военную мысль залихорадило. Некоторые военные теоретики брали на себя смелость утверждать, что войны ближайшего будущего станут весьма непродолжительными и заканчиваться они будут сами собой. Расчеты расхода боезапаса при массированном применении скорострельного оружия недвусмысленно говорили о том, что через два-три месяца после начала такой войны арсеналы опустеют, а промышленность будет не в состоянии восполнить дефицит боеприпасов. Это был взгляд оптимистов. Пессимисты так не считали.

Зависимость армий и флотов от развития науки, техники и экономики стала настолько очевидной, что отрицать этот факт было уже невозможно.

Два десятилетиями ранее это явление отметил Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», написанном в 1877–1878 гг.: «...Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»¹.

И далее: «Соперничество между отдельными государствами принуждает их <...> с каждым годом затрачивать все больше денег на армию, флот, пушки и т.д.»², «вся организация армий и применяемый ими способ ведения боя, а вместе с этим победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т.е. экономических условий <...>»³.

Звучит современно. Впрочем, то, что понял философ и экономист Ф. Энгельс, понимали и военные. Капитан германского Генерального штаба Макс Йенс, которого цитирует Ф. Энгельс, в прочитанном им 20 апреля 1876 г. (ровно за 13 лет до рождения А. Гитлера) докладе «Макиавелли и идея всеобщей воинской повинности» отметил, что «основой военного дела является прежде всего хозяйственный строй жизни народов»⁴.

Итак, армия стала жить экономикой страны. А экономика стала указывать политикам, куда направлять легионы.

Франция хотела вернуть себе важные в экономическом отношении Эльзас и Лотарингию; Германия разместила на этом направлении четвертую часть своих сил и возвращать эти территории не собиралась. Берлин готовил блицкриг на западе, оставляя Россию «на потом», и был уверен, что армия Австро-Венгрии свяжет основные силы русских. Австро-Венгрия с нескрываемым аппетитом взирала на плодородные поля Сербии и Черногории. В Вене предполагали быстро разделаться с маленькими славянскими государствами и затем нанести главный удар по России, с тем чтобы выйти к Киеву и к Черному морю. Британия хотела отобрать у Германии ее африканские колонии и утвердить свою ге-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. — С. 171.

² Там же. — С. 175.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 176.

гемонию в нефтеносной Месопотамии. Россия... На политике России, ее внешней торговле удавкой лежала проблема черноморских проливов. Решить эту проблему, взяв Босфор и Дарданеллы под свой контроль, Россия могла еще в 1878 г., но не сделала этого, уступив жесткому давлению Запада. Турецкий протекторат над проливами резко снижал возможность России быть достойно представленной не только в Черноморско-Средиземноморском, но и в Атлантическом бассейнах. У Турции же в грядущей войне были свои интересы. Собственно, это были интересы Германии, долго и упорно готовившей Турцию к очередной войне с Россией. На сей раз это должна была быть война за кавказскую нефть.

Для более полной иллюстрации экономического интереса Германии в затеваемой ею войне позволим себе привести обширную, но весьма откровенную цитату. Германский генерал Фридрих фон Бернгарди (кстати, родившийся в 1849 г. не где-нибудь, а в Петербурге — его отец был дипломатом) в 1912 г. опубликовал книгу, которая вызвала широкий международный резонанс — «Германия и будущая война» (в русском переводе книга называлась «Современная война»). В ней он писал:

«Ради того, чтобы добыть колонии, Германия должна воевать. Мы находимся в зависимости от других государств в том, что касается ввоза к нам сырья. Германия также значительно зависит от них, когда вопрос касается сбыта ее фабрикатов. Даже предметы первой необходимости Германия получает из-за границы. У нее нет таких обеспеченных рынков, как у Англии. Наши рынки не могут поглощать значительное количество производимых нами товаров. Державы стремятся защитить себя от нас высотой таможенных пошлин, от товаров, ввозимых из других стран, и в особенности из Германии. Ограждая себя таким образом, государства стремятся быть независимыми и развить свою собственную промышленность. Существование рабочего класса в Германии — всецело зависит от расширения вывозной торговли. Для Германии вопрос колоний является вопросом жизни или смерти. Скоро придется искать для все растущего населения еще другие источники существования, кроме промышленности. Но в пределах Германской империи это не может быть осуществлено, как бы ни были благоприятны международные отношения. Превращение в пашни и прежде негодных земель, дает занятие слишком немногим. Но весь прирост населения не найдет себе занятия в пределах Германии. Очень скоро перед нами возникнет такого рода дилемма: или отдать прирост своего населения другим странам, или добыть для него мечом новую родину, связанную со старой. Вне сомнений, как нужно разрешить эту проблему. Все, что Германии необходимо теперь, — она должна отнять у других. Во второй половине XIX в. Германия воевала, чтобы проникнуть в семью великих народов. Теперь она должна воевать, чтобы стать великой империей и до-

быть для германского духа и идей то признание, в котором другие народы ей отказывают. Германия должна себе требовать новых владений, требовать настойчиво, даже рискуя войной с более многочисленным противником. При нынешних условиях — бесполезно надеяться добыть новые территории в Европе. Прибалтийские провинции, заселенные немцами [,] утрачены для Германии, и если даже предположить, что их можно взять после победоносной войны, то вне сомнения — это поведет к новым войнам. В силу этого завоевательные стремления Германии должны быть направлены по другому руслу... Прежде всего политическое наше положение значительно упрочится, если Германия окончательно отделается от опасения, что Франция только выжидает благоприятного момента для нападения. Этот момент может наступить, когда Германия будет воевать с какой-либо другой страной. Так или иначе [,] Германия должна свести окончательные счета с Францией, чтобы развязать себе руки. Только покончив с Францией, Германия может энергично вмешиваться в мировую политику. Францию надо добить окончательно, чтобы она больше никогда не переступала дороги Германии. Германия должна забрать все подходящие для европейцев территории в Африке. В сущности говоря, Черный континент должен стать германским континентом, как некогда Южная Америка была испанским материком»¹.

Итак, война, которую ждали, которую усердно пестовали определенные политические круги, началась.

Была ли готова к ней Россия?

В мире цифр

Военно-экономическая готовность России

Россия всегда чего-то ждет, но никогда ни к чему не готова.

Так афористично можно выразить впечатление, которое складывается у исследователя при изучении ключевых, поворотных моментов в русской истории.

Период, предшествовавший Первой мировой войне, — один из таких.

Общий мотив, звучащий со страниц научной литературы: отсталая, сирая, забитая, лапотная Россия, лишь недавно выползшая на столбовую дорогу, ведущую к светлому капиталистическому будущему, везде и во всем уступала странам Запада. Оные страны преуспели в развитии всех основных отраслей экономики, Россия же этим похвастаться не могла. На Западе дымит заводскими трубами и стучит паровыми молотами мощная индустрия «стальных машин, где дышит интеграл»; бы-

¹ Цит. по: Павлов А. Н. Оси без колес. (Европа, Россия, Япония, С.А.С.Ш.). — Париж. 1938. — С. 81–82.

строходные компаунды там проносятся по развитой сети железных дорог; банковские империи там ссужают деньгами производителей, сливаясь с ними в предпринимательском экстазе и образуя финансово-промышленные группы; там колосятся тучные поля, с избытком обеспечивающие граждан всеми видами продуктов питания; могучие армии и грозные флоты там укомплектованы и оснащены по последнему слову науки и техники... И реки там молочные в кисельных берегах.

А что же Россия? Она, говоря словами одного из героев Андрея Платонова, «страна с отсталой техникой — корягой пашут, ногтем жнут».

По некоторым экономическим показателям, которые принято считать основными, Россия действительно уступала и ведущим мировым державам, и партнерам по Антанте.

Так, накануне войны Россия добывала 36 млн т угля (США добывали 517 млн т, Англия — 292, Германия — 277, Австро-Венгрия — 54, Франция — 41 млн т).

Добыча железной руды в России составляла 9,2 млн т, в то время как США добывали 63,0 млн т, Германия — 28,6, Франция — 21,5, Англия — 16,3. Меньше добывала Австро-Венгрия — 5,3 млн т.

Зато по добыче нефти среди государств обеих коалиций Россия, добывая 9,2 млн т, была на втором месте после Штатов, добывавших 34,0 млн т. Австро-Венгрия добывала 1,1 млн т, Германия — 0,1 млн т, а у Англии и Франции добыча нефти вообще отсутствовала¹.

Однако все ли так однозначно просто? И так ли уж все было плохо?

По выплавке стали Россия занимала четвертое место в мире. По объему производства чугуна — пятое (4,2 млн т)².

В относительных величинах некоторые экономические показатели действительно выглядят не очень впечатляюще. Так, того же чугуна в 1913 г. в России на душу населения приходилось в 11 раз меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Германии, и в 4 раза меньше, чем во Франции³.

В 11 раз меньше, чем в США! Это впечатляет. Только если к этому числу подойти внимательно, то откроется любопытная картина.

Во-первых, довольно странен сам этот показатель: количество чугуна на душу населения. Можно было бы понять исчисление на душу населения чего-нибудь съестного — хлеба, мяса... алкоголя, в конце концов. Но чугун! Впрочем, на душу населения можно пересчитать все что угодно.

Во-вторых, следует остановиться собственно на душах населения, а именно на их количестве.

¹ *Верховский Д. В., Ляхов В. Ф.* Первая мировая война 1914–1918 гг. Военно-исторический очерк. — М., 1964. — С. 18.

² *История Тыла Российских Вооруженных сил. (XVIII–XX вв.). Книга пятая.* — СПб., 2000. — С. 335.

³ *История тыла и снабжения Русской армии.* — М., 1955. — С. 235–236.

Говоря о таких относительных числах, надо иметь в виду, что тогдашнее население Российской империи превышало по численности население других промышленно развитых стран и имело четко выраженную тенденцию к дальнейшему росту. По данным переписи 1886 г., в России жило 113 млн человек, а в 1898 г., как указывал журнал «Вестник финансов, промышленности и торговли», — уже 129 млн 210 тыс. человек¹. Можно сравнить: в 1890 г. в Северо-Американских Соединенных Штатах было всего 63 млн жителей, в Германии — 50 млн, во Франции и Англии (без учета колоний) — немногим более 38 млн. Только Британская империя, взятая вместе со всеми колониями, при площади в четыре раза большей, чем Россия, обладала населением, в три раза большим, чем население России². В 1912 г., когда разгорались Балканские войны, в Российской империи жило 171 млн 060 тыс. человек³, а в год начала Первой мировой — 178 млн 378 тыс. 800 чел.⁴

Итак, в интересующий нас период численность населения России более чем в два раза превышала численность населения Штатов. После несложных арифметических действий ужасные «11 раз» превращаются... в упомянутое выше 5-е место в мире. Аналогичный пересчет можно произвести и для других стран, в которых на душу населения чугуна приходилось во много раз больше, чем в отсталой России.

Иначе говоря, рассчитывая подобные показатели, в случае с Российской империей мы всегда будем иметь больший знаменатель, нежели в случае с другими странами. При наличии в числителе приблизительно соотносимых друг с другом цифр, мы гарантированно будем иметь результат, способный удивить легковверного читателя, — Россия, имевшая большее население, будет отставать во много раз.

Между тем пятое место в мире — это совсем неплохо. Более того, это очень даже хорошо, принимая во внимание тот факт, что Россия на путь капиталистического развития ступила намного позже тех стран, с которыми ее обычно сравнивают. На известной некорректности такого сравнения обычно не останавливаются, хотя следовало бы.

Тем, кому пример с чугуном показался случайным, адресуем еще один образчик цифровой эквилибристики.

Почтенный советский ученый Иван Васильевич Маевский (1903–1969), являвшийся не только исследователем и свидетелем, но и участником многих исторических событий, в своем капитальном труде «Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны» (со ссылкой на книгу бывшего начальника Главного артиллерийского

¹ Ковалевский М. М. Экономический строй России. — СПб., 1900. — С. 6.

² Там же. — С. 7. М. М. Ковалевский ссылается на книгу А. А. Чупрова «Лекции статистики, читанные в Московском университете в 1897 г.».

³ Тери Э. Экономическое преобразование России. — М., 2008. — С. 35.

⁴ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 16.

управления генерал-лейтенанта А. А. Маниковского) пишет о пулеметах в Русской армии, «которых поступило на вооружение <...> по состоянию на 1 января 1916 г. всего лишь 6094 штуки, что вместе с имевшимися запасами составляло не больше 1,5 пулемета на тысячу штыков. В дальнейшем в связи с расширением внутреннего производства пулеметов с 1184 штук в 1914 г. до 11 500 штук 1917 г., а также массовыми закупками их за границей эта норма была доведена до 6,2 пулемета на тысячу штыков. Но она отставала все же от норм западноевропейских армий, имевших: французская — 3,7 пулемета на тысячу штыков, бельгийская — 14,9, сербская — 7,2 и т.д.»¹.

Чуть ниже на той же странице И. В. Маевский приводит данные о производстве станковых пулеметов в России, Германии, Англии и Франции в годы войны. Из этой таблицы мы узнаем, что в 1915 г. Россия выпустила 4250 пулеметов, а в 1916 г. — уже 11 400, т.е. в 2,7 раза больше.

Размышления только над этими цифрами способны повергнуть исследователя в состояние глубокого уныния, так как количество вопросов будет значительно превышать количество ответов.

Например, если Россия произвела в 1915 г. 4250 пулеметов, а на 1 января 1916 г. имела их 6094 штуки, то разница составляет всего 1844 штуки. Округлим это число до 2000, подразумевая естественную убыль пулеметов, потерянных, поврежденных и уничтоженных в ходе боевых действий. Не мало ли для армии, численность которой в 1916 г. возросла до 6 600 000 человек?²

Со слов И. В. Маевского не ясно, что он имеет в виду под словом «штык», когда говорит об отношении количества пулеметов на тысячу «штыков». Кто эти «штыки»? Собственно и только пехотинцы, на вооружении которых состояла винтовка со штыком? То есть в это число не входит личный состав флота, всей разнообразной кавалерии, авиации, возможно — саперных частей, телеграфных и искровых рот, воздухоплавательных парков и т.п.? Не ясно. Во всяком случае, кавалерия входит не должна — для выражения ее численности обычно применяется иное фигуральное выражение — «сабля»: кавалерийский полк в столько-то сабель.

Эта деталь не является мелочью, как может показаться на первый взгляд. На отсутствие подобной конкретики в цифрах, которые приводит генерал А. А. Маниковский, указывает и выдающийся русский военный теоретик, скончавшийся в эмиграции участник Первой мировой войны профессор Николаевской Академии Генерального штаба (Императорской Николаевской военной академии), генерал-лейтенант

¹ *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. — М., 2003. — С. 42.

² История Тыла Российских Вооруженных сил. (XVIII — XX вв.). Т. 1. — С. 424.

Н. Н. Головин (1875–1944)¹. И это при том, что Н. Н. Головин признавал авторитет А. А. Маниковского и его компетентность².

Сам Н. Н. Головин в своем фундаментальном сочинении «Военные усилия России в Мировой войне», впервые вышедшем на русском языке в Париже в 1939 г., особо останавливается на пулеметах в Русской Императорской армии, уделяя им отдельный параграф. В нем он приводит собственные статистические данные о количестве пулеметов³. Данные эти иногда почти совпадают с данными И. В. Маевского, но в целом отличаются от них — и количественно, и качественно.

Конечно, можно предположить, что советский ученый И. В. Маевский не знал о книге «белогвардейского» генерала-эмигранта Н. Н. Головина (во всяком случае, он ее не упоминает); хотя вряд ли — книга эта была в спецхранах и Ленинской библиотеки, и Государственной публичной исторической библиотеки, а значит, для ученого масштаба И. В. Маевского была доступна. Другое дело, что в силу известных идеологических установок обращаться к труду эмигранта было не резон. Это понятно.

Не понятно другое. Почему И. В. Маевский, приводя данные о выпуске пулеметов в России, начинает с 1915 г., а не с 1914-го — война-то ведь началась в 1914-м. Хотя при ближайшем рассмотрении становится понятно и это.

Согласно Н. Н. Головину, в 1914 г. в России было выпущено 833 тяжелых (станковых) пулемета. Мало? Возможно. Но посмотрим, что было дальше. В 1915 г. Россия производит 4250 пулеметов (4251 — по Н. Н. Головину), в 1916 г. — 11 400 (11 072 — по Н. Н. Головину), в 1917 г. — 11 500 (11 320 — по Н. Н. Головину). Таким образом, мы видим, что уже на второй год войны Россия увеличивает собственное производство пулеметов более чем в пять (!) раз! А при сравнении первого и последнего годов войны мы получим еще более впечатляющее число — производство увеличено в 13,8 раза!

Это говорит об определенном уровне российской индустрии. На это следовало бы обратить внимание читателя — пусть он удивится прорывным возможностям тогдашней промышленности.

А читателю говорят про 1,5 пулемета на тысячу штыков. И читатель, вслед за персонажем известного мультфильма, должен почесать в затылке и сказать: «Маловато будет!» Читатель ведь по привычке не задумается ни о соотношении численности русской армии и, например, бельгийской, ни о структуре армии той же Бельгии. Тем более внимание читателя не обратят на тот факт, что на вооружении бельгийской армии стоит огнестрельное оружие иностранной разработки — винтовка и карабин Ма-

¹ Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. — Жуковский—Москва, 2001. — С. 73.

² Там же. — С. 54.

³ Там же. — С. 195.

узера образца 1898 г., пушки Круппа образца 1905 г. и пр. (это при том, что, например, знаменитый конструктор оружия Леон Наган — бельгиец). Самое интересное, что «Военная энциклопедия» И. Д. Сытина (1911 г.), подробно перечисляя вооружение и снаряжение армии Королевства Бельгия, пулеметы не упоминает *вообще*¹.

В завершение этого экскурса в полный загадок мир пулеметов и цифр — еще немного информации для не разучившегося думать и рассуждать читателя: к вопросу о «нормах» в русской и западноевропейских армиях.

Перед Первой мировой войной в армиях крупнейших государств на пехотную дивизию полагалось 24 тяжелых (станковых) пулемета. В пехотной дивизии Русской Императорской армии было 32 таких пулемета (по 8 пулеметов на полк)². Sic!

Таким образом, обращаясь к экономической стороне Первой мировой войны (в применении к России), нам следует сделать ряд существенных оговорок.

В частности, надо признать, что мы не располагаем непротиворечивыми статистическими данными, вызывающими безусловное доверие. Более того, в источниках наблюдается устоявшаяся за десятилетия и ставшая едва ли не обязательной традиция изображения Российской империи как крайне отсталой страны, во всех отношениях и по всем параметрам уступающей как своим противникам, так и своим союзникам. Согласно этой традиции, Россия не располагала эффективными внутриэкономическими отношениями, в России отсутствовали или не были развиты основные сектора экономики. Безусловно, было бы неверным говорить о том, что экономика Российской империи не испытывала никаких проблем; они были, но аналогичные проблемы были и у других стран — участниц войны. Конечно, было бы неверным определять Россию как абсолютного экономического лидера; но ничуть не менее правильно представлять ее экономическим аутсайдером. В конце концов вполне можно задать вопрос, на который, базируясь на упомянутой традиции, невозможно дать внятный ответ: каким образом страна с допотопной промышленностью и никудышным сельским хозяйством смогла по определенным показателям обогнать другие страны, в отличие от них обойтись в ходе войны без нормированного распределения продуктов питания (без карточной системы), избежать сырьевого кризиса и в результате, по сути дела, оказаться в числе держав-победительниц (войну-то выиграла Антанта, в которую входила и Россия)? Ведь мы знаем, что затяжная война — это уже не столько война стратегий, сколько война экономик. Стало быть, экономика тогдашней России была способна выдержать такую войну, и она ее выдержала. А в том, что экономика испытывала из-

¹ Военная энциклопедия. — СПб., 1911. Т. IV. — С. 458.

² *Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф.* Указ. соч. — С. 23.

вестные проблемы и трудности, нет ничего удивительного — какая война не создает проблем в экономике? Важны ведь не трудности, встретившиеся на пути, а способность путника их преодолеть. Экономика же России доказала свою жизнеспособность и продемонстрировала мощный потенциал. Его хватило и на предвоенную индустриализацию, и на мировую войну, и на последовавшую за ней гражданскую. Разве этого мало?

Использованная литература

1. *Верховский Д. В., Ляхов В. Ф.* Первая мировая война 1914–1918 гг. Военно-исторический очерк. — М., 1964.
2. Военная энциклопедия. — СПб., 1911. Т. IV.
3. *Головин Н. Н.* Военные усилия России в Мировой войне. — Жуковский—Москва, 2001.
4. *Дроговоз И. Г.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. — Минск, 2004.
5. История тыла и снабжения Русской армии. — М., 1955.
6. История Тыла Российских Вооруженных сил. (XVIII–XX вв.). Книга пятая. — СПб., 2000.
7. *Ковалевский М. М.* Экономический строй России. — СПб., 1900.
8. *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. — М., 2003.
9. Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995.
10. *Тери Э.* Экономическое преобразование России. — М., 2008.
11. *Шульгин В. В.* Годы. Дни. 1920 год. — М., 1990.

Формирование принципов мобилизационной экономики в годы Первой мировой войны

Актуальность темы формирования принципов мобилизационной экономики связана с тем, что почти весь XX в. (1914–1991 гг.) государственное регулирование в России опиралось на методы данной экономики. В настоящее время на научном и государственном уровне объявлена необходимость перехода от мобилизационной к инновационной экономике. В связи с этим важно установить начало применения этих методов, этапы изменения потребности в применении мобилизационной экономики и причины трудностей перехода к другому типу экономики. Актуальность темы предполагает уточнение понятия «мобилизационная экономика». Из всех ее определений, которые нельзя считать окончательно сложившимися, наиболее практичным нам представляется следующее определение, данное А. Г. Фоновым: «Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей, с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм — будем называть мобилизационным типом развития»¹. Такой тип развития характерен для перехода к индустриализации и соответствующих ей технологических укладов (II–IV)². Принципиальное отличие инновационной

¹ *Фонов А. Г.* Россия от мобилизационного общества к инновационному. — М., 1993. — С. 88.

² Термин «технологический уклад» используется в отечественной экономической науке как аналог понятий «волны инноваций», «технико-экономическая парадигма» и «технологический способ производства». Впервые он был предложен в 1986 г. советскими экономистами Д. С. Львовым и С. Ю. Глазьевым в статье «Теоретические и прикладные аспекты управления НТП». Основной фактор технологического уклада I — прядильные машины, ядро уклада — текстильная промышленность. Новизна данного технологического уклада: механизация труда, создание поточного производства. Страны-лидеры: Великобритания, Франция, Бельгия. Основной фактор технологического уклада II — паровая машина, ядро уклада — паровое судоходство, угольдобыча, железные дороги. Страны-лидеры: Великобритания, Франция, Бельгия, Германия, США. Основной фактор технологического уклада III — неорганическая химия (конвертер, динамит), ядро уклада — черная металлургия, железные дороги, кораблестроение, производство взрывчатых веществ. Страны-лидеры: Германия, США, Великобритания, Франция, Бельгия, Швейцария, Нидерланды. Основной фактор технологического уклада IV — двигатель внутреннего сгорания, конвейерное производство, проводная телефонная связь, ядро уклада — автомобилестроение, самолетостроение, нефтехимия. Страны-лидеры: США, Западная Европа, СССР. Технологи-

экономики от мобилизационной заключается в том, что она возникает на уровне IV–VI технологических укладов, достижение которых возможно лишь на основе достаточно высокого уровня экономической свободы и качества жизни. Переход от мобилизационной экономики к инновационной в России предполагает изменение методов государственного регулирования, которые заключаются в нацеленности на качественные изменения в уровне жизни и которые наряду с экологическими задачами должны стать основными ограничителями всех научно-технических и военных программ. Отрыв целей повышения уровня жизни от цели экономического роста в России был связан вначале с чрезвычайными условиями развития, а затем опирался на созданную институциональную среду, которая может генерировать чрезвычайные обстоятельства в целях своего существования. Изменение институциональной среды — сложная, многоуровневая задача. Ее решение логично начинать с истории. В данном случае — истории формирования принципов и методов мобилизационной экономики.

Основные принципы мобилизационной экономики в России формировались в связи с необходимостью концентрации социально-экономических ресурсов для выполнения военных целей в годы Первой мировой войны. Они заключались:

- в **выделении основного звена** экономического развития для **достижения цели любой ценой**;
- использовании не рыночных, а **административных методов** управления экономикой.

Данные принципы не могут действовать постоянно в силу того, что население неизбежно страдает от их применения и согласно с ними только в экстремальных условиях. Поэтому применение принципов мобилизационной экономики не может не носить **дискретного характера**.

гический уклад V опирается на достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, геномной инженерии, новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой связи и т.п. Происходит переход от разрозненных фирм к единой сети крупных и мелких компаний, соединенных электронной сетью на основе Интернета и осуществляющих тесное взаимодействие в области технологий, контроля качества продукции, планирования инноваций. Ключевой фактор технологического уклада VI (прогноз С. Глазьева): нанотехнологии, клеточные технологии. Преимущество данного технологического уклада по сравнению с предыдущим по прогнозу будет состоять в резком снижении энергоемкости и материалоемкости производства, в конструировании материалов и организмов с заранее заданными свойствами. Доля технологических укладов в России и США представляет следующую картину (%):

Страна	III	IV	V	VI
США	–	20	60	5
Россия	30	50	10	–

Источник: «Википедия». Статья «Технологический уклад»

Однако принципу дискретности (прерывности, противопоставляемой непрерывности) противостоит **принцип сознательности** населения¹. Этот принцип позволяет противостоять дискретности мобилизационной экономики достаточно долго в экстремальных условиях. Исчерпание таких условий и переход к рыночным принципам экономики тормозятся созданием институтов реализации мобилизационной экономики. Данные институты препятствуют переходу к оптимальным принципам функционирования экономики, так как само их существование базируется на принципах мобилизационной экономики. Изменение ситуации во многом зависит от осознания обществом исторической обусловленности применения тех или иных принципов регулирования экономики.

Изучение принципов мобилизационной экономики актуально в связи с опасностью применения данных методов без достаточной необходимости. В то же время отдельные положения мобилизационной экономики могут быть использованы и в мирное время. Определение достаточных условий для применения тех или иных принципов мобилизационной экономики и есть задача исторического исследования. Экономическая история России показывает пример применения принципов мобилизационной экономики как в положительном, так и в отрицательном аспектах. Отрицательный аспект применения принципов мобилизационной экономики прослеживается тогда, когда они используются в историческом периоде, обладающем предпосылками для иных, более дифференцированных, методов управления экономикой. Например, введение нэпа в 1921 г., означавшее конец военного коммунизма и принципа командности в экономике, сменилось в 1929 г. полным отступлением от него. Только голод, связанный с чисто мобилизационными методами осуществления первой пятилетки, привел руководство страны к необходимости возвращения к сочетанию прямых и косвенных методов регулирования хозяйства, т.е. неонэпу в годы второй пятилетки. Подготовка ко Второй мировой войне и восстановление после нее прервали этот процесс. Реформы Хрущева, не затронувшие глубинных основ управления, сменились реформами Косыгина, замысел которых заключался в сочетании прямых и косвенных методов управления экономикой как антипода мобилизационной экономики. Замыслу этой реформы противостояли сложившиеся институты управления, насильственный и болезненный слом которых произошел в 90-е гг. XX в. Возможно, изучение исторического опыта России поможет в дальнейшем в какой-то мере избежать ошибок, тяжело оплаченных обществом, за счет понимания вариантности развития, а не следования одному неизбежному пути. В этом смысле важны как опыт мобилизационной экономики, так и опыт отказа от нее и пе-

¹ «Википедия». Статья «Мобилизационная экономика».

реход к принципам смешанной экономики, сочетающий прямые и косвенные методы регулирования.

Уровень и темпы экономического развития накануне Первой мировой войны

Специфика действия принципов мобилизационной экономики в России во многом определялась особенностями социально-экономического уровня развития накануне Первой мировой войны. Количественное и качественное определение подобного уровня в сравнении с другими мировыми державами — сложная научная проблема. Ее постановка до недавнего времени мало учитывала сложность этнотерриториальной структуры Российской империи. В 90-е гг. XX в. в Институте истории РАН было проведено исследование, которое определило сопоставимые параметры сравнения Российской империи с другими мировыми державами¹.

Критерий сопоставимости связан с тем, что территория России была представлена многообразной системой, состоящей из регионов разного уровня развития. Первый уровень был представлен метрополией с центром в Великороссии, с относительно моноэтническим составом населения. Второй уровень составляли огромные пространства районов переселения Сибири, Дальнего Востока и Северного Кавказа. Третий уровень — национальные окраины, заселенные разными народами и народностями, разнообразие которых исчислялось несколькими десятками. Поэтому авторы исследования справедливо предложили для реального сопоставления России с другими государствами сравнивать каждый региональный уровень с соответствующими им в мире. Это означало сравнение Российской империи с Британской; европейской России — с Великобританией и Германией; Великороссии — с Англией и Пруссией. В результате были предложены в качестве основных и дополняющих критериев сравнения расчетные, как среднемировые показатели, так и данные по каждому предложенному уровню (среднеимперские, среднеметропольные, среднецентрально-метропольные). В итоге применения предложенных методов сравнения авторы пришли к новым выводам, важным для оценки социально-экономического положения России в годы Первой мировой войны и особенностей формирования мобилизационной экономики.

В отношении социально-географического потенциала новизна выводов заключалась в том, что по размеру территории Россия как империя занимала **второе место** после Британской империи, а не **первое**, как значилось в более ранних подсчетах. По этому показателю среди метрополий европейская Россия также занимала второе место после

¹ Степанов А. И. Место России в мире накануне первой мировой войны // Вопросы истории. — 1993. — № 2. — С. 156—163.

США. Что касается численности населения, то применение предложенного метода сравнения показало также **второе** место европейской России среди метрополий после США; среди империй — после Британской империи и в мире — после Китая. **(В более ранних источниках вместо второго места указывалось первое.)** Приведенные данные поколебали утверждение об абсолютном преимуществе России по численности армии. В то же время ввиду своего геостратегического положения Российская империя содержала даже в мирное время самую большую по численности армию. Накануне Первой мировой войны в кадровой армии России было 1,4 млн солдат, или около четверти всех военнослужащих в мире. Необходимость содержать такую армию обуславливалась как геополитическим положением России, так и компенсацией ее отставания по качественным показателям в этой области. По таким показателям качества армии, как соотношение количества солдат в армии и в строю на одну тысячу жителей (7,5–8,2), Россия уступала своим наиболее вероятным противникам — Германии (соответствующие показатели: 10,0–12,5) и Австро-Венгрии (7,6–16,6). По уровню грамотности в армии (28–30% от уровня стран-противниц) Российская империя в целом занимала последнее место.

Сравнение естественной защищенности границ Российской империи с данным показателем у ее потенциальных противников также складывалось не в пользу России. Границы России с потенциальными противниками были значительно длиннее и опаснее, чем у других стран. Между тем в силу своего геостратегического положения Россия в условиях борьбы за передел мира не могла не стать центром назревающего конфликта. Была ли она к этому готова?

Уровень социально-экономического развития накануне Первой мировой войны в целом характеризовался сочетанием высоких количественных показателей и низких качественных показателей развития в сравнении с развитыми странами. Это было связано с начальным этапом вступления России в период индустриализации, который проходил там в последней трети XIX — начале XX в. Для сравнения отметим, что Англия встала на индустриальный путь в середине XVII в., США и Франция — в конце XVIII в., Италия и Австро-Венгрия — в начале XIX в.

Качественные показатели развития России, важные для военного противостояния, значительно отставали от количественных. Так, производительность труда в промышленности составляла лишь 50% от среднемировых значений, как и объем промышленного производства на одного человека. Значительным было отставание России от развитых стран и в области финансового капитала. В 10-е гг. XX в. Российская империя обладала финансовым капиталом в 11,5 млрд руб. (4,6% мирового финансового капитала). Из них 7,5 млрд руб., или 2/3, составляли иностранные капиталовложения и только 1/3 — национальные. По показателю

финансового капитала в целом (с учетом иностранного) Россия значительно отставала от США (в 4,5 раза), Британской империи и Франции (в 4 раза), Германии (в 3 раза). Если учитывать лишь национальный капитал, то показатели значительно ухудшаются. Последнее важно, так как во время войны иностранный капитал «бежал» из России.

Значительное расхождение количественных и качественных показателей развития России наблюдалось и в области национального дохода. Если по абсолютному объему национального дохода (16,4 млрд руб., или 7,4% общемирового) Россия занимала четвертое место после США, Германской и Британской империй, то среднедушевые показатели находились на предпоследнем месте среди сравниваемых стран, опережая только Японию и не достигая среднемирового уровня.

До исследований 90-х гг. прошлого века оспаривалось мнение о необходимости России вступать в Первую мировую войну. Исследования историков этого периода доказали, что стратегическое положение Российской империи ввиду ее материкового расположения на севере и в центре Евразии было крайне уязвимым в сравнении с другими державами.

Готовность России к войне, как и ее экономический уровень, характеризовалась противоречивым сочетанием высоких количественных и низких качественных характеристик. Высокие количественные показатели позволили Российской империи уже в августе 1914 г. выставить 114 готовых к бою дивизий. Для сравнения отметим, что у Франции было 62 дивизии, у Британии — шесть дивизий. Германская империя выставила в начале войны 78 дивизий (вскоре доведя их число до 96), а Австро-Венгрия — 49 дивизий.

На военные нужды направлялись огромные средства. Так, если Германия, находясь на первом месте в Европе по промышленному развитию, позволила себе военно-морскую программу в 1907–1908 гг. в 14 млн ф.ст., то русская программа того же периода, при том что Россия была на четвертом месте в Европе, стоила почти столько же. Военно-морское строительство 1913–1914 гг. обошлось Германии в 23 млн ф.ст., а русское кораблестроение стоило 24 млн ф.ст. Такие затраты в России стали возможны благодаря росту государственных доходов: с 1900 по 1914 г. они удвоились и достигли 3,5 млрд руб. Такой рост в большой мере определялся доходами от сельского хозяйства и экспорта хлеба, чему способствовали реформы Столыпина — одного из самых ярких противников войны с Германией. Реформы Столыпина заложили основы роста сельскохозяйственного производства, без которого было бы невозможно наращивать долю военных расходов.

Накопление средств для войны осуществлялось на основе перераспределения средств в пользу ВПК с применением определенных методов регулирования экономики. По данным, приведенным Л. Б. Каффенгаузом, доля военного производства в тяжелой промышленности,

возросла с 4,3% в 1913 г. до 11,8% в 1915 г. и 15% в 1917 г.¹ Следует отметить, что доля военной промышленности исчисляется Л. Б. Кафенгаузом по прямым затратам, учет полных затрат увеличивает этот показатель как минимум в 2—2,5 раза, т.е. доля военного производства в тяжелой промышленности составляла более 1/3. Росла и доля, направляемая сельским хозяйством и легкой промышленностью на нужды армии. Как использовались эти средства, изымаемые из потребления мирного населения? В популярной литературе ответ на этот вопрос однозначен. Средства использовались крайне неэффективно из-за казнокрадства, воровства, отсутствия экономического регулирования. Такой ответ справедлив, но не исчерпывает проблемы использования опыта мобилизационной экономики для неповторения ошибок, трагически оплаченных российским обществом. Между тем подобный опыт актуален в связи с тем, что в годы Первой мировой войны формировались прямые и косвенные методы хозяйственного регулирования, взаимодействие которых продолжается и в XX, и в XXI в.

Экономическое регулирование накануне Первой мировой войны

Вмешательство государства в экономическое развитие России и соответственно выработка его методов определялись тем, что развитие капитализма всегда стимулировалось «сверху», для реализации целей «догоняющего развития». Петр I, впервые поставив цель догнать Европу и всячески поощряя мелких предпринимателей, не смог преодолеть в этой области инерционности российского развития. Основным предпринимателем оставалось или государство, или создаваемые при его поддержке крупные предприятия — типа демидовских заводов на Урале, которые не сталкивались с конкуренцией. И в дальнейшем российская промышленность не испытала в полной мере действия «невидимой руки» рынка, зато всегда чувствовала «видимую» руку государства. Эта историческая особенность России и впоследствии, вплоть до нашего времени, влияет на соотношение прямых и косвенных методов регулирования, определяет не только преобладание прямых методов, но и их специфическую, директивную направленность. Невозможно было охватить директивой растущую российскую промышленность, что приводило как к росту теневой экономики, так и нерешительности нарождающейся буржуазии, полностью зависимой от государства. Кроме того, действенность прямых методов всегда зависит от таланта людей, их осуществляющих, и созданных ими институтов регулирования. Отсюда динамичное развитие России, как свидетельствует исто-

¹ Кафенгауз Л. Эволюция промышленного производства (последняя треть XIX — 30-е годы XX в.). — М.: Эпифания, 1994. — С. 208.

рический опыт, всегда совпадало с деятельностью талантливых реформаторов экономики.

Переход развитых стран мира к монополистическому капитализму в конце XIX — начале XX в. усилил роль государственного регулирования. Общими особенностями этого этапа в мире стали: концентрация производства и капитала и образование на этой основе монополий, играющих решающую роль в хозяйственной жизни; слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала»; формирование управленческой структуры в виде финансовой олигархии; преобладание вывоза капитала над вывозом товаров; образование международных монополистических союзов капиталистов, стремящихся к переделу мира в свою пользу.

Особенности России в этот период, который начался в конце XIX — начале XX в., заключались в том, что более низкий уровень развития промышленности, чем в развитых капиталистических странах, предопределил **более высокую степень концентрации производства, компенсирующую его недостаточный уровень**. Государственное вмешательство в экономическую жизнь привело к раннему возникновению в России государственно-монополистических тенденций. Они выражались в прямом **сращивании банковских монополий с Кредитной канцелярией Министерства финансов и Госбанком, а также в государственном контроле через эти учреждения частных предприятий и банков**.

Задача создания новых производств решалась в основном привлечением иностранного капитала. В начале XX в. главным каналом притока иностранного капитала в экономику России стали акционерные коммерческие банки, оказывающие решающее воздействие на деятельность промышленных предприятий. Основным направлением иностранных капиталовложений была тяжелая промышленность. Франко-бельгийские капиталы использовались в основном в металлургии и угольной промышленности Юга России. Английские капиталы направлялись в нефтяную, медную и золотодобывающую промышленность, германские капиталы работали в учрежденных в России дочерних предприятиях химических и электротехнических концернов, а также в тяжелой промышленности Царства Польского и Прибалтики. **Особенностью управления этими предприятиями в России было вращение их в российскую экономику, а не противостояние национальному капиталу, как это было в колониальных и полуколониальных странах. Поэтому уход большинства иностранных компаний с российского рынка в годы Первой мировой войны был столь болезненным для экономики России.**

Основной формой монополистического объединения стали синдикаты. Управление в данной форме монополии определяется устойчивостью объединения предприятий, в котором каждое из вошедших в объединение предприятий, сохраняя юридическую и производственную самостоятельность, делегирует синдикату функции снабжения и сбыта

своей продукции с целью монополизации рынка. Одна из причин формирования именно синдикатской формы монополий в России заключалась в том, что в России конца XIX — начала XX в. в противоположность западным странам норма торговой прибыли в два-три раза превышала норму прибыли в промышленности. Поэтому фабриканты и заводчики стремились избежать дорогостоящих торговых посредников и заниматься продажей своей продукции самостоятельно. Для этого и нужны были синдикаты, занимающиеся централизованным сбытом, но не производством продукции в отличие от трестов, господствовавших в США. Единственный русский трест, который пытались создать на базе синдиката «Продамет», потерпел крах благодаря усилиям дворянства, земств, ряда политических партий. Они активно выступали против монополистического капитала и требовали непризнания правительством любых форм монополистических объединений. Выступления эти в части образования синдикатов были большей частью безрезультатны. Бурный рост синдикатской формы монополий в конце XIX — начале XX в. сопровождался **сращиванием государства с монополиями, что проявлялось в единении государственного бюрократического аппарата с монополистическими управленческими структурами.** В государственном управлении участвовали те же люди, что и в управлении синдикатами. Дискуссии советских экономистов 60-х гг. XX в. о том, как характеризовать процесс взаимодействия государства и монополий в России в начале XX в. — как «подчинение» или как «сращивание», на наш взгляд, показал слияние этих двух процессов, а не противоречия между ними.

Таким образом, уже накануне Первой мировой войны государственное регулирование определялось сращиванием государства и монополии, что обосновало возможности формирования мобилизационной экономики.

Изменения в государственном регулировании России в годы войны

Формирование основных принципов мобилизационной экономики в годы Первой мировой войны было тесно связано с растущей потребностью в источниках ее финансирования.

На нужды обороны ежегодно расходовалась 1/3 национального дохода, который накануне войны составлял 16,4 млрд руб. Источником финансирования войны стали косвенные налоги на насущные потребности населения, прямые налоги, внутренние и внешние займы, выпуск бумажных денег. На 1 марта 1917 г. сумма бумажных денег в обращении составила 9950 млн руб. при золотом обеспечении 1476 млн руб. Огромный выпуск не обеспеченных бумажных денег привел к их обесценению и инфляции, значительно большей, чем в других воюющих странах. Выгода царского правительства от выпуска бумажных денег, по подсчетам

Министерства финансов, составила в переводе на золото 5365,9 млн руб.¹ Другим источником финансирования войны стали внутренние и внешние займы. С начала войны до Февральской революции было выпущено шесть внутренних займов на сумму 8 млрд руб., из них 500 млн ушло на выплату процентов, а оставшиеся 7,5 млрд царское правительство получило на нужды войны. Однако внутренние займы не пользовались популярностью среди населения. Внешние займы составляли к началу Февральской революции 6,3 млрд руб., из них 4,5 млрд предоставила Англия, 1,25 млрд — Франция, 250 млн — США, 154,5 млн — Япония, 121 млн — Италия. Эти займы шли в основном на оплату заграничных заказов на предметы вооружения и уплату процентов по старым государственным долгам, а также на поддержание падающего курса рубля и расчеты по обязательствам промышленных предприятий и банков. Внешние займы предоставлялись России на тяжелых условиях. Россия платила по ним огромные проценты, подчинялась контролю английского и французского правительства над военными заказами. Финансирование войны стало для России новым этапом усиления зависимости от стран Антанты.

Для финансирования войны использовался и такой источник, как увеличение налогов. Были повышены ставки всех прямых и косвенных налогов, пошлин, введены новые налоги. Этот источник дал к 1916 г. 500 млн руб., а в 1916 г. — 725 млн руб. Дополнительные налоги отражались прежде всего на доходах трудящихся. Введенный в 1915 г. подоходный налог не распространялся на доходы царя и царского дома. В течение двух с половиной лет войны не взимался налог на военные прибыли и только в 1917 г. он был запланирован в размере всего 55 млн руб. В целом же в проекте бюджета на 1917 г. налоги составляли 53% в сравнении с 35% в 1913 г.

Нацеленность финансовой системы на ведение войны была тесно связана и с изменениями в организации хозяйства в целом. Исследование подобных изменений привело выдающегося российского ученого-экономиста Н. Д. Кондратьева к созданию концепции взаимосвязи прямого и косвенного регулирования народного хозяйства. Его концепция была разработана в связи с потребностями мобилизации экономики в годы войны, когда он стал секретарем А. Ф. Керенского по сельскому хозяйству. В работе «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции», впервые изданной в 1922 г., ученый предлагает разделить все методы государственного регулирования на прямые и косвенные. Данные методы рассматриваются в связи с проблемой снабжения населения продовольствием в годы войны, но в дальнейшем он развивает свою теорию для объяснения необходи-

¹ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 331, лл. 78–83. Цит. по: История СССР. — М.: Наука, 1966. Т. 6. — С. 565.

мого взаимодействия плана и рынка в мирное время. Прямые методы регулирования в годы войны объясняются Кондратьевым как ситуация, когда государство в качестве хозяйствующего субъекта приобретает продукты и снабжает ими население. Такое регулирование Кондратьев называет регулированием «в тесном смысле слова»¹. Кроме этого регулирования существуют и методы косвенного воздействия — установление твердых цен, запреты вывоза, введение плановых перевозок. Цель данных мер — создание условий функционирования «рынка хлебов». В дальнейшем, развивая идеи регулирования в целом для народнохозяйственного комплекса, Кондратьев выдвигает положение о сочетании прямых и косвенных методов регулирования, плана и рынка. Работая над составлением «контрольных цифр» (так назывались первые народнохозяйственные планы на 1925, 1926, 1927 гг.), Н. Д. Кондратьев использовал опыт и учел ошибки **первых военных планов, а именно плана мобилизации военной промышленности в годы Первой мировой войны**. В рамках данного плана с середины 1915 г. вводилось так называемое «губернаторское регулирование рынка», которое означало запрещение вывоза основных продовольственных товаров из районов, их производящих, и их продажу по рыночным ценам. Так, хлеб, скот, лен и овес государство должно было покупать у производителей по фиксированным ценам и планомерно распределять их. С начала 1916 г. вводились карточки в некоторых городах на муку и крупу. С января 1917 г. вводилась принудительная хлебная разверстка. План по разверстке был выполнен лишь на 1/3. 25 марта 1917 г. была введена хлебная монополия. Весной и летом 1917 г. были установлены твердые цены на уголь, нефть, кожу, шерсть, соль, яйца, масло, махорку. Повсеместно вводилась карточная система. Логическим продолжением этих мер стали инфляция, замена торговли натуральным товарообменом, «черный рынок».

Временное правительство систематически усиливало регулирование рынка: создавались особые совещания, комитеты по топливу, продовольствию, перевозкам, экономический совет, главный экономический комитет. Были введены чрезвычайные меры: сформирована «Хлебармия снабжения», в которую входили армейские вооруженные отряды и городское население, направлявшееся на уборку урожая. Есть материалы, позволяющие утверждать, что готовились решения о введении всеобщей трудовой повинности. Анализ причин частого срыва мероприятий Временного правительства приводит Н. Д. Кондратьева к следующему выводу: преобладание прямого регулирования способствует тому, что государство устраняет от задач регулирования другие организации. Косвенное регулирование приобретает субсидиарный характер. Это означает, что, с одной стороны, косвенное регулирование становится лишь вспо-

¹ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М.: Наука, 1991. — С. 165.

могательным методом, а с другой стороны, на местах проблемы снабжения решаются чисто рыночными методами, процветает теневой рынок. (Уточним само понятие «субсидиарность» в экономическом смысле, который используется Н. Д. Кондратьевым). Субсидиарность (от лат. *subsidiarius* — вспомогательный) — организационный и правовой принцип, согласно которому задачи должны решаться на самом низком, малом или удаленном от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно)¹. После прихода к власти большевиков, как известно, была введена политика военного коммунизма, принципы которой, действуя в период 1918—1921 гг., были эффективны там и тогда, где обстановка характеризовалась принятием населением советской власти и пониманием остроты ее положения в Гражданской войне. Отказ от политики военного коммунизма и прямых директивных методов управления экономикой, переход к новой экономической политике (нэп) в 1921 г. вновь заставили ученых вернуться к проблеме взаимодействия прямых и косвенных методов регулирования.

Опыт экономического регулирования в России в годы Первой мировой войны использовался в теории и практике планирования в СССР. Обобщение использования данного опыта в области взаимодействия прямых и косвенных методов регулирования приводит к следующим выводам.

1. Взаимодействие методов прямого и косвенного регулирования может основываться на их разделении по сферам экономики. Во многом удачный опыт нэпа показал, что в отраслях, обслуживающих население, использование рыночных принципов эффективней прямого регулирования, которое целесообразно использовать в отраслях тяжелой промышленности. Однако существует опасность поглощения одних методов другими. Выход заключается в развитии хозяйственного права как основы взаимодействия прямых и косвенных методов регулирования.

2. Применение прямых методов регулирования связано с директивностью, которая является основой мобилизационной экономики. Формирование такой экономики в экстремальных условиях осуществляется за счет потребления. Поддержание мобилизационной экономики в таких условиях возможно лишь при высокой сознательности населения, понимании им экстремальности ситуации. Исчерпание экстремальной ситуации вызывает потребность роста жизненного уровня населения. Призывы к сознательности уже не действуют. Между тем созданы институты мобилизационной экономики, которые не хотят уходить в прошлое. Но они могут существовать только в условиях экстремальности и диспропорций между потреблением и накоплением (инвестированием). Поэтому институты мобилизационной экономики могут генерировать диспропорции и экстремальность для продления своего существования. Решение

¹ Статья «Субсидиарность» в Экономическом словаре на сайте «Академик».

проблемы эволюции мобилизационной экономики в оптимальную экономику — одна из самых сложных. Ее решение, на наш взгляд, связано с ростом образованности и культуры управленческой элиты.

3. Принцип субсидиарности — неизбежный при взаимодействии прямых и косвенных методов управления несет в себе опасность развития центробежных сил в государстве. В период реформ Н. С. Хрущева усиление самостоятельности территориального управления стало началом центробежной тенденции. Попытки ее преодолеть в период реформ А. Н. Косыгина за счет введения хозяйственных методов управления в целом по стране закончились новым витком развития теневого сектора, что во многом было связано с неразвитостью правовых основ регулирования хозяйства. В то же время косыгинская пятилетка (1965—1970 гг.) позволила обеспечить наиболее существенный рост народного благосостояния. Это свидетельствует о пользе попыток практического поиска оптимального соотношения централизации и децентрализации и исторической конкретности подобного оптимума.

4. Государство как крупный собственник, а в некоторых сферах монополист должно выполнять функцию защиты государственной собственности, а также функцию защиты общества. Такая ситуация возможна, если государство и частные собственники играют по «единым правилам игры».

5. Сочетание прямых и косвенных методов регулирования предполагает институциональное обеспечение их взаимодействия. Это наиболее сложная проблема в условиях преобладания «теневых» традиций. Возможно ли ее решение? Один из путей — образование нового поколения экономистов, понимающих суть проблемы.

Использованная литература

1. *Кондратьев Н. Д.* План и предвидение // Проблемы экономической динамики. — М., 1989.
2. *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М.: Наука, 1991.
3. *Кржижановский Г. М., Струмилин С. Г., Кондратьев Н. Д., Базаров В. А.* Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. — Л., 1989.
4. *Погребинская В. А.* Разработка методологии генерального плана в конце 20-х — начале 30-х годов. — М.: Наука, 1979.
5. *Струмилин С. Г.* Выступление на дискуссии «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». — М.-Л., 1928.
6. *Фельдман Г. А.* К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. — 1928. — № 11.
7. *Фонотов А. Г.* Россия от мобилизационного общества к инновационному. — М., 1993.

Т. А. Савинова

Общественные организации в «борьбе с дороговизной» в период Первой мировой войны

«Продовольственный вопрос принадлежит
к числу самых грозных».

Н. Д. Кондратьев

«Робкие попытки» правительства и активизация действий общественных организаций в решении продовольственного вопроса в 1914–1915 гг.

Авторитетные исследователи состояния экономики России периода Великой войны считают 1914 г. «потерянным» с точки зрения деятельности правительства и царской администрации по мобилизации отдельных отраслей и народного хозяйства страны в целом, приспособления их к условиям ведения тотальной войны¹. В своей периодизации развития русской военно-хозяйственной политики Я. М. Букшпан называет первый период, продлившийся до августа 1915 г., «периодом робких попыток правительственного регулирования, вынужденного эпизодическими хозяйственными затруднениями или, вернее, хозяйственными затруднениями, которые казались правительству... эпизодическими...»².

Задачу государственного управления в первый год войны правительство долго не представляло себе и не понимало в полном объеме³. Все началось с нарушения его нормальной конструкции, когда к делу снабжения армии продуктами сельского хозяйства Совет министров привлек не интендантское ведомство, а Главное управление землеустройства, которое, в свою очередь, создало особую организацию из уполномоченных земских и других деятелей, получившую привилегии на закупки продовольствия, транспортные перевозки и снабжение мирного населения. Затем 4 сентября 1914 г. Совет министров утвердил положение о предоставлении особых прав военному и морскому министрам в отношении ис-

¹ Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. Ч. 1. — СПб., 2003. — С. 63.

² Букшпан Я. М. Военно-хозяйственная политика. — М.; Л., 1929. — С. 251.

³ Шингарев А. И. О правительственных мероприятиях в деле борьбы с дороговизной // Известия ВСГ. — 1915. — № 16. — С. 115–125.

пользования торгово-промышленных предприятий, которое затрагивало не только дело снабжения войск, но и обеспечение всем необходимым населения. 17 февраля 1915 г. был издан указ о предоставлении чрезвычайных прав командующим округами. Они могли запрещать вывозить из губернии нужные для армии припасы и устанавливать на них цены, в случае отказа продавать продукты — реквизировать их с понижением цены на 15%. «Каждый начальник округа имел свою продовольственную политику, не основанную на каком-нибудь заранее обдуманном плане, — не согласованную с той политикой, которая велась по соседству. Те центры страны, которые особенно нуждались в продовольствии, оказались совершенно изолированными»¹. Командующие также имели право вводить определенные цены на отдельные продукты.

Регулирование транспорта очень быстро стало представлять для правительства неразрешимую головоломку, так как подвижной состав и управление дорогой на территории военных действий были в руках командования армией, а за территорией войны — в руках гражданских властей. Министр путей сообщения заведовал снабжением населения топливом, которым в мирное время заведовал министр торговли и промышленности, последний стал заведовать продовольствием, которым когда-то распоряжался министр внутренних дел. В конце марта 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности в соответствии с письмом председателя Совета министров был организован Главный продовольственный комитет, начавший свою работу только 19 мая. За время своего существования комитету кое-что удалось сделать: снять запрещение вывоза продовольствия и фуража в различные губернии и области; принять меры к обеспечению столиц местными продуктами и установлению внеочередных погрузок продуктов при условии отправления их по адресу губернаторов и губернских и уездных земских управ и т.д., тем не менее «правительственные мероприятия в области управления хозяйственной жизнью страны во многих случаях были неудачны, бессистемны, непланомерны... способствовали расстройству хозяйственной жизни и обострению дороговизны предметов первой необходимости»².

В то же время для земства и его организаций первый год войны никак нельзя назвать потерянным.

Созданные в июле-августе 1914 г. Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский союз городов (ВСГ) помощи больным и раненым воинам в первый год своей работы основной задачей видели помощь как самим участникам военных действий, так и их семьям, беженцам из терри-

¹ Юровский Л. Н. Продовольственная политика: Доклад в продовольственной секции учредительного съезда представителей Всероссийского союза городов 14–17 октября 1917 г. // Известия ВСГ. — 1917. — № 49. — С. 217.

² Шингарев А. И. О правительственных мероприятиях в деле борьбы с дороговизной // Известия ВСГ. — 1915. — № 16. — С. 125.

торий, захваченных войной, соотечественникам, оказавшимся на чужбине во время войны. Через несколько месяцев стало ясно, что активная деятельность городов и земств в основном направлении, а также рожденные войной вопросы (обесценение денег, снижение в среднем втрое налоговых поступлений¹, повышение цен на городские услуги, топливо и продовольствие, несмотря на крупные государственные субсидии) требовали скорейшего обсуждения, изучения и решения.

На втором съезде Всероссийского союза городов, созванном 13–15 февраля 1915 г., гласным Московской городской думы, членом Главного комитета ВСГ Н. И. Астровым был сделан обширный доклад о деятельности городов, вызываемой нуждами военного времени. В нем впервые говорилось об изменении всего хозяйственного строя жизни, ее экономических условий и о вставшем «в угрожающем величии вопросе о дороговизне жизни»².

На съезде было сделано еще два доклада, посвященных вопросу борьбы с дороговизной: М. П. Бойко «Борьба с дороговизной продуктов в городах» и представителя Петроградского областного союза К. А. Пажитнова «Борьба с дороговизной предметов первой необходимости».

Доклад Бойко был основан на данных анкеты, разосланной Главным комитетом ВСГ 31 декабря 1914 г. по губернским городам. На нее откликнулось 35 городов. На первый вопрос о вздорожании продуктов 18 городов ответили, что наблюдается значительное повышение цен, особенно в городах, живущих привозными предметами первой необходимости. Основными причинами вздорожания продуктов в большинстве городов докладчики называли расстройство железнодорожного сообщения и спекуляцию торговцев. В качестве первоочередных мер городскими думами принимались: нормировка цен, ходатайства о внеочередном предоставлении вагонов, обязательные постановления администрации карательного характера и др., но репрессивные мероприятия не всегда давали результаты.

По постановлению съезда Главному и областным комитетам союза городов было поручено образовать совещания по экономическим вопросам с целью изыскания мер борьбы с растущей дороговизной продуктов первой необходимости.

Первое организационное заседание Экономического совещания Главного комитета состоялось 12 марта 1915 г. На нем присутствовало 40 человек — представителей общественных организаций, научных обществ, деятелей кооперации. Главной своей задачей оно считало изучение явления дороговизны и изыскание практических мер борьбы с ней. Теоретическое исследование вопроса о дороговизне должно было лежать

¹ Твердохлебов В. Н. Влияние войны на городские и земские финансы. — М., 1915. — С. 23.

² Известия ВСГ. — 1915. — № 10. — С. 9.

на научных обществах, а практические меры — на Экономическом совещании. Оно состояло из общего собрания, совета, исполнительного бюро и подготовительных комиссий. Сбор статистических данных осуществляло особое статистическое осведомительное бюро, руководитель которого Л. Н. Литошенко разработал анкету, содержащую вопросы о дороговизне в городе и мерах борьбы с ней и разосланную во все крупные города еще до образования совещания.

В совет Экономического совещания вошли экономисты, статистики и кооператоры: В. И. Анисимов, В. Н. Зельгейм, А. Е. Кулыжный, А. А. Мануйлов, В. Г. Михайловский, С. Н. Прокопович, Н. Н. Авинов, Л. Н. Литошенко и др.

Инициатором объединения усилий научных сил в изучении вопроса имевшей место тогда дороговизны выступило Общество имени А. И. Чупрова.

Еще 23 октября 1912 г. при обществе была образована Комиссия по вопросам земской статистики. В ее работе в марте 1915 г. участвовало более 150 человек, в том числе земские статистики из 31 губернии, городские — из восьми. Практически была представлена вся земская Россия. Из 14 докладов только пять относились к текущим проблемам земской статистики. На съезде в основном обсуждались проблемы военного времени — дороговизна жизни, продовольственный вопрос и др.

19 марта 1915 г. в Обществе им. А. И. Чупрова состоялось совещание с участием представителей союзов земств и городов, московских губернской и уездной земских управ, научных обществ, Московского народного банка, кооперативных организаций, Общества помощи жертвам войны и Московского комитета по холодильному делу. Совещанием были определены ближайшие цели работы научной общественности: систематическая регистрация явлений, обуславливающих дороговизну, научное освещение этих явлений, научная экспертиза практических мер по борьбе с дороговизной. Для организации работ был избран президиум в составе: председателя А. А. Мануйлова, товарища председателя С. Н. Прокоповича, членов П. П. Маслова, С. В. Сперанского и секретаря Н. А. Савицкого. Президиум возглавил Комиссию по изучению современной дороговизны.

27–28 марта было организовано совместное совещание с Комиссией по вопросам земской статистики, в котором участвовало 16 земских и 8 городских статистических бюро. На совещании выступили Н. И. Астров, А. А. Мануйлов и В. Г. Громан.

В своем докладе А. А. Мануйлов изложил выработанную программу работ по изучению современной дороговизны. Программа содержала три раздела: 1) вопросы, связанные с проявлениями дороговизны; 2) ее причины и следствия; 3) практические меры борьбы с ней. В выступлении В. Г. Громана были намечены практические пути выполнения программы. Постановление совещания содержало два основ-

ных вывода: 1) «что исследование явлений дороговизны и мероприятия по борьбе с ними представляют неотложную общественную потребность; 2) ... что надлежашая широкая и полная постановка изучения современной дороговизны и вообще всех явлений в народном хозяйстве, вызванных войной, могла бы быть достигнута в том лишь случае, если бы это изучение было организовано земским и городским союзами в тесном объединении с кооперативными организациями и научными обществами. Комиссия поручила президиуму поставить в известность об этом своем постановлении все местные статистические учреждения»¹. Далее была намечена программа сбора сведений с мест. На совещании Комиссии по вопросам земской статистики 28 марта В. Г. Громанов впервые была оглашена резолюция о необходимости проведения имперской переписи запасов продуктов массового питания.

В собраниях Общества им. А. И. Чупрова принимали участие лучшие статистики и экономисты страны, каждый из которых старался внести свой вклад в выполнение программы по изучению вопроса дороговизны во всех его аспектах: движения цен на продукты и топливо, денежного обращения, реквизиции и закупки продуктов, продажи спиртных напитков, учета производства, запасов и обмена продуктов, деятельности кооперативных организаций и др.

В предвоенные годы и в первые месяцы войны русская экономическая мысль рассматривала ее «как нечто нарушающее и разрушающее нормальную экономическую жизнь...»², вопросы военного времени мало освещались в экономической литературе. Поэтому в начале войны экономистами всерьез обсуждался вопрос дешевизны товаров, в частности хлеба вследствие закрытия границ. В связи с этим высказывалась мысль о введении хлебной монополии для спасения крестьян от продажи хлеба за бесценок. В среде экономистов чрезвычайно популярной была главная тема спора между П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановским о том, какая страна будет более вынослива во время ведения войны: более отсталая или передовая. П. Б. Струве придерживался точки зрения, что страна с развитой экономикой легче перенесет войну, тогда как М. И. Туган-Барановский считал, что отсталой стране легче ей противостоять. Сторонники этого мнения считали, что война больше нанесет ущерба такому «механизму», как Англия, и меньше затронет такую отсталую страну, как Россия. Значительных, глубоких исследований влияния войны на народное хозяйство практически не было, как не было и опыта ведения длительной тотальной войны. Поэтому неудивительно, что после первого года войны экономисты и статистики принялись за решение насущных народнохозяйственных проблем.

¹ Известия ВСГ. — 1915. — № 11, 12. — С. 16.

² Каценеленбаум З. С. Финансовое положение России: Лекция в Московском университете 6 июня 1917 г. РГАЭ. Ф. 782. Оп. 1. Д. 43. Л. 25.

Первые результаты их работы демонстрировались на чрезвычайно представительном Совещании по экономическим вопросам, связанном с дороговизной и снабжением армии, в Москве 11–13 июля 1915 г. Здесь собрались представители городских самоуправлений, местных комитетов союза городов, земства, кооперативов, профессиональных рабочих организаций, практически все члены Экономического совета союза городов и Общества им. А. И. Чупрова. Всего было разослано 850 приглашений отдельным лицам и учреждениям, прибыло 373 человека. Такое совещание состоялось впервые со времени начала войны.

В пленарном заседании было сделано четыре доклада. Доклад профессора А. А. Мануйлова «Общие причины дороговизны и задачи государства и общественных организаций в борьбе с ней» носил общий, теоретический характер в объяснении причин дороговизны и мер, направленных против нее. Остальные три доклада Л. Н. Литошенко, П. П. Маслова и В. Г. Громана содержали вполне конкретные данные о состоянии цен на предметы первой необходимости на территории всей России. Значительная часть рабочего времени первого дня совещания ушла на «оживленные, порой страстные» прения, в которых все ораторы одинаково мрачно рисовали создавшееся положение и видели выход из него в обновлении местной и центральной власти. Заседание было закрыто в первом часу ночи.

12 июля после общего утреннего заседания участники разбились на две секции: хозяйственную и административную, доклады в которых носили специальный характер. В хозяйственной секции большинство из них затрагивало тему влияния дороговизны на различные отрасли народного хозяйства, а в административной — меры борьбы с ней. Все выступления сопровождались обменом мнений, в котором высказывались не столько возражения докладчикам, сколько дополнения в виде примеров из местной жизни.

Несмотря на разницу политических убеждений участников в вопросах, касающихся борьбы с дороговизной, ими было достигнуто редкостное единство. «Доклады, прения по ним и многочисленные сообщения с мест с достаточной ясностью обрисовали недостаточность и бессистемность продовольственных мероприятий правительства, нередко способствовавших еще большему расстройству хозяйственной жизни страны», — писал в обзоре заседаний совещания Л. Н. Литошенко¹. В резолюциях по докладам большинством участников высказывалась мысль о создании центрального органа, более жизнеспособного, чем Главный продовольственный комитет. Были признаны необходимыми статистическая общеимперская перепись, урегулирование транспортной проблемы и снабжения страны топливом, была осуждена существующая практика

¹ Литошенко Л. Н. Совещание по дороговизне в г. Москве // Известия ВСГ. — 1915. — № 16. — С. 4.

реквизиций для нужд армии, отмечена полная недопустимость запрещенный вывоза «как мероприятий, чрезвычайно вредных для хозяйственной жизни страны». Участники требовали предоставить городам возможность финансировать закупочные комиссии и перепродавать продукты по закупочной стоимости, но для этого в союзе городов должны быть достаточные средства, выделенные правительством.

Проведение в жизнь большинства решений совещания зависело от политики правительства, но уже при обсуждении его главной резолюции известный статистик, экономист и кооператор В. И. Анисимов предлагал изъять из окончательной формулировки в предложении «надежды, возлагавшиеся на обновление органов власти, не вполне оправдались» слово «вполне»¹. В таком виде она и была принята.

С одной стороны, деятельность правительства подвергалась жесткой критике, с другой — «основным источником существования обоих союзов была государственная казна. Уже с самого начала своего существования союзы земств и городов начали получать денежные субсидии, значительно превышавшие их собственные капиталы»². По мнению выдающегося специалиста по финансам В. Н. Твердохлебова, именно многомиллионные казенные субсидии в конечном итоге определили «отсутствие принципиальной грани» между функциями государства и общественных союзов. Правительство было твердо уверено не только в необходимости контроля за расходами союзов, но и в их ликвидации не более чем через полгода после ликвидации санитарных учреждений, созданных ими.

Тем не менее, понимая всю опасность углубляющегося экономического кризиса, власть готова была пойти на компромисс с Государственной думой и общественными организациями. Таким компромиссом стало образование 17 августа 1915 г. Особых совещаний по обороне, по продовольствию, по топливу и по перевозкам. Вопрос об участии общественных организаций в Особых совещаниях сначала представлялся спорным, так как некоторые партийные фракции в Государственной думе решили отказаться от участия в их работе. В конце концов в Особые совещания вошли и члены Государственной думы, и представители земского и городского союзов и военно-промышленного комитета. Среди представителей Всероссийского союза городов в Особом совещании по продовольствию были А. В. Чаянов, В. Г. Громан и кн. Д. И. Шаховской, а по топливу — Л. Б. Кафенгауз. Постоянным представителем в совещании по продовольствию, находящимся в Петрограде, был избран профессор А. С. Посников. Работа совещаний членами общественных организаций чаще всего характеризовалась как «спешная, случайная

¹ Журналы заседаний совещания 11–13 июля 1915 г. Корректированный оттиск. — С. 76. РГАЭ. Ф. 772. Оп. 1. Д. 76.

² *Погребинский А. П.* К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // Исторические записки. — М., 1941. — Т. 12. — С. 41.

и неплановая, иногда с прямым противодействием со стороны отдельных ведомств». Только через четыре месяца после начала работы Особое совещание по продовольствию приблизилось к системе мероприятий, намеченных июльским совещанием ВСГ¹. Л. Н. Литошенко отмечал, что неудачная работа совещаний вытекала уже из двойственности функций, заложенных законом 17 августа 1915 г. Вся полнота власти в совещаниях принадлежала их председателям, т.е. министрам, тогда как совещания лишь обсуждали предложенные ими вопросы. В случае необходимости председатели могли принимать решения и без предварительного обсуждения. С одной стороны, совещания только обсуждают принятые уже другими органами власти мероприятия, с другой — объединяют их, т.е. имеют право изменять и отменять постановления других органов². Конструкция совещаний «громоздкая и пестрая», совмещающая власть исполнительную и контрольную, не способствовала их успешной работе. «...Весь круг идей и мероприятий, с таким трудом проходящий через Особые совещания, в разное время и по разным поводам был определенно указан русской общественностью как выход из создавшегося расстройтва экономической жизни»³.

Так, в союзе городов был значительно расширен экономический отдел за счет создания при нем статистико-экономического бюро, руководимого В. Г. Громаном. Задачами бюро являлись разработка анкет и программ исследований, привлечение специалистов, сношения с научными обществами, сбор и анализ материалов по вопросам, решение которых предлагалось Особым совещаниям. Такими были совещания по продовольствию: массовая заготовка продуктов продовольствия и фуража для армии и населения; снабжение населения сахаром; организация выдачи продовольственных ссуд городам; проект о формах регулирования товарообмена, потребления и производства отдельных продуктов в зависимости от степени недостатка в них в отдельных местностях или во всей стране. В совещание по топливу были внесены проекты: общей реквизиции и распределения твердого минерального топлива Донецкого бассейна и установления предельных цен на нефть; в совещание по перевозкам — проект создания общего плана перевозок в качестве меры борьбы с расстройством транспорта.

Главной мыслью общей резолюции совещания статистиков, состоявшегося 21—22 ноября 1915 г., стало решение о проведении в кратчайшие сроки всеобщей сельскохозяйственной, промышленной и транспортной переписи, для разработки плана и программы которой должен

¹ Очерк деятельности Всероссийского союза городов. 1914—1915 г. // Известия ВСГ. — 1916. — № 23. — С. 152.

² Литошенко Л. Н. Деятельность Особых совещаний // Известия ВСГ. — 1915. — № 21—22. — С. 2.

³ Там же. — С. 28.

быть созван съезд всех статистических сил страны. Целый ряд ораторов (В. Г. Громан, К. Я. Воробьев, П. И. Попов) высказывался за немедленное ее проведение, что и было поддержано большинством голосов. Собрание также согласилось с мнением В. Г. Громана, что перепись должна быть произведена за государственный счет в соответствии со ст. 14 положения об Особом совещании по продовольствию, которое было наделено законом правом ее проведения. К сожалению, совещание только в конце января 1916 г. осознало необходимость переписи скота, а затем и посевных площадей.

Таким образом, в первый период экономической деятельности общественных организаций «борьба с дороговизной» выражалась в критике правительственных решений, научных изысканиях развития отраслей народного хозяйства в военный период и стремлении к централизации (новый продовольственный орган, статистические съезды и перепись) с целью замены правительственных структур. В то же время финансовая зависимость организаций от царской администрации не способствовала принятию решительных мер по установлению равновесия в народном хозяйстве страны.

Промедление в решении «грозного» вопроса приближает катастрофу

«Влияние войны на хозяйство, в особенности войны мирового характера, не может не быть весьма значительным», — отмечал Н. Д. Кондратьев¹. По мнению экономиста, это влияние распространялось на основные факторы производства: на труд, капитал и землю, что, в свою очередь, способствовало ухудшению продовольственного положения ведущих стран. Наступающий продовольственный кризис отразился в быстром и устойчивом росте цен на хлеб и муку² (табл. 1).

Таблица 1

Цены на рожь и пшеницу в 1914–1916 гг. (коп. за пуд)

	Июль 1914 г.	Дек. 1914 г.	Июль 1915 г.	Дек. 1915 г.	Июль 1916 г.	Сент. 1916 г.
Рожь, Елец	84	106	110	129	151	167
Пшеница, Киев	107	125	126	158	165	230
Цены на четыре главных хлеба и муку, в % к средним 1913–1914 гг.	108	120	137	174	189	227

¹ Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны / Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. — М., 2002. — С. 47.

² Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М., 1991. — С. 150.

Мобилизация крестьян в армию вызвала дефицит рабочей силы и снижение производительности труда в сельскохозяйственных регионах, это вело к сокращению посевных площадей. Ведение военных действий на части из них, реквизиции крестьянских лошадей для военных нужд, высокая цена или отсутствие семенного материала также не способствовали их расширению. 1915 г. выдался урожайным, но в дальнейшем произошло снижение урожайности, вызванное дефицитом органических и минеральных удобрений. К 1916 г. Н. Д. Кондратьев представляет следующую картину¹ (табл. 2).

Таблица 2

Посевы, урожайность и валовые сборы хлебов в годы войны

	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Посевные площади, млн дес.	70	67,3	63,2
Урожайность озимой ржи, пуд/дес.	53,1	72,3	60,1
Валовой сбор, млн пудов	2788	2935	2282

Углублению продовольственного кризиса способствовало ухудшение конъюнктуры продовольственного рынка. Доходы крестьян за счет продажи мяса и хлеба быстро росли, тогда как их спрос на промышленные товары не встречал достойного предложения из-за сокращения импорта и собственного производства, поэтому объем продажи продовольствия снижался, а цены на него росли.

На этом фоне в начале 1916 г. тенденции централизации деятельности общественных организаций продолжились. Вопрос борьбы с дороговизной на IV съезде Всероссийского союза городов в марте 1916 г. обсуждался в двух секциях: экономической и продовольственной. В экономической секции наиболее значимыми были два доклада — А. А. Мануйлова и М. М. Федорова, главной мыслью которых была задача создания центрального продовольственного органа из представителей общественных организаций для разработки общего плана снабжения армии и страны и обеспечения контроля его выполнения. При обсуждении доклада М. М. Федорова в продовольственной секции его предложение было поддержано многими представителями городов. В. Г. Громан, не возражая против создания подобной организации, указал, что законом Особому совещанию по продовольствию даны права, которых не имеет никто, — проводить реквизиции, устанавливая цены и монополию. Общественные организации были обязаны участвовать в его работе и побуждать к активным действиям. В докладе «Деятельность Особого совещания по продовольствию и основные задачи экономической политики» В. Г. Громан отметил неудовлетворительную организа-

¹ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М., 1991. — С. 12, 126.

цию работы совещания, назвав его «обычной канцелярией с несколько повышенным интеллигентным составом». Экономист рассказал о затягивании установления твердых цен, которые в конечном итоге так и не были установлены, а проведенные мероприятия привели к раздвоению рынка. Он считал, что «регулирование народнохозяйственных процессов есть дело, требующее государственной постановки и государственной власти»¹.

Создание центрального продовольственного органа общественных организаций началось с предварительного совещания 8 мая 1916 г., в день памяти великого русского гражданина Козьмы Минина. Это было символично для собравшихся представителей восьми общественных организаций, так как они считали свою работу спасения армии и населения от голода — «новым, серьезным и крупным» и даже «великим государственным делом». Была выбрана комиссия для разработки Положения о центральной продовольственной организации. На собрании 22 мая его проект был обсужден и принят, было уточнено название нового органа — Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу. Такое длинное название было необходимо, чтобы не вводить в заблуждение население о всевластности нового органа при решении вопросов продовольствия в полном объеме. Кроме средств, ассигнованных самими общественными организациями, комитет мог рассчитывать на подтоварный кредит со стороны крупных банков, но только при условии существования определенного юридического лица. Таким лицом стало общественно-паевое товарищество «Снабжение», устав которого срочно разрабатывался комитетом. Новый орган надеялся и на ассигнования из казны.

Съезд статистиков, проходивший 5—7 марта 1916 г., высказался за образование при управлении делами Особого совещания по продовольствию центрального статистического органа для руководства делами переписи «с приглашением в состав его как представителей статистической науки, так равно и представителей земской и городской статистической практики. Руководство же переписью на местах должно быть возложено на местные земские и городские статистические организации»². Для скорейшего воплощения решений съезда в жизнь им была избрана Исполнительная комиссия съездов земских и городских статистиков, правда, не признанная пока как представительный орган ни Особым совещанием, ни Министерством земледелия. Активное участие в работе комиссии от союза городов принимали В. Г. Гро-

¹ Громан В. Г. Деятельность Особого совещания по продовольствию и основные задачи экономической политики: Доклад IV съезду Всероссийского союза городов // Известия ВСГ. — 1916. — № 31—32. — С. 187.

² Резолюции съезда статистиков, созванного Главными комитетами земского и городского союзов 5—7 марта 1916 г. — Б/м., 1916. — С. 2.

ман, А. Е. Лосицкий и П. И. Попов, который, являясь ее секретарем и товарищем председателя, выполнял основную работу по организации съездов и совещаний, редактированию их материалов. В будущем именно из Исполнительной комиссии будет создан отдел переписи в Министерстве земледелия Временного правительства, ставший основой нового советского учреждения — Центрального статистического управления (ЦСУ).

В марте 1916 г. во Всероссийском земском союзе также был создан экономический отдел, «организацией которого земства впервые вступили на путь систематического и планомерного объединения тех разрозненных начинаний, которые проводились на местах»¹. Впервые земству представилась возможность выступить не с программой местной работы в области экономической политики, а с разработкой «ее общеимперского синтеза». Практически вместе с экономическим отделом были созданы продовольственное отделение во главе с А. В. Чайновым и статистическое отделение во главе с П. А. Вихляевым, которое должно было содействовать отдельным губернским земствам в проведении переписи на местах, обеспечить выработку программы работ и сбор материалов для продуктивного использования ее результатов.

Родственный отдел союза городов готов был координировать свою деятельность с экономическим отделом земского союза. От Вольного экономического общества поступило предложение в Экономический совет союза городов приступить к объединению всех экономических организаций России для обсуждения экономических вопросов в широком масштабе.

Таким образом, уже весной 1916 г. во всех общественных организациях, решающих продовольственный вопрос, четко наметились тенденции к централизации и объединению: Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу, Исполнительная комиссия статистических съездов, объединение всех научных экономических организаций ВЭО, наконец, общеимперская перепись, проводившаяся усилиями земства. Все было нацелено на замену правительственных структур, действия которых в решении продовольственного вопроса требовали немедленного вмешательства.

Деятельность министра земледелия гр. А. А. Бобринского, исполнявшего обязанности председателя Особого совещания по продовольствию, в составе правительства А. Д. Протопопова газета «Русские ведомости» называла «итальянской забастовкой», так как подписание текущих бумаг нельзя было считать руководством продовольственным делом. Думается, критика газеты была не совсем справедливой, так как именно при Бобринском были приняты закон о распространении твердых цен

¹ Труды совещания по организации посевной площади в 1917 г. 22–24 ноября 1916 г.: Доклады и постановления. — М., 1917. — С. 1.

на частные сделки и постановление от 10 октября 1916 г. об образовании местных продовольственных совещаний при уполномоченных. Однако исполнителем решений министерства и Особых совещаний был все тот же бюрократический аппарат, который уже показал собственное бессилие в решении продовольственного вопроса.

Тем временем Министерство внутренних дел разрабатывало свой продовольственный план под руководством А. Д. Протопопова, согласно предложению которого руководство будет сосредоточено в Особом совещании из трех министров: земледелия, внутренних дел и путей сообщения. Оно будет последней инстанцией для утверждения всех постановлений.

Последний министр земледелия царского правительства А. А. Риттих, по свидетельству коллег, был энергичен и деятелен, бывал в регионах и на фронте, выступал в Государственной думе, где «изложил свою продовольственную программу, основанную на продрозверстке»¹, которая была введена его постановлением «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной» от 29 ноября 1916 г.² Практическое же исполнение этого решения было сильно затруднено.

Согласно циркулярной телеграмме министра земледелия от 8 декабря 1916 г. губернские управы извещались о количестве хлебов, которое подлежит разверстать. К 14 декабря должна быть произведена разверстка между уездами, к 20 декабря — между волостями и частными владельцами, к 24 декабря — между сельскими сходами, к 31 декабря — между отдельными домохозяевами. Из 772 млн пудов, назначенных в разверстку, 211 млн решено закупить в некоторых губерниях (Херсонская, Бессарабская, Подольская, Полтавская, Самарская и др.) в прежнем порядке без принудительных мер. Из остальных 561 млн пудов было разверстано (пудов):

	к 15 января	к 6 февраля
Губернским земством	432 млн	432 млн
Уездными земством	185 млн	233 млн
Волостными сходами	3352 тыс.	11 млн

Легче всего было произвести разверстку в губернских земских собраниях, где проводилась лишь теоретическая разверстка между уездами, в уездных собраниях дело осложнялось, так как здесь определялось назначение поставок для частных хозяйств. Волостные сходы разверстывали очень медленно, практически определяя доли отдельных хозяев.

¹ Писаренко Э. Е. Премственность отечественной продовольственной политики 1910–1920-х годов и место в ней А. Д. Цюрупы // Экономическая история России. XIX–XX вв.: современный взгляд. — М., 2000. — С. 70.

² Опубликовано 2 декабря 1916 г.

Даже в некоторых губернских собраниях назначенная разверстка встретила возражения. Например, состоявшееся в Киеве 11—19 декабря 1916 г. совещание председателей губернских и уездных управ пришло к заключению, что из назначенных по Киевской губернии 30 млн пудов может быть поставлено не более 20 млн пудов зерна с крайними трудностями. Председателями управ министру земледелия была отправлена следующая телеграмма: «Исполняя предложение Вашего Высокопревосходительства, основанное на второй статье Положения о разверстке хлеба, губернская земская управа не может не высказаться, что разверстка ввиду запоздания ее и несоответствия в настоящее время данным переписи с хлебными запасами на местах, вследствие усиленного отчуждения за четырехмесячный период хлебов, не соответствует интересам дела и нуждам населения и в государственном смысле может представлять опасность. Председатель управы Суковкин»¹.

Разверстка между уездами производилась самыми различными методами. Некоторые управы (Уфимская, Симбирская) подробно разработали план разверстки, основанный на данных о запасах, урожае, потреблении и предусматривающий индивидуальное распределение поставок по величине хозяйства и числу едоков. Однако другие управы пошли более простым путем подесятинной разверстки. Проводя разверстку, земские собрания имели возможность высказаться по общим вопросам хлебных заготовок. Киевское совещание единогласно указало на необходимость привлечения к организации закупок всех местных сил. Оно признало, что разверстка должна иметь в виду интерес не только армии, но и населения. Поэтому, согласившись разверстать 20 млн пудов зерна, оно постановило из этого количества предназначить 14 млн для армии и 6 млн — для населения Киева. Совещание представителей земской управы в Полтавской губернии 11 декабря 1916 г. признало разверстку «опоздавшей и неосуществимой» и постановило продолжать закупки в прежнем порядке, не вводя прибавок к твердым ценам, установленным министром земледелия. В Таврическом и Екатеринославском совещаниях было отмечено, что повышение твердых цен задержало приток хлебов, так как производители ожидают дальнейших изменений в ценах. Разверстка, имевшая в виду поставку части излишков, превратилась в изъятие всех излишков сверх потребительных надобностей при наличии фактической хлебной монополии. «К началу января разверстка А. А. Риттиха в той части, которая к тому времени должна была быть проведена в жизнь, успела уже потерпеть крушение. Рассчитанная завершением в 35 дней, по дням точно к 6 января, — разверстка новым постановлением министра была продолжена до 1 марта, т.е. отсрочена на 54 дня. В это же самое время стали поступать сведения с мест о даль-

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2872. Л. 7,7 об.

нейшем обострении продовольственного кризиса как в районах заготовок, так в особенности в центрах потребления»¹. Крах разверстки вынудил министра земледелия перейти к военно-реквизиционному порядку ее осуществления, предусмотренному правилами, принятыми Особым совещанием по продовольствию, вопреки решительному протесту представителей союзов и членов Государственной думы от партии народной свободы.

Что же предлагали союзы взамен потерпевшей крах политики Министерства земледелия? Созданные ими централизованные продовольственные и статистические структуры оказались не способны действовать. Выдвигаемые требования опять были обращены к правительству и государству, касались принятия ими новых обязательств в решении продовольственного вопроса.

В записке Главного комитета ВЗС о необходимых мероприятиях в целях решения продовольственного вопроса от 30 января 1917 г. говорилось, что необходимо создать в центре и на местах работоспособный аппарат, пользующийся доверием населения. На него должно быть возложено снабжение как армии, так и населения страны.

С февраля 1917 г. это был уже аппарат Временного правительства, в трех составах которого на разных должностях побывало большинство деятелей общественных организаций. Теперь власть была в их руках, удалось ли им реализовать свои полномочия?

Первой мерой нового министра земледелия А. И. Шингарева стало проведение 25 марта 1917 г. закона о хлебной монополии. На VI съезде союза городов 8–10 апреля 1917 г. он сделал об этом обстоятельный доклад и речь свою закончил призывом: «К вам, граждане, я обращаюсь с покорной просьбой. Я прошу вас сказать, — везде сказать, где вы только будете, что в данный момент от хлеба зависит все государство, что долг гражданина отдать свой хлеб, потому что без хлеба невозможно сохранить только что добытую нами свободу и безопасность страны»². Это было больше похоже на мольбу, чем на указание министра. Согласно закону все учтенное зерно должно было поступать государству по твердым ценам, для этого необходимо было провести всероссийскую перепись зерновых запасов. Эта трудоемкая задача на тот момент была просто невыполнима. Твердые цены на хлеб были невыгодны как хозяевам-производителям, так и торговому капиталу, к тому же они только назывались твердыми и повышались несколько раз³ (табл. 3).

¹ Продовольственное положение городов по данным экспедиционного обследования ВЗС в январе 1917 г. (ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2874. Л. 1).

² Вестник Всероссийского союза городов. — 1917. — № 1. — С. 11.

³ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М., 1991. — С. 265.

Таблица 3

Твердые цены на основные виды зерновых (руб./пуд)

	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень
Сентябрь 1916 г.	1,91	1,5	1,6	1,31
Август 1917 г.	6,42	4,86	4,86	4,19

Постановлением Временного правительства от 1 июня 1917 г. было создано Министерство продовольствия, а также местные продовольственные комитеты: губернские, уездные и волостные. Из них Л. Н. Юровский считал исполняющими свои функции только губернские или областные, а волостные он назвал «не органами проведения продовольственной государственной политики, а органами борьбы с ней»¹. Временное правительство расширило права министра продовольствия в смысле управления местными продовольственными комитетами, вместо того чтобы изменить организацию продовольственного дела, «отделив заготовку от распределения и поручив распределение органам местного самоуправления, а заготовку особым органам милиции, связанным с центральным аппаратом государственной власти»². Я. М. Букшпан называет «трагическими документами эпохи» отчеты о заседаниях Экономического совета при Временном правительстве и его Главного экономического комитета, учрежденного в июне 1917 г. В них «члены правительства, экономисты, опытные чиновники старого режима и представители борющихся революционных сил пытались найти какие-то общие формы для сожительства и хозяйствования»³. Этот же автор отмечает отсутствие у Временного правительства в течение всех восьми месяцев определенной экономической политики и финансовой программы. При этом старый бюрократический аппарат не изменился и продолжал работать, как и прежде, в значительной степени определяя практический результат деятельности регулирующих органов, которыми были вновь образованные комитеты и комиссии⁴, не способные ничего изменить принципиально.

«Борьба с дороговизной» была проиграна как царским правительством, так и общественными организациями, которые не смогли использовать шанс, данный историей. Заведовавший в 1916 г. статистико-эконо-

¹ Юровский Л. Н. Продовольственная политика: Доклад в продовольственной секции учредительного съезда представителей Всероссийского союза городов 14–17 октября 1917 г. // Известия ВСГ. — 1917. — № 49. — С. 221.

² Юровский Л. Н. Продовольственная политика: Доклад в продовольственной секции учредительного съезда представителей Всероссийского союза городов 14–17 октября 1917 г. // Известия ВСГ. — 1917. — № 49. — С. 222.

³ Букшпан Я. М. Военно-хозяйственная политика. — М.; Л., 1929. — С. 461.

⁴ Общегосударственный продовольственный комитет, Комиссия для выяснения вопроса по снабжению населения предметами широкого потребления, Комиссия по вопросам организации народного хозяйства и труда, совещательная комиссия и др.

мическим отделом Петроградского отделения земского союза Н. Д. Кондратьев констатировал итог их деятельности со всей беспощадностью: «Мы проделывали действительный путь продовольственного строительства с присущей нам издавна чертой, которую отметил еще Ключевский, говоря о характере московских боярских построек: мы строили, потом пристраивали и надстраивали, частично перестраивали, топтались на месте, не проводя единого осознанного плана»¹.

Однако использование опыта централизации в решении продовольственного вопроса и административных приемов (реквизиции, карточная система, хлебная и другие монополии, продразверстка) в сочетании с репрессивными мерами позволило большевикам, проводя политику «военного коммунизма», ненадолго справиться с голодом и закрепиться у власти надолго.

Использованная литература

1. *Букипан Я. М.* Военно-хозяйственная политика. — М.; Л., 1929.
2. Вестник Всероссийского союза городов. — 1917. — № 1.
3. *Громан В. Г.* Деятельность Особого совещания по продовольствию и основные задачи экономической политики: Доклад IV съезду Всероссийского союза городов // Известия ВСГ. — 1916. — № 31–32.
4. Известия ВСГ. — 1915. — № 10.
5. Известия ВСГ. — 1915. — № 11, 12.
6. *Китанина Т. М.* Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. — СПб., 2003.
7. *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М., 1991.
8. *Кондратьев Н. Д.* Продовольственный кризис и задача организации хозяйства / *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. Избранные произведения. В 2 кн. — М., 1993.
9. *Кондратьев Н. Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны // *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. — М., 2002.
10. К тридцатилетию статистической и научной работы В. Г. Громана // Вестник статистики. — 1927. — № 2.
11. *Литошенко Л. Н.* Совещание по дороговизне в г. Москве // Известия ВСГ. — 1915. — № 16.
12. *Литошенко Л. Н.* Деятельность Особых совещаний // Известия ВСГ. — 1915. — № 21–22.
13. Очерк деятельности Всероссийского союза городов. 1914–1915 гг. // Известия ВСГ. — 1916. — № 23.
14. *Писаренко Э. Е.* Преемственность отечественной продовольственной политики 1910–1920-х годов и место в ней А. Д. Цюрупы // Экономическая история России. XIX–XX вв.: современный взгляд. — М., 2000.

¹ *Кондратьев Н. Д.* Продовольственный кризис и задача организации хозяйства // *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. Избранные произведения в 2-х кн. Кн. 1. — М., 1993. — С. 16.

15. *Погребинский А. П.* К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // Исторические записки. — М., 1941. — Т. 12.
16. Резолюции съезда статистиков, созванного Главными комитетами земского и городского союзов 5–7 марта 1916 г. — Б/м., 1916.
17. *Твердохлебов В. Н.* Влияние войны на городские и земские финансы. — М., 1915.
18. Труды комиссии по изучению современной дороговизны. — М.: Городская типография, 1915–1916. — Вып. 1–4.
19. Труды совещания по организации посевной площади в 1917 г. 22–24 ноября 1916 г.: Доклады и постановления. — М., 1917.
20. *Шингарев А. И.* О правительственных мероприятиях в деле борьбы с дороговизной // Известия ВСГ. — 1915. — № 16.
21. *Юровский Л. Н.* Продовольственная политика: Доклад в продовольственной секции учредительного съезда представителей Всероссийского союза городов 14–17 октября 1917 г. // Известия ВСГ. — 1917. — № 49.

Общее и особенное в протекании инвестиционных процессов в России в предвоенный период и период Первой мировой войны

Фундаментальные изменения национальной хозяйственной системы России во второй половине XIX — начале XX в., существенно изменив российскую экономику, заложили основы ее индустриального развития. Большое влияние на ее дальнейшее преобразование, в частности протекание инвестиционных процессов, оказало обострение конкуренции мировых держав, вылившееся в развязывание Первой мировой войны.

Первая мировая война внесла существенные коррективы в функционирование экономики Российской империи, потребовав не только более интенсивной мобилизации финансовых ресурсов на важнейших направлениях хозяйственной деятельности, но и изменения отраслевых и региональных приоритетов их использования. Кроме того, Первая мировая война повлияла и на функционирование в российской экономике иностранного капитала. Поэтому весьма актуальным в историко-экономической науке является сравнительный анализ инвестиционных процессов в предвоенный и военный периоды.

Исходя из особенностей развития хозяйственной системы России, в рассматриваемый исторический этап выделяют пореформенный, довоенный (ранний империалистический — монополистический) и военный периоды.

Исследование инвестиционных процессов этих периодов позволило выявить наличие общих характерных явлений, к которым, во-первых, необходимо отнести усиление и без того огромной роли государства, что нашло проявление в его высокой включенности в финансово-экономическую жизнь страны. Существовавшая значительная зависимость направлений инвестирования от экономической политики государства, в частности от военно-стратегических интересов России, особенно заметно проявилась в строительстве железных дорог и создании оперативной связи. Так, сооружение первой телеграфной линии на Дальнем Востоке в 1862—1866 гг. обошлось государству в 466 864 руб.¹

¹ *Высоков М. С.* История почты, телеграфа и радио на Дальнем Востоке. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2004. — С. 39.

Еще более значительные суммы расходовались на создание сети железных дорог, на что только в 1860—1870-е гг. ежегодно уходило от 13 до 15% бюджетных ассигнований.

Во-вторых, в инвестиционной деятельности количественно преобладали отечественные капиталовложения, особенно в финансировании мелкой и средней промышленности. В военное время было даже отмечено их увеличение, что привело к снижению доли иностранного капитала в акционерных обществах России с 40,5% в довоенное время до 35,8% в 1916 г.¹

Важным для понимания инвестиционных процессов, протекавших в российской экономике, являлся присущий ее капиталовложениям ситуационный характер, и если в пореформенный и предвоенный периоды главной была задача создания и развития индустриальной базы страны с соответствующей инфраструктурой, то война, выдвинув в качестве приоритета создание мощного военно-промышленного комплекса, не изменила данному принципиальному подходу.

Масштабность преобразований российской хозяйственной системы диктовала необходимость привлечения иностранного капитала, за счет присутствия которого происходило сокращение дефицита внутренних капиталовложений. И приток иностранного капитала в Россию, начавшийся в пореформенный период, не остановился с началом Первой мировой войны, изменились лишь его объемы и национальная принадлежность.

Следует отметить, что каждый из участвующих в инвестиционном процессе субъектов (государство, отечественные и иностранные предприниматели, религиозные и общественные организации) имел свои приоритетные сферы вложения капиталов и война не внесла существенных коррективов. Так, государство вкладывало капиталы в оборонную промышленность, железнодорожное строительство и связь, отечественные предприниматели — в водный транспорт, торговлю, текстильную, пищевую и золотодобывающую отрасли промышленности, иностранный капитал — в электротехническую, металлургическую, химическую отрасли промышленности, религиозные и общественные организации — в городскую инфраструктуру и недвижимость.

Необходимо подчеркнуть, что отмечавшееся со второй половины XIX в. широкое привлечение капитала в хозяйственную систему Российской империи, особенно в форме акционерного промышленного, в условиях войны получило не только дальнейшее развитие, но и новые стимулы для роста.

Большую роль в оживлении инвестиционной активности сыграло привлечение средств населения в кредитную систему с помощью сбе-

¹ *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. — М.: Дело, 2003. — С. 211.

регательных касс. И если их общая сумма в начале 1900-х гг. составила около 900 млн руб., то в 1914 г. она уже достигла 1704 млн руб., что свидетельствует об успешном решении проблемы мобилизации частных сбережений для инвестиционных целей¹.

Таким образом, несмотря на различия политических и общеэкономических условий в мирной и военной экономике, прослеживается определенная преемственность в протекании инвестиционных процессов.

Однако имелись и существенные особенности. Так, в пореформенный период в связи с затруднением развития внутреннего рынка «вглубь», возникла необходимость распространения капиталов «вширь», при этом в их размещении проявилась большая зависимость капиталовложений от развития российских путей сообщения, и особенно от строительства железных дорог.

Под влиянием экономической политики государства к концу XIX в. произошло выделение экономических центров по преобладанию источников капиталовложений, с определенной долей условности можно выделить:

- с преобладанием государственного стимулирования экономического развития — Санкт-Петербург, Уральский регион;
- куда активно направлялся иностранный капитал: Москва, Северный Кавказ, Закавказье, Сибирь, Юг России и Дальний Восток;
- с преобладанием отечественного капитала: Центральный регион России, Поволжский регион, Королевство Польское, Юго-Западный и Прибалтийский районы, Средняя Азия.

Заметным явлением пореформенного периода стало возникновение различных общественных организаций, капиталы которых сыграли определенную роль в активизации инвестиционного процесса. В качестве основного направления их хозяйственной деятельности следует отметить развитие городской коммунальной инфраструктуры.

В процесс экономической модернизации страны включились и различные конфессиональные группы, религиозные сообщества и представители разных типов деловой этики. Одной из российских особенностей трансформационного периода явилось активное участие в инвестиционном процессе религиозных организаций, в частности Русской православной церкви. Часть доходов религиозных организаций принимала форму внутренних инвестиций, способствуя развитию хозяйственной системы рыночного типа.

Обладая значительными материальными ресурсами, Русская православная церковь не прекращала усилий по их наращиванию и поиску новых источников дохода, одним из которых стала недвижимость, приносявшая значительную выгоду. Необходимо отметить, что церк-

¹ Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. — М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. — 240 с.

вам и монастырям разрешалось помещать во вклады в государственные сберегательные кассы для получения процентов собственные средства без ограничения сумм, т.е. РПЦ выступала и в роли инвестора-рантье, являясь крупнейшим вкладчиком в сберегательных кассах Российской империи и единственным, суммы вкладов которого не ограничивались¹. Другой влиятельной конфессиональной группой были старообрядцы, сумевшие наладить эффективную хозяйственную систему с использованием самофинансирования, сутью которого являлось удовлетворение потребности в капиталах за счет внутренних накоплений.

Таким образом, пореформенный период отличается появлением новых субъектов инвестиционной деятельности и источников привлечения капитала, новых сфер вложения капиталов, а также изменениями в их региональной направленности.

Особенностями предвоенного периода были процесс концентрации капиталов, становление монополий и монополистических объединений. Так, возникает ряд крупных синдикатов в черной металлургии и металлообрабатывающей промышленности, по продаже цемента и минерального топлива, синдикат вагоностроительных заводов и др.

Эти процессы происходили в значительной степени под непосредственным воздействием и участием иностранного капитала. Однако в их национальной принадлежности произошли изменения, связанные с тем, что правительство России стало проводить антигерманскую торговую и таможенную политику, что повлияло на приток германских капиталов. Одновременно свои позиции значительно усилил английский и французский капитал.

На ускорение инвестиционных процессов оказали огромное влияние концентрация банковского капитала и его сращивание с промышленным. Ярким примером этого является внедрение финансового капитала в нефтяную промышленность России.

В предвоенный период становление полноценного национального рынка страхования позволило превратить его в механизм привлечения и перетока капиталов. По данным на начало 1913 г., в России осуществляло свою деятельность 19 акционерных страховых организаций с капиталом около 400 млн руб. Законодательство определяло способ размещения финансовых резервов страховых компаний, поощряя диверсификацию их вложений с упором на стабильность и ликвидность инвестиций, наиболее популярными среди которых были вложения в недвижимость и ценные бумаги.

Характерной чертой этого периода явилось увеличение источников свободных денежных капиталов, что нашло свое выражение в увеличении вкладов и текущих счетов в российской кредитной системе.

¹ См.: Устав и правила для городских сберегательных касс. — СПб., 1864.

Факторами резкого оживления инвестиционных процессов послужил рост цен на международном хлебном рынке, а также перемещение свободных денежных средств из сельского хозяйства в промышленность в результате аграрной реформы и продажи помещиками земель. Увеличение притока в промышленность новых отечественных капиталов повлияло на громадное увеличение оборотов промышленных предприятий. Кроме того, рост государственного бюджета с 1,5 млрд руб. в 1900 г. до 3,4 млрд руб. в 1913 г., сконцентрировав капиталы и финансовую мощь в руках государства, явился мощным источником активизации инвестиционной деятельности.

Таким образом, в предвоенный период происходит широкомасштабный прилив отечественных капиталов, идет процесс их концентрации и централизации, сращивания промышленных и банковских капиталов. Активное участие в этом принимает иностранный капитал, однако государственные приоритеты в его привлечении изменяются.

Анализируя протекание инвестиционных процессов в России военного периода, следует отметить, что Первая мировая война оказала огромное влияние на все сферы жизнедеятельности, но особенно глубоко она затронула хозяйственную систему. Исследование экономической деятельности этого периода позволило выявить ряд особенностей. Так, острый дефицит сырья, топлива и оборудования, возникший уже с первых дней войны, усилил процесс концентрации капитала, началом которого стали слияния предприятий в нефтяной, машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Кроме того, выполнение больших военных заказов объективно требовало концентрации капиталов и соответственно укрупнения производств.

Необходимо подчеркнуть, что в процессе концентрации капитала происходило как добровольное слияние предприятий, так и их насильственное поглощение. Особенно этим отличились акционерные предприятия тяжелой промышленности, ставшие исключительными монополистами в военных сферах производства.

В хозяйственной деятельности произошло увеличение роли и активности российского банковского капитала. Банки наряду с расширением кредитования промышленности участвовали в строительстве железных дорог, объединении текстильной промышленности, торговле и т.д. Наблюдались встречные процессы слияния промышленного и банковского капиталов. Среди крупных акционерных промышленных предприятий, сросшихся с банками, следует особо выделить концерны Второва и Стахеева, контролировавшие десятки более мелких промышленных предприятий различных отраслей промышленности.

Увеличение военных потребностей потребовало концентрации капиталов и привело к усилению процесса акционирования в отраслях, связанных с их обслуживанием. С 1916 г. отечественная промышленность переживает волну наиболее интенсивного акционирования капи-

тала. Основная масса вновь образованных акционерных обществ приходилась на горнорудную, металлургическую и металлообрабатывающую отрасли промышленности. При этом акционирование капитала происходило за счет роста не только числа акционерных обществ, но и концентрации и централизации капитала.

В связи с ростом потребностей в военной продукции произошло увеличение государственного кредитования строительства новых казенных заводов военно-промышленного комплекса и расширения старых. Одним из ярких примеров является объединение в 1915 г. Главным артиллерийским управлением ряда заводов в центре и на юге России, позволившее создать крупные производственные мощности по изготовлению снарядов и взрывчатых веществ. В годы войны был также достроен Царицынский оружейный завод, снарядный завод в Балаково и др.

Главным источником роста промышленности в условиях войны были выгодные военные заказы. Так, за время войны нижегородские промышленники только через Нижегородский биржевой военно-промышленный комитет получили военных заказов на общую сумму в 10 296 676 руб., а ведь это был лишь один из источников получения военных заказов. Предприниматели нередко брали заказы и в центральном военно-промышленном комитете, и даже непосредственно в различных военных ведомствах, минуя распределительные организации. О величине военных заказов наглядно свидетельствуют данные по Сормовскому заводу: в конце 1915 г. он один имел заказов на 56 млн руб., в том числе военных на 40 млн руб.

Военные сверхприбыли давали дополнительные средства для расширения старых и организации новых производств, а прибыльные военные заказы стимулировали новое строительство. Именно в эти годы фирмой «Симменс-Гальске» на Мызе был построен телефонный завод. Большое строительство развернуло Нижегородское биржевое общество, в 1915 г. оно оборудовало два снарядных завода и один завод по производству ручных гранат. Только на оборудование второго снарядного завода биржевое общество получило от правительства 500 тыс. руб. безвозмездного пособия и аванс под изделия в 3 млн руб. Даже небольшой завод ручных гранат дал за время войны 205 тыс. руб. чистой прибыли.

Средства правительства выделялись и на восстановление эвакуированных из западных губерний заводов, значительное количество которых было размещено в Донском бассейне, в Поволжье, в Сибири. Так, в Саратов были эвакуированы такие предприятия, как завод «Титаник» и часть цехов Русско-Балтийского завода из Риги, завод «Жесть» и фабрика металлических изделий из Ревеля и др. Промышленность Нижнего Новгорода также пополнилась рядом новых предприятий за счет эвакуированных из прифронтовой полосы. Только из Риги прибыло 7 предприятий, в числе которых были такие крупные предприятия, как завод двигателей «Фельзер» и завод «Новая Этна». А в 1915 г. в городе появи-

лось и первое крупное швейное предприятие — обмундировочная мастерская, эвакуированная из Варшавы. Эвакуация промышленных предприятий, изменив географию промышленного производства, повлияла также на изменение региональной структуры капиталовложений.

Война вызвала масштабную диверсификацию промышленного производства, оторвав значительную часть капиталов от выпуска мирной продукции. Закрылись и снизили объемы производства такие предприятия, как пивоваренные и горчично-маслобойные заводы, кондитерские фабрики, лесопильные и кирпичные заводы и т.д. Зато на полную мощность работали заводы и фабрики, имевшие военные заказы. Только в Саратовской губернии по переписи 1918 г. на оборонные нужды работало 231 предприятие.

Под влиянием войны расширилось и существенно изменилось производство старых нижегородских предприятий. На Сормовском заводе появились новые цехи — пушечный и снарядный, в старых цехах были организованы мастерские для военного производства. Традиционные изделия завода вытеснила военная продукция, и в 1916 г. стоимость паровозов, вагонов и частей к ним составляла лишь около 11% от общей стоимости реализованной продукции завода. Смеловский цепной и якорный завод во время войны взял большой заказ на киркомотыги для армии и организовал производство артиллерийских кошек для стягивания проволочных заграждений. Пароходное общество «Волга» приспособило свои ремонтные мастерские в Сормовском затоне для изготовления штурцов к снарядам. Таким образом, практически все предприятия города в той или иной степени переключились на военное производство и в 1916 г. выполнением военных заказов было занято 64 различных предприятия Нижнего Новгорода.

Милитаризация России потребовала увеличения объема привлекаемых извне капиталов, преобладающая часть которых носила непродовольственный характер и была связана с заказами на вооружение и военное снаряжение. Общая сумма иностранных военных займов России за годы войны составила 7,68 млрд руб., из которых большая часть приходилась на Англию — 5,37 млрд руб. Кроме того, крупные займы России также предоставляли Франция — 1,49 млрд руб. и США — 553 млн руб.¹

Характерной особенностью военного периода было изменение соотношения капитала разных стран в промышленных и банковских инвестициях в России: было отмечено снижение доли немецкого капитала и увеличение англо-французского и американского, на что в немалой степени повлияло секвестрирование с началом войны в России предприятий немецких предпринимателей и немецких акционерных обществ.

¹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. В 3 т. Т. 2. — М.: ОГИЗ, 1948. — С. 652.

Одной из негативных тенденций этого периода был увеличивающийся отток капитала, вызванный размещением военных заказов за рубежом. Только в 1916 г. из всех заказов военного ведомства 41,7% (на сумму 1791 млн руб.) были переданы за границу, а на 1 января 1918 г. эта сумма составила уже 3222 млн руб.¹

Кроме того, огромное количество денежных средств как государства и населения, так и общественных организаций расходовалось на благотворительные цели и социальную поддержку слоев населения, чей уровень жизни ухудшился в связи с войной. Так, городские и уездные попечительства выдавали семьям солдат казенное пособие, а комитеты попечения о беженцах — пособие беженцам, население и общественные организации проводили сборы средств на различные нужды. В целях предупреждения инфекционных заболеваний в 1915 г. Саратовскому губернскому земству Всероссийским земским союзом, Министерством внутренних дел, Главноуполномоченными фронтов и благотворительными обществами было выделено 1 356 715 руб.

Пожертвования на военные нужды также сокращали объем производительного капитала. Так, только к 1 июня 1915 г. немецкие капиталисты Поволжья пожертвовали на эти цели около 100 тыс. руб., а саратовские предприниматели и торгово-промышленные служащие 26 июля 1914 г. — 600 тыс. руб. На фоне патриотического подъема подобные жертвования были характерны и для других регионов Российской империи.

Таким образом, сравнительный анализ развития российской экономики в исследуемые исторические периоды позволяет выявить как общее, так и особенное в развитии инвестиционных процессов, а также показать новые тенденции в региональной и отраслевой структурах капиталов, изменение их национальной принадлежности.

Использованная литература

1. *Высоков М. С.* История почты, телеграфа и радио на Дальнем Востоке. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2004. — 120 с.
2. Государственные финансы России / Под ред. И. В. Караваевой. М.: ЮНИТИ, 2003. — 304 с.
3. *Золотарева В. П.* Особенности инвестиционной деятельности в России (1861–1900 гг.): Дисс. ... канд. экон. наук. — М., 2005. — 161 с.
4. История Министерства финансов России. В 4 т. Т. 1 / Ред. кол.: А. Д. Курдин (гл. ред.); Министерство финансов Российской Федерации; Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 482 с.
5. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. В 3 т. Т. 2. — М.: ОГИЗ, 1948. — 738 с.

¹ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). — М.: ЦСУ. Отдел военной статистики, 1925. — С. 56.

6. *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. — М.: Дело, 2003. — 288 с.
7. Очерк развития и деятельности государственных сберегательных касс. — СПб., 1912.
8. Очерки истории Саратовского Поволжья (1899–1917). В 2 т. Т. 2. Ч. 2 / Под ред. И. В. Пороха. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. — 432 с.
9. *Петров Ю. А.* Московская буржуазия и проблемы промышленного финансирования в конце XIX — начале XX в. // Реформы второй половины XVII—XX в.: подготовка, проведение, результаты: Сб. науч. тр. — М.: Ин-т истории СССР, 1989. — 188 с.
10. Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). — М.: ЦСУ. Отдел военной статистики, 1925. — 103 с.
11. *Тюрина А. И., Федоров В. Д., Чемоданов Л. А.* История Горьковской области. — Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1989. — 191 с.
12. Устав и правила для городских сберегательных касс. — СПб., 1864.
13. *Хромов П. А.* Очерки экономики России периода монополистического капитализма. — М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. — 240 с.
14. Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). — Саратов: Приволжское издательство, 2002. — 688 с.

Военно-промышленные комитеты¹

Исторические записки Института истории АН СССР.
1940. Т. XI

I

Военно-промышленные комитеты были образованы в мае 1915 г., когда отступление русской армии из Галиции вызвало «патриотическую тревогу» русской буржуазии и растерявшееся царское правительство было вынуждено создать хотя бы видимость сотрудничества с буржуазной общественностью².

Решение о создании военно-промышленных комитетов было вынесено на IX торгово-промышленном съезде в конце мая 1915 г. по предложению Рябушинского. «Могучий голос русского человека», как характеризует Авдаков выступление Рябушинского, был с восторгом подхвачен русской буржуазией, и вскоре военно-промышленные комитеты были организованы и в центре, и на местах³.

¹ Настоящая статья представляет собой сжатое изложение нескольких глав докторской диссертации автора, посвященных военно-промышленным комитетам.

² Основными источниками статьи послужили огромная печатная продукция военно-промышленных комитетов, в распоряжении которых находились типографии, влиятельная буржуазная периодическая печать, квалифицированные литературные силы. Придавая важное значение организованным ею военно-промышленным комитетам, буржуазия пыталась каждый шаг их работы отразить в каком-нибудь документе (отчете, обзоре, докладной записке и т.д.), который печатался в большом количестве экземпляров типографским способом и затем «доверительно» рассылался всем сколько-нибудь видным представителям буржуазной общественности. Кроме того, комитеты выпускали брошюры, стенографические отчеты проводившихся ими различного рода заседаний, совещаний и съездов, информационно-справочную литературу, а также периодические органы — «Известия Центрального военно-промышленного комитета», выходившие три раза в неделю, и журналы — «Известия Московского военно-промышленного комитета» и «Производительные силы». Подробно отражали деятельность и позицию военно-промышленных комитетов газета Рябушинского «Утро России», орган кадетской партии «Речь», орган Совета съездов промышленности и торговли — «Торгово-промышленный мир России» и другие органы печати.

³ Известия МВПК. — 1915. — № 1. Об организации Центрального военно-промышленного комитета на IX торгово-промышленном съезде см. также: *Поливанов А.* Из дневника воспоминаний по должности военного министра и его помощника. — М., 1924. — С. 205.

В резолюции, вынесенной IX торгово-промышленным съездом, было указано, что Центральный военно-промышленный комитет создается для координирования работы всей промышленности на оборону и для согласования этой работы с правительством. Комитету предлагалось «обратить особое внимание на вопросы перевозок промышленных грузов и топлива, а также обеспечения промышленных предприятий необходимыми средствами»¹.

Ядром организационного Центрального военно-промышленного комитета был признан Совет съездов представителей промышленности и торговли². Самое название «Военно-промышленные комитеты» было, по-видимому, заимствовано из немецкого опыта³.

Первое организационное заседание военно-промышленного комитета состоялось 4 июня 1915 г. под председательством крупнейшего горно-промышленника, председателя Совета съездов промышленности и торговли Н. С. Авдакова. На этом заседании обсуждался проект положения о Центральном военно-промышленном комитете⁴.

Поскольку буржуазия официальным мотивом создания военно-промышленных комитетов выдвинула общественную помощь предпринимателей правительству, организация комитетов приветствовалась и официальными правительственными кругами, и черносотенно-реакционной печатью.

На IX съезде промышленности и торговли основным мотивом речей были заявления о доверии и единении с правительством. Сам Николай II направил приветственную телеграмму съезду⁵.

Положение о Центральном военно-промышленном комитете (ЦВПК) было утверждено Советом министров 4 августа 1915 г., и тотчас же ЦВПК занялся развертыванием своих местных органов. К началу 1916 г. было создано 220 местных военно-промышленных комитетов, которые объединялись в 33 областных ВПК, находившихся в крупных промышленных центрах⁶. Среди областных военно-промышленных комитетов исключительную роль играл Московский областной комитет, объединявший 45 местных комитетов Московской, Тверской, Рязанской, Тульской,

¹ Торгово-промышленный мир России. — 1916. Ч. 2. — С. 18.

² Там же.

³ В начале войны в Германии по инициативе крупного промышленника и финансиста Вальтера Ратенау был создан единый хозяйственный центр для обслуживания войны — Центральный военно-промышленный совет (Kriegsausschuss).

⁴ Торгово-промышленный мир России. — 1916. Ч. 2. — С. 19. (В связи с болезнью и смертью в сентябре 1915 г. Авдакова председателем Центрального военно-промышленного комитета был избран А. И. Гучков.)

⁵ Утро России. — 29/V 1915 г.

⁶ Список военно-промышленных комитетов. — Пгр., 1916. (Число местных и областных комитетов непрерывно росло.)

Калужской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Смоленской, Минской, Воронежской, Курской и Симбирской губерний¹.

Военно-промышленные комитеты были организованы по единому плану во всех сколько-нибудь крупных городах страны. Организуемая военно-промышленные комитеты, буржуазия мечтала о создании всеобъемлющей организации, которая имела бы свои шупальца во всех отдаленнейших уголках России. Комитеты создавались даже в тех местностях, где совершенно не было промышленных предприятий и где производство на оборону не могло развернуться сколько-нибудь заметно.

Организационная структура военно-промышленных комитетов была чрезвычайно сложной. Достаточно указать, что в Центральном ВПК было создано 13 отделов — механический и машиностроительный, металлический, взрывчатых веществ, врачебно-санитарный, продовольственный, перевозочный, по топливу, рабочий и др. За первый год работы штаты Центрального военно-промышленного комитета увеличились с 220 до 2000 чел. Еще более сложным было организационное построение областных военно-промышленных комитетов, выполнявших заказы не только на снаряды, но и на всевозможные мелкие предметы снаряжения, на обмундирование, обувь, валенки, ведра и т.д., и т.п. Московский ВПК, например, имел 25 отделов, бюро и групп, причем некоторые отделы, в свою очередь, делились на секции.

Согласно положению, разработанному ЦВПК, средства военно-промышленных комитетов образовались из трех источников: 1) правительственных субсидий; 2) отчислений с суммы заказов, передаваемых через комитет (до 1%); 3) добровольных взносов участников организаций². Этих средств, однако, хватало только на содержание аппарата ВПК, финансировать же предприятия, выполняющие заказы, либо создавать новые заводы военно-промышленные комитеты не могли. Установленный процент с общей суммы выполненных через ВПК заказов мог составить сравнительно значительную сумму лишь для Центрального и Московского военно-промышленных комитетов. В периферийных ВПК, где количество заказов было небольшим, процент отчислений мог дать лишь самые незначительные суммы. Что касается добровольных пожертвований со стороны членов ВПК, то в большинстве случаев они были также незначительны.

При таком положении вещей в ряде случаев крупные капиталисты, входившие в состав военно-промышленных комитетов, предоставляли их в так называемые гарантийные капиталы. Так, Киевский ВПК обладал гарантийным капиталом в 1 млн руб., предоставленным председа-

¹ Деятельность МВПК на 31/1 1916 г. — С. IX.

² Организация военно-промышленных комитетов. — Изд. ЦВПК. — С. 11.

телем Киевского комитета Терещенко¹. Благодаря этой системе гарантийных капиталов военно-промышленные комитеты получали в свое распоряжение оборотные средства. Эта система показывает, как тесно срослись интересы капиталистов с военно-промышленными комитетами. Отдельные представители крупной буржуазии не останавливались даже перед тем, чтобы субсидировать комитеты собственными капиталами.

В создании военно-промышленных комитетов в центре и на местах приняли участие виднейшие представители русской буржуазии. Достаточно рассмотреть персональный состав Центрального военно-промышленного комитета, чтобы убедиться в том, что здесь находился весь «цвет» русской промышленной буржуазии — крупнейшие предприниматели, банкиры и буржуазные политические лидеры. Председателем комитета был А. И. Гучков — основатель партии октябристов, крупный московский промышленник, бывший председатель III Государственной думы, игравший одну из руководящих ролей в развернувшейся во время войны оппозиционной борьбе буржуазии с правительством Николая II. Заместителем председателя был крупный московский текстильный фабрикант, один из вождей партии прогрессистов А. И. Коновалов. После Февральской революции эти лидеры русской буржуазии совместно с Терещенко, крупным киевским сахарозаводчиком, также входившим в состав ЦВПК, стали министрами Временного правительства.

В бюро Центрального военно-промышленного комитета входили: Изнар, Бубликов, Жуковский, фон Дитмар, Маргулиес, Федоров, Зернов и Ковалевский. Из перечисленных лиц только Зернов и Ковалевский принадлежали к представителям высшей технической интеллигенции, все остальные были крупнейшими промышленниками и финансистами.

Кроме того, в состав Центрального военно-промышленного комитета входили банкир и нефтепромышленник Нобель, директор Путиловского завода Бринк, крупнейшие московские промышленники Рябушинский и Третьяков, Крестовников, управляющий отделом промышленности в Министерстве промышленности и торговли Литвинов-Фалинский, члены Государственной думы Шингарев, Савич и ряд других².

Такое же точно положение было на местах. Во главе Московского военно-промышленного комитета стояли Рябушинский и Третьяков. Киевский комитет был организован Терещенко. В работах Харьковского ВПК руководящую роль играл крупнейший горнопромышленник фон Дитмар и т.д.

¹ Деятельность областных и местных военно-промышленных комитетов (на правах рукописи, изд. ЦВПК). — Пгр., 1916. — С. 27.

² Личный состав военно-промышленных комитетов (на правах рукописи, изд. ЦВПК). — Пгр., 1915.

Таким образом, военно-промышленные комитеты были целиком буржуазной организацией. Само собой разумеется, что наличие в комитетах «рабочих групп» совершенно не меняло положения. И не только потому, что «рабочие представители», по существу, представляли буржуазную агентуру в рабочем классе, целиком проводившую политику Гучковых—Коноваловых, но и потому (если даже подойти к этому вопросу чисто формально), что число этих «рабочих представителей» было крайне ничтожно.

Вопреки этим совершенно очевидным фактам, руководители военно-промышленных комитетов пытались утверждать, что в комитетах якобы представляют все группы населения, и это — организация, «далекая от узкоклассовых целей».

Еще на первом организационном заседании 4 июня 1915 г. состав Центрального военно-промышленного комитета был сконструирован следующим образом: 1) председатель и заместитель; 2) десять представителей Совета съездов промышленности и торговли; 3) по три представителя от областных ВПК; 4) по три представителя от городского и земского союзов; 5) по два представителя от Московской и Петроградской думы; 6) представители министерств и ведомств; 7) пять представителей Комитета военно-технической мощи; 8) два представителя Всероссийской сельскохозяйственной палаты; 9) три представителя Центрально-кооперативного комитета; 10) представители от рабочих.

Этот принцип «представительства» от различных организаций, по которому конструировались Центральный и областные ВПК, давал возможность буржуазии надевать на комитеты маску всесословности и «надклассовости».

Крупную роль в военно-промышленных комитетах играла буржуазная профессура и техническая интеллигенция. В работе Московского ВПК принимали деятельное участие профессора Чичибабин, Соболев и ряд других. Киевский ВПК из общего числа 103 членов имел в своем составе 24 профессоров и преподавателей и 12 инженеров¹. В Новочеркасском ВПК из 123 членов было 46 инженеров, 7 профессоров, 17 юристов и т.д.²

В 1916 г. Центральный военно-промышленный комитет проводил анкетное обследование областных и местных комитетов, имевшее целью выяснить «представительство общественных групп в ВПК». Разумеется, статистические методы ЦВПК и приемы группировки материала не дают нам возможности выяснить подлинное социальное лицо комитетов. Однако это обследование проливает кое-какой свет на интересующий нас вопрос. Под рубрику «технические силы» ЦВПК подводил инженеров и мастеров предприятий. По 118 комитетам, откликнувшимся

¹ Киевский областной военно-промышленный комитет. — Киев, 1916.

² Год работы (Обзор деятельности Новочеркасского ВПК).

на анкету ЦВПК, лиц, зачисленных в эту рубрику, оказалось 713 человек, что составляло 16,2% к общему составу¹.

Военно-промышленные комитеты были тесно связаны с союзами земств и городов. Последние, как известно, представляли организацию наиболее либеральных помещиков, октябристского толка городских домовладельцев, купцов и т.п. Во главе этих организаций стояли кн. Львов и Челноков.

Союзы земств и городов организовывали военные лазареты, оказывали помощь беженцам и вели работу по снабжению армии, главным образом продовольствием и обувью, опираясь на кустарные мастерские и мелкие предприятия. Руководители союзов земств и городов вошли впоследствии в состав «прогрессивного блока». Таким образом, в политическом отношении это были родственные военно-промышленным комитетам организации. К концу 1916 г. намечался созыв объединенного съезда военно-промышленных комитетов и союзов земств и городов, который, однако, не состоялся, так как был запрещен правительством.

В дальнейшем мы подробно остановимся на тех политических целях, которые ставила перед собой русская буржуазия, создавая военно-промышленные комитеты. Однако официальной программой деятельности комитетов были мобилизация промышленности и снабжение армии необходимыми средствами вооружения. Посмотрим, как военно-промышленные комитеты справлялись с этой прямой своей задачей.

II

Текущая деятельность военно-промышленных комитетов заключалась в распределении заказов военного ведомства между промышленными предприятиями. Так как собственных предприятий у комитетов вначале не было (они появились только впоследствии, и то в самом незначительном количестве), официальная программа ВПК — мобилизация промышленности на войну — могла быть выполнена только при условии объединения громадного числа промышленных предприятий. Централизация заказов военного ведомства в руках военно-промышленных комитетов передавала бы им ряд важнейших регулирующих функций: установление цен на промышленные изделия, распределение денежных авансов на заказы. Со временем перед военно-промышленными комитетами встала задача снабжения промышленных предприятий сырьем и топливом, а также квалифицированной рабочей силой. Заказы были весьма важным рычагом, при помощи которого военно-промышленные комитеты могли влиять на объединяемые ими предприятия. Этого и добивались комитеты, и если бы им удалось сосредоточить в своих руках все или по крайней мере значительную часть заказов военного ве-

¹ Представительство общественных групп в ВПК. — Пгр., 1916. — С. 7.

домства, то, безусловно, они превратились бы в главный хозяйственный штаб страны, который распределял бы среди предприятий металл, топливо, рабочую силу и финансировал бы заводы, работавшие на оборону. Но в том то и дело, что русской буржуазии так и не удалось этого достигнуть.

По данным Центрального ВПК, всего им было привлечено для выполнения заказов военного ведомства около 1300 предприятий. Но это были средние и мелкие предприятия, крупнейшие же фабрики и заводы страны получали заказы непосредственно от ведомств и в посредничестве военно-промышленных комитетов не нуждались. Из 1200 предприятий, существовавших в районе деятельности Московского военно-промышленного комитета, к моменту организации ВПК уже работало на оборону 492. Это и были наиболее крупные предприятия, которые в дальнейшем получали заказы от военного ведомства, минуя посредничество ВПК¹. Крупнейшие металлообрабатывающие заводы Петрограда получали заказы непосредственно от Главного артиллерийского управления. Южные металлургические и металлообрабатывающие заводы работали по заданию организации генерала Ванкова, которая имела в своем распоряжении большие средства и полномочия. Правда, военно-промышленные комитеты делали некоторые попытки объединить и крупные предприятия. На первом съезде ВПК ставился вопрос об установлении контакта между синдикатом «Продамет» и Центральным военно-промышленным комитетом в целях совместного распределения заказов военного ведомства². Но практически из этих попыток ничего не вышло. В юбилейной статье, посвященной годовщине военно-промышленных комитетов, «Известия главного комитета по снабжению армии» писали: «Непосредственное влияние комитетов привлекло к работам на оборону только часть средней и мелкой промышленности и почти не коснулось крупной, имеющей в этом отношении первенствующее значение»³.

Магнаты капитала Коноваловы, Терещенко, фон Дитмары, Нобели и др., игравшие руководящую роль в военно-промышленных комитетах, предпочитали, однако, получать заказы для своих собственных предприятий непосредственно от казны, минуя военно-промышленные комитеты. Перестройка промышленности, расширение работы крупнейших заводов, создание новых предприятий — все это в большинстве случаев проходило помимо военно-промышленных комитетов.

¹ Список фабрично-заводских предприятий Московского района, занятых работой оборону. — М., 1915.

² Труды I съезда ВПК. — Пгр., 1915. — С. 214.

³ Известия Московского военно-промышленного комитета. — 1916. — № 25–26. — С. 44. (В списках заводов, которым передавались заказы Московского военно-промышленного комитета, публиковавшихся в «Известиях МВПК», нет ни одного предприятия, принадлежащего крупной известной фирме.)

Распределение заказов между предприятиями производилось военно-промышленными комитетами следующим образом. Непосредственно от военного ведомства заказы получали только Центральный и Московский областной комитеты. ЦВПК распределял затем заказы между областными комитетами, а последние передавали заказы местным комитетам. Впрочем, на практике это правило нарушалось. Нередки были случаи, когда ЦВПК связывался непосредственно с предприятиями, а областные комитеты чаще всего обходили местные и передавали заказы прямо заводам. Это вызывало путаницу и трения, и по требованию ряда провинциальных комитетов, считавших себя обойденными в получении заказов, на втором съезде ВПК был подтвержден порядок распределения заказов через областные и местные комитеты. Однако и в дальнейшем это правило нарушалось.

Беспорядочное распределение заказов приводило к разному в ценах. На совещании 34 представителей военно-промышленных комитетов, проведенном в 1916 г., представитель Тульского комитета жаловался на то, что различные комитеты «не координируют своих заказов». Тульский комитет взял заказы на подковы по 1 руб., а Московский ВПК предлагал по 1 руб. 40 коп. Вследствие этого заводы забросили заказы Тульского комитета и принялись выполнять заказы Московского ВПК¹.

С другой стороны, распределение заказов производилось ЦВПК без учета промышленного профиля данного района. ЦВПК передавал заказы на производство снарядов и сложных предметов вооружения даже в такие комитеты, в районе деятельности которых не было металлообрабатывающей промышленности. В своих отчетах областные и местные ВПК жалуются на «снарядный гипноз», по которому ЦВПК обязывает производить снаряды даже там, где сделать это нет никакой возможности².

С самого начала организации военно-промышленных комитетов все их усилия были направлены к тому, чтобы получить от правительства как можно больше заказов. На торжественном открытии Московского ВПК Рябушинский требовал увеличения заказов и расширения организаторских функций ВПК. На совещании 34 представителей военно-промышленных комитетов почти все они требовали увеличения заказов. Представитель Киевского ВПК указывал на возможность развертывания работ химических заводов и настаивал на увеличении заказов на продукцию химической промышленности. Владивостокский ВПК в своем отчете писал: «Чтобы удовлетворить общее желание работать на оборону, необходимо получать заказы и заказы»³.

¹ Сообщения представителей 34 военно-промышленных комитетов. — С. 106.

² См., например: Отчет Омского ВПК. Деятельность областных и местных ВПК. I. — С. 97.

³ Деятельность областных и местных ВПК. I. — С. 23.

Борясь за заказы, промышленники спешно переоборудовали свои предприятия на производство предметов вооружения. Даже такой захудалый военно-промышленный комитет, как Владикавказский, не остался в стороне от этой борьбы за заказы и в 1915 г. защищал проект переоборудования небольшого спиртоперегонного завода Сараджевой и приспособления его на изготовление серного эфира¹. При зачаточном состоянии химической промышленности производство химических изделий было весьма выгодным делом. Это великолепно учитывали предприниматели и военно-промышленные комитеты. При Центральном и Московском областном военно-промышленных комитетах были созданы специальные химические отделы, которые усиленно занимались насаждением новых химических предприятий, проводили работы по освоению производства отравляющих веществ и ряда других продуктов военной химии, переоборудовали существующие предприятия и т.д. Харьковский ВПК развернул в довольно больших масштабах производство бензола².

Погоня военно-промышленных комитетов за заказами приводила к тому, что часто комитеты принимали заказы без учета пропускной способности своих предприятий. В ряде случаев военно-промышленные комитеты с трудом размещали полученные от военного ведомства заказы, Московский ВПК, у которого дело с выполнением заказов обстояло лучше, чем у других комитетов, на 1 июня 1916 г. получил заказов на предметы вооружения и военного снаряжения на сумму 93 млн руб. с лишним, а выполнил только на 56 млн руб. Правда, деятельность Московского военно-промышленного комитета широко развернулась в области распределения заказов на хлопчатобумажные ткани, которых было произведено для интендантства за это же время на 400 млн руб.³ Ростовский-на-Дону ВПК на 1 августа 1916 г. получил заказов на 24 млн руб., разместил среди предприятий на 21 млн руб., а выполнил только на 4800 тыс. руб.⁴ Одесский ВПК из полученных на 1 января 1916 г. на 17 млн руб. заказов сумел распределить между предприятиями только на 10 млн руб.⁵ Трудности в распределении заказов испытывали почти все военно-промышленные комитеты⁶.

Ряд военно-промышленных комитетов в погоне за заказами совершенно не задумывался о возможности их выполнения. Кременчуг-

¹ Труды Владикавказского ВПК. — Владикавказ, 1915. — С. 13.

² Сообщения представителей 34 ВПК. — С. 102.

³ Известия МВПК. — 1916. — № 23–24. — С. 175

⁴ Там же. — № 31–32. — С. 84.

⁵ Деятельность областных и местных ВПК. I. — С. 85. См. также: Известия МВПК. — 1916. — № 14. — С. 82.

⁶ См.: Деятельность Моск. обл. ВПК на I/IV 1917 г.; Краткий обзор деятельности Закавказского ВПК с I/V по 30/XI 1916 г.; ряд других отчетных материалов ВПК.

ский ВПК, например, на 10 февраля 1916 г. принял заказов на 3790 тыс. руб., а выполнил только на 283 тыс. руб. Свою неудачу Кременчугский комитет объяснял недостатком сырья и топлива и отсутствием квалифицированной рабочей силы¹.

На заседаниях ЦВПК неоднократно указывалось, что заказы выполняются с большим запозданием и что это вызывает неудовольствие со стороны правительственных органов. Сами деятели военно-промышленных комитетов признавали, что «по заказам комитета оказались большие недопоставки»². В целом было выполнено не более 50% полученных военно-промышленными комитетами заказов. Вообще удельный вес продукции военно-промышленных комитетов в общем производстве страны был крайне незначителен. Стоимость заказов, выполненных военно-промышленными комитетами, не превышала 2–3% общей стоимости заказов военного ведомства³.

Со второй половины 1916 г. положение еще более ухудшилось. В связи с обострением оппозиционной борьбы буржуазии правительство начинает резко сокращать заказы военно-промышленным комитетам. Это видно хотя бы из таких суммарных данных. На 1 февраля 1916 г. механический отдел ЦВПК получил заказов на 129 млн руб., а в течение целого года, с 1 февраля 1916 г. по 1 февраля 1917 г., — только на 41 млн руб.⁴

Первым забил тревогу Московский военно-промышленный комитет. 13 июня 1916 г. зам. председателя комитета проф. Смирнов в письме к председателю ЦВПК Гучкову указывал на резкое сокращение правительственных заказов. «В настоящее время, — писал Смирнов, — заказы, переданные Московскому ВПК главным военно-техническим и артиллерийским управлением, почти все распределены и частью исполнены, новых же заказов названные главные управления Комитету до сих пор не передали. Он стоит перед возможностью прекращения деятельности своего механического отдела»⁵. Периодическая печать военно-промышленных комитетов вступает в полемику с правительством, рассматривая сокращение заказов, как «поход против мобилизованной общественности». Руководители военно-промышленных комитетов Гучков и Рябушинский обратились с рядом писем к военному министру Шуваеву

¹ Деятельность областных и местных ВПК. I. — С. 51.

² Известия ЦВПК. — 1/1 1917 г.

³ Труды II съезда военно-промышленных комитетов. II. — С. 443. Крайне незначительную роль ВПК в деле снабжения армии признал также Терещенко, выступавший на II съезде. Исключение из этого правила составляет снабжение армии хлопчатобумажными тканями. Здесь Московский военно-промышленный комитет сосредоточил в своих руках все заказы, выполнявшиеся текстильной промышленностью района.

⁴ Известия ЦВПК. — 1/1 1917. Статья Клопотова. Эти заказы на 41 млн руб. падают, очевидно, главным образом на первую половину 1916 г.

⁵ Известия МВПК. — 1916. — № 27–30. — С. 57.

с требованием предоставления заказов, ссылаясь на «недопустимость с точки зрения интересов армии такой преждевременной демобилизации производительных сил»¹.

Представители Московского военно-промышленного комитета на совещании представителей районных заводских совещаний (органа Особого совещания на местах) тщетно доказывали необходимость сосредоточения всех военных заказов в руках ВПК и обеспечения последних сырьем и оборотными средствами².

Но правительство все эти требования отнюдь не склонно было выполнять. На совещании областных военно-промышленных комитетов 26 сентября 1916 г. представитель ЦВПК проф. Савин указал на то, что в связи с сокращением заказов «уже теперь мобилизованная промышленность оказывается в тяжелом положении», а в ближайшем будущем военно-промышленные комитеты стоят перед опасностью освобождения от работы по выполнению заказов около 700 мастерских, стоимость оборудования которых достигает 40 млн руб.³; приспособить же указанные предприятия к производству на широкий рынок весьма трудно ввиду отсутствия металлов. Так же пессимистически оценивали положение вещей и другие участники совещания.

К ноябрю 1916 г. заказы Центрального военно-промышленного комитета были исчерпаны. На заседании бюро ЦВПК от 7 ноября 1916 г. указывалось, что в случае неполучения новых заказов ряд заводов и мастерских должны будут сократить свою работу и уволить несколько тысяч рабочих⁴.

Таким образом, хозяйственная деятельность военно-промышленных комитетов шла по нисходящей кривой и вообще носила гораздо более скромный характер, чем этого хотели вожди русской буржуазии.

Создавая военно-промышленные комитеты, Гучковы—Коноваловы стремились прибрать к своим рукам всю промышленность, изолировав правительство от руководства хозяйством страны. В этом заключался лозунг мобилизации промышленности, как его понимали руководители русской буржуазии. Уже в первом изданном ЦВПК организационно-установочном документе отмечено со всей категоричностью, что «мобилизация промышленности должна быть организована самими промышленниками»⁵. Но на практике «уже в конце 1915 года выяснилось, что мобилизация промышленности в ее целом будет лежать вне сферы деятельности военно-промышленных комитетов и что в лучшем

¹ Известия МВПК. — 1916. — № 25–26. — С. 105.

² Моск. обл. арх. упр. Ф. 1. Оп. 2. Д. 12.

³ Известия МВПК. — № 31–32. — С. 141.

⁴ Утро России. — 8/XI 1916 г.

⁵ Организация военно-промышленных комитетов. — С. 6.

случае на их долю придется работа по урегулированию тех или иных областей»¹.

Автор цитированной статьи Клопотов, один из деятелей военно-промышленного комитета, с сокрушением указывал, что работа комитетов «протекала далеко не в том масштабе, в котором она должна была бы развернуться». Вместо руководства всей мобилизованной промышленностью в целом военно-промышленные комитеты, по существу, превратились в исполнителей отдельных поручений ведомств и контрагентов казны по частным заказам.

Необходимо отметить, что в крайне немногочисленной литературе, посвященной экономическому положению России в годы войны, проявляется полное непонимание роли военно-промышленных комитетов. Так, в одной из таких работ читаем: «Вначале военно-промышленные комитеты поставили своей целью посредничество между органами государственного управления и промышленностью. Однако вскоре же жизнь поставила их в положение главных распределителей военных заказов»². В действительности дело обстояло как раз наоборот. Военно-промышленные комитеты ставили своей целью стать главными распределителями военных заказов, но на практике им удалось получить совершенно незначительное число заказов, главным образом в первый год своего существования.

Такое же чрезмерное преувеличение экономической роли военно-промышленных комитетов имеет место в работе Я. Рудого, который в категорической форме утверждал, что «ВПК в своей деятельности стал органом регулирования промышленности на капиталистической основе в интересах самого капитала, который видел в нем своего ставленника и защитника»³. В действительности дело было значительно сложнее. Военно-промышленные комитеты стремились стать всеобъемлющей хозяйственной организацией, они хотели захватить в свои руки регулирование всей промышленности, но эти стремления не были осуществлены.

Помимо нежелания правительства выпустить из своих рук такой мощный рычаг политического и экономического воздействия на хозяйственную жизнь страны, как распределение военных заказов, дея-

¹ Известия ЦВПК. — 1/1 1917 г., статья Клопотова.

² Шигалин Г. Подготовка промышленности к войне. — М., 1928. — С. 206.

³ Рудой Я. Государственный капитализм в России в годы империалистической войны. — М.-Л., 1927. — С. 43.

Необходимо отметить, что автор вообще крайне упрощенно разрешает вопрос о государственном капитализме в России в годы войны. По его мнению, во время войны русская буржуазия становится «ярой сторонницей государственного регулирования». Между тем в действительности русская буржуазия высказывалась только за такое регулирование, которое проводилось бы ею же самой созданными организациями, а отнюдь не правительством.

тельность военно-промышленных комитетов встречала все большие и большие затруднения в связи с развивавшейся разрухой. Главные трудности, с которыми сталкивались военно-промышленные комитеты, шли по линии снабжения предприятий сырьем, топливом и квалифицированной рабочей силой.

Уже на первом съезде военно-промышленных комитетов, происшедшем в конце 1915 г., раздавались тревожные голоса о топливном и металлургическом голоде, причем промышленники требовали централизации снабжения сырьем и топливом в руках у военно-промышленных комитетов¹. В отчете о своей деятельности на 1 февраля 1916 г. Саратовский ВПК писал: «Главным препятствием правильной и аккуратной работы Саратовского ВПК и связанных с ним промышленных предприятий является недостаток и затруднения в доставке топлива, металлов, станков и других машин. Комитет не жалел средств на доставку их в Саратов, имея для этого постоянно разъезжающих агентов для приобретения материалов. Благодаря этому комитету удалось приобрести в необходимом количестве эти материалы не только для своего завода, но и для других общественных учреждений и частных предприятий, работающих на оборону. Но бывали случаи промедления доставки уже закупленных материалов вследствие расстройств транспорта, от чего происходило замедление в выполнении заказов»². На съезде военно-промышленных комитетов в Одессе в январе 1916 г. указывалось на трудности в снабжении предприятий железом и топливом³. Такие же жалобы раздавались со стороны большинства военно-промышленных комитетов⁴. Наиболее резко подчеркивал трудности, связанные с недостатком топлива, Московский ВПК, в районе деятельности которого были случаи приостановки ряда предприятий из-за недостатка топлива⁵.

Перебои в снабжении промышленных предприятий топливом не могли не тревожить буржуазию. Периодические органы печати военно-промышленных комитетов этому вопросу уделяли большое внимание. Основная причина топливного кризиса, по мнению «Известий МВПК», заключалась не в абсолютном сокращении добычи угля, связанном с потерей Домбровского района, а в железнодорожной разрухе, в которой буржуазия винила правительство. По данным «Известий ЦВПК», на 1 декабря 1915 г. в Донбассе остались не вывезенными 200 млн пудов угля. «Известия» требовали немедленной переброски вагонов из Петроградского узла и с фронта в Донбасс и усиления погрузочных

¹ Труды I съезда ВПК. — С. 215.

² Деятельность областных и местных ВПК. I. — С. 121.

³ Известия ЦВПК. — 31/1 1916 г.

⁴ См., например, сообщения Херсонского, Елисаветградского ВПК — «Сообщения представителей 34 воен.-пром. комитетов». — С. 49, 58.

⁵ Деятельность МВПК на 1/1 1916 г. — С. XIII.

и разгрузочных средств согласно плану, разработанному Центральным и Московским военно-промышленными комитетами¹.

Однако истерическая статья «Известий МВПК» не могла, конечно, спасти положения. Топливный кризис все больше обострялся. Добыча каменного угля в 1915 г. упала до 1954 млн пудов против 2200 млн пудов, добытых в 1913 г. Кроме того, во время войны совершенно прекратился импорт английского угля, которым до войны пользовалась вся промышленность Петрограда. Из месяца в месяц из-за транспортных затруднений увеличивались запасы невывезенного из Донбасса угля. По данным Особого совещания по топливу, за шесть месяцев, с сентября 1915 г. по март 1916 г., вместо назначенных к вывозу из Донбасса 799 млн пудов угля было вывезено всего 557 млн пудов².

В еще более тяжелом положении находилось снабжение промышленных предприятий металлом. Боевое и материальное снабжение армии потребовало резкого увеличения чугуна и стали. По подсчетам официального докладчика ЦВПК на втором съезде военно-промышленных комитетов проф. Савина, потребление черных металлов на военные цели в России выросло в 15 раз, а качественной стали в 5,5 раза. Между тем металлургическая промышленность в 1915 и 1916 гг. несколько сократила свою производительность по сравнению с 1913 г., не говоря уже об общем сокращении сырьевого баланса страны, связанного с потерей Россией Домбровского района.

Положение металлургической промышленности являлось предметом неоднократного обсуждения на заседаниях ЦВПК³. На втором съезде военно-промышленных комитетов в феврале 1916 г. специально обсуждался вопрос о мерах борьбы с недостатками чугуна. Докладчиком по этому вопросу выступил крупный московский предприниматель Гужон. Перебои в снабжении заводов металлом он объяснял исключительно расстройством транспорта. По подсчетам Гужона, потребность работавших на оборону предприятий в южном чугуне исчислялась в 200 млн пудов. Чтобы организовать подвоз руды и угля к металлургическим предприятиям для выплавки требуемого количества чугуна, Екатерининской ж.д. не хватало 3000 вагонов и 60 паровозов, Гужон предлагал самим владельцам чугуноплавильных заводов озаботиться обеспечением Екатерининской ж.д. этим подвижным составом, стоимость которого исчислялась в 9 млн руб. Приобретая в собственность 3000 вагонов и 60 паровозов, владельцы чугуноплавильных заво-

¹ Известия МВПК. — 1916. — № 13, статья проф. М. Сиринова.

² Обзор деятельности Особого совещания по топливу за 7 месяцев (с августа 1915 г. по март 1916 г.). — С. 11.

³ См., например: Журналы 22-го заседания ЦВПК от 13/VI 1916 г. и 24-го заседания от 18/VIII 1916 г.

дов сумеют в течение одного года покрыть эти затраты, повысив цены на чугун по 4,5 коп. на пуд¹.

— Без чугуна, господа, у нас нет возможности работать на оборону! — патетически закончил свой доклад Гужон.

Проект Гужона, однако, не был осуществлен. В 1916 г. производство вагонов и паровозов внутри страны почти прекратилось. С другой стороны, недостаток чугуна только отчасти объяснялся расстройством транспорта. На самом деле тут действовали и другие причины: общее сокращение производства металлов, непроизводительное расходование металла в огромных размерах, связанное с войной, топливный кризис и т.д. Словом, недостаток чугуна был одним из проявлений того развала капиталистического хозяйства России в целом, который давал себя знать уже в 1916 г. Но буржуазный делец Гужон проявил в этом вопросе крайнюю ограниченность. В его докладе не было и намека на общий анализ хозяйственного состояния страны.

Помимо доклада Гужона, на съезде особо обсуждался вопрос о мерах снабжения предприятий, объединяемых военно-промышленными комитетами, сырьем и металлами. По этому вопросу было принято следующее решение: «Съезд признает необходимым, чтобы Центральный комитет, совместно с областными, принял на себя заготовку металлов, нужных для исполнения заказов, распределяемых при посредстве Центрального комитета». В качестве текущих практических мер, могущих смягчить остроту положения, съезд наметил организацию местных складов железа и металлов при военно-промышленных комитетах. Кроме того, ЦВПК предложено было добиваться перед правительством прав внеочередных перевозок металла по железным дорогам².

После второго съезда в ряде военно-промышленных комитетов (Закавказском, Ростовском-на-Дону и др.) были организованы склады металла. Однако это не могло спасти положения, и организованные склады все чаще и чаще пустовали.

Попытки сосредоточить в своих руках все снабжение предприятий металлом вылились в организацию специального бюро при ЦВПК. При помощи этого бюро по распределению металлов буржуазия предполагала организовать «плановое» снабжение предприятий, работающих на оборону. Детально была разработана система распределения металлов по карточкам, в зависимости от количества выполняемых предприятием заказов. Но это бюро, как и следовало ожидать, оказалось беспомощной организацией, в связи с чем было вынесено решение о передаче его в ведение Особого совещания по обороне. При Особом совещании этот орган был переименован в металлургический комитет, во главе которого стоял уполномоченный Особого совещания. Буржуазия пыталась влиять

¹ Труды II съезда воен.-пром.комитетов. — Пгр., 1916. — С. 420—421.

² Там же. — С. 641—642.

на действия металлургического комитета¹. Однако обеспечить централизованное снабжение своих предприятий металлом Центральному военному-промышленному комитету так и не удалось.

Это объяснялось, с одной стороны, тем, что и само Особое совещание не в состоянии было организовать распределение металла между предприятиями, и все его регулирующие попытки дали крайне незначительные результаты². С другой стороны, Особое совещание с середины 1916 г. в связи с общей политикой правительства по отношению к военно-промышленным комитетам сознательно перестало снабжать предприятия, объединяемые комитетом, металлом. На Московском областном съезде ВПК, происходившем уже после Февральской революции (17—18 марта 1917 г.), зам. председателя МВПК проф. Смирнов заявил, что военный министр Беляев давал секретные предписания подведомственным ему лицам не отпускать военно-промышленным комитетам железа³.

Стремясь сосредоточить в своих руках все производство на войну, стать единой всеобъемлющей хозяйственной организацией, военно-промышленные комитеты большое внимание уделяли заграничному опыту мобилизации народного хозяйства на время войны. Особенно интересовалась буржуазия Германией, где централизация промышленности вылилась в законченную систему военно-государственного капитализма. Промышленники понимали, что капиталистическая Россия не в состоянии создать такую же единую и централизованную систему хозяйства, как в Германии. На втором съезде военно-промышленных комитетов фон Дитмар прямо заявил, что русским промышленникам нужно учиться у Германии системе мобилизации промышленности⁴.

Русская буржуазия считала централизацию хозяйства, создание единой регулирующей системы необходимым мероприятием. Однако в отличие от немецкого образца буржуазия хотела отстранить от этой роли правительство, сосредоточив важнейшие регулирующие функции в руках созданных ею военно-промышленных комитетов.

Анализируя организацию хозяйства Германии в годы войны, В. Назимов выдвигал требование создания в России военно-хозяйственных центров, аналогичных немецким. «Зорко следить за врагом, — писал В. Назимов, — и после ликвидации войны усовершенствовать и сохранить создавшиеся у нас военно-общественные организации и в мирное время — таковым является требование не только благоразумия, диктуемого предусмотрительностью, но и реальным положением вещей. Германскому «Экономическому и финансовому главному штабу» должен быть про-

¹ См.: Журнал 22-го заседания ЦВПК.

² Народное хозяйство в 1916 г. III. — Пгр., 1921. — С. 40.

³ Деятельность Московского военно-промышленного комитета на 1/IV 1917 г. — С. 119.

⁴ Труды II съезда ВПК. — С. 53.

тивопоставлен русский «Хозяйственно-промышленный главный штаб», созданный из элементов сложившихся у нас военно-общественных организаций». Эти планы не были осуществлены. Царское правительство не пошло на передачу важнейших регулирующих функций в руки буржуазии, а попыталось само организовать хозяйственное регулирование на время войны. Но это государственное регулирование, проводимое самодержавием, могло носить лишь самый поверхностный характер.

Одним из серьезнейших затруднений, на которые наталкивалась капиталистическая промышленность России в годы войны, был недостаток квалифицированной рабочей силы. Поэтому военно-промышленные комитеты чрезвычайно много занимались вопросами труда. Призыв в армию оторвал от промышленных предприятий значительное число квалифицированных рабочих. В первый год войны правительство проводило сплошную мобилизацию, не освобождая от военной службы даже квалифицированных рабочих, занятых на предприятиях, производивших предметы вооружения. Только на единичных, наиболее крупных предприятиях администрация сумела отстоять квалифицированных рабочих от призыва в армию. Так было, например, на Путиловском заводе, где из 5000 мобилизованных рабочих 3500 человек по ходатайству администрации были возвращены на завод¹.

С организацией военно-промышленных комитетов они стали добиваться по ходатайству предприятий, работавших на оборону, возвращения из армии квалифицированных рабочих и техников. Организованный при ЦВПК отдел по снабжению промышленных предприятий рабочим составом получал с мест множество телеграмм с воплями о недостатке рабочей силы. Однако возвращение квалифицированных рабочих из армии, как свидетельствует МВПК, наталкивалось на большие трудности². В своих отчетах МВПК жаловался на то, что официальные руководящие круги не понимают того, что в интересах успешного ведения войны квалифицированных рабочих нужно сохранять на заводах, а не посылать на фронт.

Особенно остро чувствовался недостаток в квалифицированной рабочей силе во второй половине 1915 г., в первые медовые месяцы деятельности ВПК. На первом съезде ВПК Гужон заявил: «Каждый день нам посылают новые заказы, и я уже 1,5 месяца посылаю их обратно, потому что у меня рабочих нет, а когда будут рабочие, буду их принимать. Я не могу исполнять казенных заказов»³. Гужон энергично настаивал на возвращении всех рабочих из действующей армии. «Если нам не вернут рабочих, то через 2 месяца мы совершенно станем», — заявил он.

¹ См.: Мительман М., Глебов Б. и Ульяновский А. История Путиловского завода. — М., 1939. — С. 501.

² Деятельность МВПК на I/VI 1917 г. — С. 14.

³ Труды I съезда ВПК. — С. 157.

Вопрос об обеспечении промышленных предприятий квалифицированной рабочей силой специально обсуждался на втором съезде военно-промышленных комитетов. В результате оживленного обсуждения была вынесена следующая резолюция: «Недостаток квалифицированных рабочих чувствуется весьма остро. Между тем правительственные мероприятия последнего времени, придавая посылке на фронт квалифицированных рабочих совершенно недопустимое значение наказания, резко ухудшают положение. Необходимо признать, что каждый квалифицированный рабочий несравненно полезней для дела обороны в своей специальности, чем на фронте. Вследствие этого съезд признал необходимым не только сохранение существующего состава квалифицированных рабочих с полной отменой вышеуказанных мер, но и возвращение квалифицированных рабочих из армии в соответствующие промышленные предприятия»¹.

В июле 1916 г. на совещании военно-промышленных комитетов представитель ЦВПК Казакевич сообщил, что усилия ЦВПК, направленные на возвращение квалифицированных рабочих из армии, не увенчались успехом².

Если борьба военно-промышленных комитетов за возвращение из армии квалифицированных рабочих и техников не дала почти никаких результатов, то буржуазии удалось к концу 1915 г. добиться закона о предоставлении отсрочек лицам, занятым в «производстве на оборону». По этому закону от военной службы освобождались служащие тех предприятий, «из коих немедленный призыв военнообязанных в армию мог бы нарушить ход их дел и повредить делу государственной обороны»³. Для предоставления отсрочек военнообязанным были учреждены Главный комитет по делам о предоставлении отсрочек военнообязанным при Главном управлении Генерального штаба и местные (окружные, уездные и городские) комитеты по делам об отсрочках. В эти комитеты входили представители военно-промышленных комитетов и Совета съездов представителей промышленности и торговли. Военно-промышленным комитетам было дано право ходатайствовать об освобождении от призыва в армию. Это право было широко использовано буржуазией. По ходатайствам одного только Московского ВПК за шесть месяцев было предоставлено 35 тыс. отсрочек военнообязанным⁴. Борьбой за освобождение рабочих и инженерно-технического персонала от призыва в армию главным образом занимался организованный при Центральном военно-промышленном комитете специальный отдел по обеспечению промышленных предприятий рабочим составом, которым руководил фон Дитмар.

¹ Труды II съезда ВПК. — С. 633.

² Известия МВПК. — 1916. — № 25—26. — С. 211.

³ Там же. — 1916. — № 13. — С. 33.

⁴ Там же. — № 23—24. — С. 69.

Освобождение от военной службы рабочего и инженерно-технического состава предприятий, работавших на оборону, дало возможность приостановить сокращение числа рабочих на этих предприятиях. Однако это мероприятие не устраняло, конечно, острого дефицита рабочей силы, образовавшегося уже с самого начала войны. Поэтому проблема обеспечения промышленных предприятий рабочей силой была одной из актуальных на всем протяжении деятельности военно-промышленных комитетов. Буржуазия пыталась использовать труд военнопленных, ссыльных, инвалидов, организовывала бюро спроса и предложения труда, создавала курсы по подготовке и переквалификации рабочих и т.д.

Промышленные предприятия испытывали недостаток не только в квалифицированных рабочих, но иногда и в простых чернорабочих. На совещании, организованном ЦВПК, представитель Пермского военно-промышленного комитета заявил, что из-за отсутствия топлива 40% доменных печей Урала бездействуют. Исходя из этого, Пермский ВПК требовал переброски на Урал для заготовки дров несколько десятков тысяч военнопленных, «которые в настоящее время без всякого дела находятся в ближайших к Уралу районах»¹.

На введении всеобщего принудительного труда военнопленных категорически настаивал Гужон, выступивший на заседании МВПК от 17 февраля со следующим заявлением: «Необходимо привлечь к работам и пленных немцев, а если они будут отказываться, то их следует перестать кормить»².

Наряду с предпринимателями-зубрами типа Гужона, стремившимися сделать труд военнопленных принудительным и наполовину даровым, наиболее передовые представители буржуазии смелее подходили к вопросу и указывали, что при такой постановке дела труд военнопленных будет малопроизводительным. Исходя из этого, Омский военно-промышленный комитет, например, возбудил перед ЦВПК вопрос об уравнивании заработной платы военнопленных с русскими рабочими³.

Наряду с военнопленными военно-промышленные комитеты применяли труд китайцев, которых специально ввозили из Манчжурии и пограничных районов Китая. Периодическая печать военно-промышленных комитетов превозносила невзыскательность и выносливость китайских рабочих и рекомендовала широкое использование их⁴. В Харбине была образована специальная посредническая контора, которая доставляла китайских рабочих в Россию, причем доставка каждого рабочего до Самары, включая комиссионное вознаграждение, обходилось конторе в 75 руб.

¹ Сообщения представителей 34 ВПК. — С. 60.

² Известия МВПК. — 1916. — № 15—16. — С. 97.

³ Сообщения представителей 34 ВПК. — С. 93.

⁴ См., например: Известия ЦВПК. — 1915. — № 25.

Всего было привлечено на предприятия, объединяемые военно-промышленными комитетами, 67 тыс. китайцев. В ЦВПК ставился также вопрос о привлечении рабочих из Персии¹.

Несмотря на все эти мероприятия, положение с рабочей силой, особенно с квалифицированной, оставалось очень тяжелым. Это толкало промышленников на крайний либерализм в рабочем вопросе. Переход буржуазии от политики репрессий к политике соглашений с рабочими диктовался не только политическими, но и чисто экономическими соображениями.

Военно-промышленные комитеты стремились распространить свое влияние и на заграничные заказы. Уже с середины 1915 г. военно-промышленные комитеты разворачивают в печати кампанию за передачу в их руки заказов, выполняемых за границей. Они стремились также создать специальный орган при ЦВПК, через который проходили бы все заказы, передаваемые правительством за границу. Это чрезвычайно усилило бы позиции военно-промышленных комитетов, так как в одной только Америке было произведено заказов на 1800 млн руб.²

Но и эти притязания буржуазии не были осуществлены. Уже в марте 1916 г. в Лондоне был организован русский правительственный комитет, в задачи которого входило передавать заказы иностранным предпринимателям и производить закупки за границей. Лондонский комитет состоял исключительно из правительственных чиновников. Впоследствии буржуазия вела тщетную борьбу уже только за включение в состав Лондонского комитета своих представителей, о чем второй съезд военно-промышленных комитетов, по докладу Жуковского, вынес специальную резолюцию³.

Военно-промышленные комитеты ставили также вопрос об организации собственных предприятий. Всего военно-промышленные комитеты имели 120 собственных предприятий. Большинство из них носило, очевидно, мелкий кустарный характер⁴. В ряде случаев создание собственных мастерских было связано с деятельностью военно-промышленных комитетов на фронте. Так создавались мастерские по ремонту оружия и пушек, артиллерийских повозок и т.д. На фронтах были организованы склады, обозопочиночные мастерские, производился сбор металличе-

¹ Изв. Моск. нар-пром. ком-та. — 1918. — № 54—55. — С. 32; Журнал 23-го заседания ЦВПК от 18/VI 1916 г.

² См., например: Известия МВПК. — 1915. — № 12.

³ Труды II съезда ВКП. — С. 626; См.: Представительство общественных организаций в Лондонском комитете от 26/II 1916 г. Отчет XVI заседания ЦВПК // Известия ЦВПК. — 24/II 1916 г.

⁴ Это видно хотя бы из того, что 67 предприятий находились в ведении 42 местных комитетов, которые не могли, конечно, иметь крупные заводы.

ского лома и т.п.¹ Однако и эта сторона деятельности военно-промышленных комитетов не получила широкого развития.

III

Итак, военно-промышленные комитеты не оправдали возлагавшихся на них надежд в области снабжения действующей армии вооружением и предметами снаряжения. Но, создавая военно-промышленные комитеты, буржуазия имела в виду и другие цели.

Один из активных деятелей военно-промышленных комитетов, проф. Сиринов, подводя итоги годовичного существования комитетов, указывал на то, что смысл существования последних заключался не только в поставках на армию. «Если бы комитеты только выполнением заказов и занимались, — писал Сиринов, — их роль была бы более скромной и их существование было бы временное и случайное... Но они поняли свои задачи шире — они занялись главным образом устройством тыла, т.е. организацией народного хозяйства, — и вот здесь-то и развернулась вся мощь общественно-промышленной инициативы, здесь-то они прикоснулись к предметам огромного государственного значения»².

Когда военно-промышленные комитеты только создавались, буржуазия официально постоянно подчеркивала, что они являются чисто деловыми организациями, что единственной их целью является помощь армии и т.п. Так, Авдаков, полностью исходя из формулы единения «деловых кругов» с правительством, заявил: «Цель создания военно-промышленных комитетов чисто деловая. Мы все взяли за то, чтобы помочь нашей доблестной армии в деле снабжения вооружением и разными другими предметами»³.

Но уже тогда сокровенной целью буржуазии было захватить при помощи военно-промышленных комитетов командные хозяйственные высоты, а также увеличить свой политический вес и могущество в стране. Уже в момент организации ВПК, т.е. тогда, когда буржуазия меньше всего склонна была выбалтывать свои сокровенные цели, ряд крупнейших ее представителей в своих публичных выступлениях не могли обойти вопроса о политической роли военно-промышленных комитетов.

Мы уже указывали, что военно-промышленные комитеты создавались в городах и районах, не имевших промышленного значения. Так, например, Дагестанский ВПК в своем отчете писал: «В районе комитета фабрично-заводская промышленность развита крайне слабо, и промышленных предприятий, которые можно было бы использовать и в целях обороны, нет. Поэтому до сих пор деятельность комитета выражалась

¹ Моск. обл. арх. упр. Ф. 1. Св. 2. Д. 13.

² Производительные силы. — 1916. — № 1. — С. 4.

³ Труды съезда ВПК. — С. 3.

лишь в доставлении разных сведений как Центральному, так и областным военно-промышленным комитетам»¹. В маленьком захолустном городе Средней Азии Андижане, в котором совершенно не было фабричной промышленности, все же организуется военно-промышленный комитет. Понятно, что производственная деятельность этого комитета была крайне ничтожна². Такой же непроизводительной была деятельность Полтавского, Воронежского, Новочеркасского, Красноярского и ряда других военно-промышленных комитетов³.

Архангельский ВПК в своем отчете на 10 февраля 1916 г. откровенно признавал, что его деятельность по организации производства на оборону равнялась нулю. Единственное, что сумел сделать Архангельский комитет, — это организовать несколько разгрузочных артелей, которые занимались разгрузкой пароходов, прибывавших из-за границы, и доставкой грузов на железнодорожные станции⁴.

В ряде крупных центров дореволюционной России, где были промышленные предприятия, военно-промышленные комитеты не сумели развернуть свою работу. Так, Тифлисский ВПК с 17 июня по 1 октября 1915 г. выполнил заказ лишь на 33 тыс. руб.⁵ Уральский областной военно-промышленный комитет, находившийся в центре металлургической промышленности, за полугодичное существование сумел организовать лишь справочно-информационную работу. Крупные уральские заводы получали заказы непосредственно от военного ведомства и не нуждались в посредничестве военно-промышленного комитета.

Таким образом, хозяйственная роль целого ряда военно-промышленных комитетов сводилась либо к нулю, либо была крайне ничтожна. Тем не менее буржуазия всюду, где только можно было, усердно эти военно-промышленные комитеты насаждала. В чем же заключался смысл существования военно-промышленных комитетов в этих местностях? Смысл их существования заключался в том, что они являлись представительными органами русской буржуазии. Создавая военно-промышленные комитеты, буржуазия ставила перед ними широкие задачи. Она хотела иметь всеобъемлющий, разветвленный по всей империи аппарат, на который можно было бы опираться не только в экономическом, но и в политическом отношении. Поэтому то обстоятельство, что ряд военно-промышленных комитетов бездействовал, что в ряде мест вообще не было почвы для их практической деятельности, нисколько не пугало заправил Центрального и Московского военно-промышленных коми-

¹ Деятельность областных и местных ВПК. I. — С. 39.

² Там же. — С. 4.

³ К организации Полтавского военно-промышленного комитета. — Полтава, 1915; Год работы (обзор деятельности Новочеркасского ВПК).

⁴ Деятельность областных и местных ВПК. I. — С. 27.

⁵ Краткий обзор деятельности Тифлисского ВПК с 17/VI по 1/X 1915 г.

тетов. В свете задач, которые ставила перед собой русская империалистическая буржуазия, существование этих комитетов вполне оправдалось¹.

Военно-промышленные комитеты на всем протяжении своего существования вели политическую борьбу, смысл которой был совершенно ясно охарактеризован Гучковым в его показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства как борьба за реформу. «Мне казалось, — заявил Гучков, — что переход умеренных политических кругов на позиции такой резкой оппозиционной борьбы может обрести власть и вынудить ее на известные уступки»².

Эта же установка лежала в основе политической программы, сформулированной так называемым «прогрессивным блоком», возникшим летом 1915 г. по инициативе кадетской партии и объединившим все «конституционные элементы».

Для характеристики политической роли военно-промышленных комитетов важное значение имеют материалы комитетских съездов, которые в значительной мере были для русской буржуазии политической трибуной. Здесь обсуждались не только или, вернее, не столько узкопрактические, сколько общие вопросы экономической политики государства. В съездовских дебатах все чаще и сильнее критиковались действия царского правительства и провозглашались лозунги привлечения буржуазии к управлению государством.

Политическая роль военно-промышленных комитетов как массовых организаций буржуазии, стоящих на платформе «прогрессивного блока», ярко определилась уже на первом съезде. Так, кн. Львов в своей приветственной речи на съезде указал на то, что организация военно-промышленных комитетов есть первый шаг к захвату предпринимателями хозяйственных высот. «Да, — заявил кн. Львов, — мы берем на себя исполнение наивысших функций государственной власти. Мы становимся в положение победителей над старым порядком государственной власти»³.

Еще более резкий характер носило выступление Рябушинского, который под аплодисменты всего зала заявил: «Мы действительно хотим сильной власти, а в то же время мы этой власти не чувствуем, так что у нас является полное недоумение, кто же управляет Россией в настоя-

¹ *Немецкий исследователь Р. Клаус* обратил внимание на эту особенность в развертывании местной сети военно-промышленных комитетов. «Насколько можно судить по имеющимся данным, — писал он, — организация военно-промышленных комитетов проводилась несколько схематично, без достаточного внимания к тому, имеются ли в том или ином районе существенные для военной промышленности предприятия» (*Клаус Р. Война и народное хозяйство в России.* — М., 1925. — С. 59). Но Клаус даже и не подошел к тому, чтобы объяснить причины этого «схематизма» и установить, почему же комитеты организовали там, где они, казалось, не имели никакой почвы для существования.

² Падение царского режима. — Л., 1926. — С. 254.

³ Труды I съезда ВПК. — С. 7.

щее время? Если бы серьезно ответить на этот вопрос, мы бы сказали — мы не знаем»¹.

Один из лидеров «прогрессивного блока» Ефремов, выступая на съезде, прямо выдвинул лозунг «ответственного министерства»².

Аналогичные мотивы звучали в речах В. Жуковского и ряда других ораторов съезда³.

Таким образом, уже через каких-нибудь два месяца после создания военно-промышленных комитетов буржуазия должна была нарушить сформулированную в «Биржевых ведомостях» П. Б. Струве линию единения с царским правительством.

Еще сильнее звучали политические мотивы на втором съезде военно-промышленных комитетов, состоявшемся в конце февраля 1916 г. Съезд был демонстрацией сил либеральной буржуазии. На открытие его прибыли все лидеры «прогрессивного блока»: Милюков, Шингарев, Крупенский, Ефремов и др.⁴ Политическая линия этого съезда нашла свое выражение в приветствии, обращенном к Государственной думе. В этом приветствии были следующие пункты, полностью совпадающие с программой «прогрессивного блока»: 1) создание ответственного перед «народным представительством» министерства; 2) отмена национальных ограничений; 3) война до победного конца⁵.

На втором съезде интересную оценку деятельности военно-промышленных комитетов сделал Терещенко. Признав незначительную роль военно-промышленных комитетов в деле снабжения армии, Терещенко заявил: «Каждый из нас сознает, что помимо этой одной фактической стороны есть другая сторона, и притом не одна». Основная заслуга военно-промышленных комитетов заключалась, по мнению Терещенко, в том, что они политически и экономически объединили русскую буржуазию. «Мы не объединились вокруг тех, кому надлежало бы вести государственный корабль, — заявил Терещенко, — а объединились вокруг военно-промышленных комитетов»⁶.

Эти откровенные признания одного из виднейших деятелей буржуазии лишний раз показывают, что рассматривать комитеты лишь как узко практическую, хозяйственную организацию не приходится. Военно-промышленные комитеты энергично и настойчиво добивались участия и руководящей роли во всех высших экономических органах, созданных во время войны. В особых совещаниях в центре, в заводских совещаниях на местах, в Главном комитете по предоставлению отсрочек воен-

¹ Труды I съезда ВПК. — С. 35.

² Там же. — С. 67.

³ Там же. — С. 17, 59.

⁴ Утро России. — 27/11 1916 г.

⁵ Там же. — 1/III 1916 г.

⁶ Труды II съезда ВПК. — С. 465.

нообязанным, в правительственном комитете в Лондоне по производству иностранных заказов — всюду военно-промышленные комитеты стремились иметь своих представителей, которые могли бы оказывать определяющее влияние на решения этих органов.

В течение всего своего существования военно-промышленные комитеты вели борьбу за расширение представительства в Особом совещании по обороне. Как известно, в первоначальном проекте, представленном Государственной думой, буржуазия должна была быть решающей силой в Особом совещании по обороне, но в правительственном законе все дело свелось к полному подчинению этого органа военному министру, с одной стороны, и к ограничению участия буржуазии в Особом совещании четырьмя представителями Центрального военно-промышленного комитета — с другой¹.

Характерно, что даже Московскому ВПК, по размаху своей деятельности и количеству объединяемых предприятий игравшему исключительную роль среди областных комитетов, было отказано в праве иметь своих представителей в Особом совещании. К тому же в ряде случаев решения Особого совещания по обороне, вынесенные под нажимом буржуазии, отменялись Советом министров. Так было, например, с вопросом об участии представителей военно-промышленных комитетов и Лондонском правительственном комитете по заграничным заказам. Несмотря на положительное разрешение этого вопроса Особым совещанием, правительство отказало военно-промышленным комитетам в представительстве. Вопрос этот рассматривался в правительстве пять раз и неизменно решался отрицательно для военно-промышленных комитетов².

Еще сильнее было урезано буржуазное представительство в других особых совещаниях. В Особом совещании по топливу военно-промышленные комитеты имели трех представителей, а в совещаниях по продовольствию и перевозкам им и вовсе было отказано в представительстве. Таким образом, военно-промышленные комитеты были лишены возможности непосредственно влиять на такую важную отрасль народного хозяйства, как железнодорожный транспорт³.

Вопрос об участии буржуазии в особых совещаниях оживленно обсуждался уже на первом съезде военно-промышленных комитетов. Делегаты съезда резко критиковали правительственный проект ор-

¹ От ЦВПК в Особое совещание входили Гучков, Коновалов, Рябушинский и Чуковский. Правда, представительство буржуазии в целом здесь будет гораздо шире, так как сюда входили и представители Государственной думы, союзов земств и городов. Но аппетиты буржуазии шли значительно дальше: она хотела полностью подчинить себе особые совещания, что ей не удалось.

² Известия МВПК. — 1916. — № 27–30. — С. 5.

³ На первом съезде представители ВПК требовали предоставления комитетам права контроля на станциях железных дорог за отправкой и доставкой грузов (Труды I съезда ВПК. — С. 223)

ганизации особых совещаний, указывая на то, что военно-промышленным комитетам здесь не обеспечена решающая роль. Так, близкий к буржуазным кругам представитель Министерства торговли и промышленности Литвинов-Фалинский, входивший в состав Центрального военно-промышленного комитета, заявил: «Подобное отношение к промышленникам я считаю глубоко оскорбительным и неуместным в настоящее время»¹.

Буржуазия претендовала на то, чтобы все военные заказы целиком были сосредоточены в руках военно-промышленных комитетов. Делегат первого съезда Токарский заявил: «Нужна организация такая, чтобы военное министерство давало задание, а выполнение его с начала до конца лежало на нас»².

Гораздо шире поставил вопрос Рябушинский, указавший, что дело не в одном только Особом совещании, а в правительстве в целом. Поэтому нужно, чтобы «наши представители, которым верит вся Россия... были призваны на царский высший совет в ту самую минуту, когда Россия переживает великую опасность, потому что только совместным советом можно многое предусмотреть и многое изменить»³.

Борьба за расширение представительства военно-промышленных комитетов в особых совещаниях, проводившаяся в печати, на различных съездах, не прекращалась вплоть до самой Февральской революции.

Было бы, впрочем, неправильно думать, что организованная в военно-промышленные комитеты буржуазия не оказывала никакого влияния на экономическую политику царского правительства. В ряде вопросов, относившихся к распределению металлов и топлива, секвестру предприятий и др., представители ЦВПК оказывали заметное влияние на решения Особого совещания по обороне. Под давлением буржуазии был издан закон об отсрочках военнообязанным, работавшим «на оборону». Налоговая политика царизма в годы войны полностью соответствовала интересам русских капиталистов. В ряде случаев буржуазия срывала экономические мероприятия царизма, шедшие вразрез с ее интересами. Так было, например, с законом о милитаризации промышленности, подготавливавшимся правительственными кругами. Таким образом, буржуазия в годы войны добилась известного влияния на государственные дела. Но буржуазия добивалась большего. Она хотела полного сосредоточения в своих руках хозяйственных рычагов и вообще управления страной.

Добиваясь участия в Особом совещании по перевозкам, военно-промышленные комитеты резко критиковали работу транспорта. Несмотря на категорический отказ министра путей сообщения Трепова

¹ Труды I съезда ВПК. — С. 26.

² Там же. — С. 39.

³ Там же. — С. 37.

от всякого содействия со стороны военно-промышленных комитетов, обсуждение вопросов, связанных с работой железнодорожного транспорта, не сходило о повестки Центрального ВПК. На заседании ЦВПК от 18 июля 1916 г. Пальчинский указывал на острую нужду предприятий в металле в связи с расстройством железнодорожного транспорта. «От ведомства путей сообщения, — заявил он, — нельзя ждать содействия промышленности, работающей на оборону». Таким же образом высказывался на этом заседании и Гучков. В результате ЦВПК поручил Курову и Пальчинскому и бюро уполномоченных горнопромышленников Юга России представить специальные доклады о состоянии перевозки грузов для Урала, Волги и Юга и о необходимых мерах для улучшения транспорта¹.

Решительное противодействие, которое правительство оказывало буржуазии в ее стремлениях захватить в свои руки важнейшие хозяйственные рычаги и оказывать решающее влияние на экономическую политику, усиливало оппозиционную борьбу военно-промышленных комитетов с царской властью. Руководящую роль в этой борьбе играл Гучков, который в конце 1915 г. намечал даже создание особой подпольной организации («комитета народного спасения»), стоявшей на платформе «прогрессивного блока» и выдвигавшей новый состав министерского кабинета, во главе которого стоял бы сам Гучков². Правда, организация эта, по-видимому, существовала только на бумаге, так как русская буржуазия, иногда очень решительная на словах, проявляла исключительную трусость, когда от слов надо было переходить к решительным действиям против самодержавной власти.

С начала 1916 г. реакционно-монархические круги в ответ на усиление активности буржуазии, стремившейся наложить руку на снабжение заводов металлом и топливом, распространить свое влияние на заграничные заказы, установить непосредственную связь с союзными правительствами путем посылки за границу специальной парламентской делегации, начали проводить целый ряд репрессивных мер по отношению к военно-промышленным комитетам.

Атака была начата на заседании Государственной думы 11 февраля 1916 г. пресловутым Марковым 2-м. Деятельность земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов Марков 2-й расценил следующим образом: «Все эти общественные организации, которые шумно и громко объявили, что они спасут Россию от того, от чего не могла спасти законная власть, которые заявили, что они засыпят армию пушками, снарядами и винтовками, они ровно ничего не сделали, ни одной пушки не поставили, ни одного ружья не дали и только после Рождества дали жалкую горсточку ручных гранаток; вот и вся деятельность этих шумя-

¹ Журнал 23 заседания ЦВПК от 18/VIII 1916 г.

² Красный Архив. I. 1928. — С. 212.

щих, кричащих и обманывающих своей похвальбой доблестную армию общественных учреждений»¹.

Выступление Маркова 2-го буржуазия оценивала как «клеветническую выходку», «бесплодную демагогию» и т.п. Тем не менее «Известия ЦВПК» подчеркивали, что Марков 2-й не одинок, а за ним стоит, правда, немногочисленная, но подчас «весьма влиятельная группа реакционеров, далеко еще не считающая себя побежденной»².

С ответом Маркову в Государственной думе выступили Родзянко, Некрасов, Коновалов³. В своих речах Родзянко и Коновалов указывали на то, что военно-промышленные комитеты и не имели в виду собственными усилиями производить пушки, ружья и все необходимое для армии. Задача их заключалась лишь в том, чтобы объединить промышленность, мобилизовав ее для работы на оборону. Подробно перечислены были заслуги военно-промышленных комитетов, их деятельность в Особом совещании и заводских совещаниях, борьба за проведение закона об освобождении от призыва работающих на оборону, создание регулирующих учреждений по снабжению металлами, переданных затем Особому совещанию, и т.д.

Следующим шагом, предпринятым правительством для наступления на ВПК, была записка департамента полиции о военно-промышленных комитетах, которая обсуждалась на заседании Совета министров в мае 1916 г. Записка обвиняла Центральный военно-промышленный комитет в попытке объединить существующие общественные организации в единую, имеющую целью «замену существующего правительства новым, ответственным перед народным представительством»⁴. Второе обвинение, предъявленное департаментом полиции военно-промышленным комитетам, заключалось в том, что они пытаются организовать рабочих «в политических целях».

¹ Стеногр. отчеты Гос. думы IV созыва, сессия IV. — С. 1450.

² Известия ЦВПК. — 17/XII 1916 г.

³ Стеногр. отчеты Гос. думы IV созыва, сессия IV. — С. 1542—1560.

⁴ Известия МЗПК. — 1916. — № 23—24. — С. 62. Необходимо отметить, что тенденция к объединению земского, городского союзов и военно-промышленных комитетов действительно существовала. Еще в июле 1915 г. на Экономическом совещании по борьбе с дороговизной, состоявшемся в Москве при Всероссийском союзе городов, была вынесена следующая резолюция: «Для полного согласования и объединения деятельности общественных и промышленных учреждений в деле снаряжения армии и для непосредственного руководства всей технической и хозяйственной стороной в этих организациях необходимо незамедлительное объединение центральных организаций Земского и Городского союзов и Военно-промышленного комитета в один общий руководящий Центральный комитет, находящийся в Москве и состоящий из представителей всех трех вышеперечисленных учреждений» (Резолюции Экономического совещания по борьбе с дороговизной, состоявшегося в Москве 11—13/VII 1915 г. — С. 15). Такого же рода решения выносились и на последующих съездах союзов земств и городов.

Записка департамента полиции в заключение указывала, что деятельность ВПК «приняла угрожающий для государственного порядка размер, почему представляется настоятельно необходимым принятие соответствующих целесообразных мер предупреждения и пресечения дальнейшего развития общественной их деятельности»¹.

Одновременно с департаментом полиции с особой запиской о деятельности военно-промышленных комитетов выступили правые, язвительно подчеркивавшие, что комитетами проводится «мобилизация промышленности... без промышленников»². По мнению авторов записки, военно-промышленные комитеты являлись «лишь вредными комиссионерами, затягивающими заказы и повышающими цены на необходимые для обороны предметы»³. Наконец, Марков 2-й внес в Государственную думу предложение ликвидировать военно-промышленные комитеты. Предложение было отклонено.

На основании всех этих материалов председатель Совета министров Штюрмер получил возможность на «частном» совещании Совета министров поставить вопрос о пересмотре отношения правительства к военно-промышленным комитетам. Резко враждебную позицию по отношению к комитетам занял на этом совещании министр торговли и промышленности кн. Шаховской, который предложил «немедленно же усилить правительственный контроль за комитетами путем учреждения должности правительственного контролера с широкими полномочиями»⁴. В результате совещания у Штюрмера принято было решение об усилении правительственного контроля за военно-промышленными комитетами⁵. Помимо этого, по совету Распутина, с целью дискредитировать военно-промышленные комитеты в газетах было помещено сообщение о финансовой поддержке их правительством⁶. Было также вынесено специальное решение о прекращении заказов военно-промышленным комитетам⁷.

Накануне Февральской революции, в связи с общим обострением политического положения в стране, самодержавие усиливает нажим на во-

¹ ЦАПС. Ф. 10. Д. 295.

² Утро России. — 14/V 1916 г.

³ Известия МВПК. — 1916. — № 25—26. — С. 13.

⁴ Там же. — № 23—24. — С. 64. Выступление Штюрмера по вопросу о военно-промышленных комитетах было сенсацией дня и послужило причиной оживленной полемики в периодической печати. Махрово-черносотенная «Земщина» решительно поддержала правительство, называя деятельность ВПК «преступной», а Гучкова — «явным предателем». С другой стороны, вся буржуазная печать — «Утро России», «Киевская мысль», «Биржевые ведомости» и др. — решительно поддерживала военно-промышленные комитеты, доказывая несостоятельность выпадов правительства.

⁵ Утро России. — 23/VI 1916 г.

⁶ Семенников В. Монархия перед крушением. — Л., 1927. — С. 170.

⁷ Там же. — С. 145.

енно-промышленные комитеты. В декабре 1916 г. намечался созыв третьего съезда ВПК. Однако на открытие съезда прибыл в сопровождении полиции чиновник петербургского градоначальника и заявил, что он будет присутствовать на съезде с целью контроля его деятельности. Съезд, по предложению Коновалова, решил прекратить свою работу. В январе 1917 г. правительство арестовало «рабочую группу» Центрального военно-промышленного комитета.

После Февральской революции положение военно-промышленных комитетов изменилось. Буржуазия получила в свои руки политическую власть. Военно-промышленные комитеты выделили из своей среды трех министров буржуазного Временного правительства — Гучкова, Коновалова и Терещенко. В эти дни, когда контуры нового государственного аппарата еще не были определены буржуазией достаточно четко, она, естественно, рассматривала военно-промышленные комитеты как основную организацию, на которую ей можно было опереться. Представители ЦВПК направлялись во всевозможные комиссии, созданные при министерствах¹, военно-промышленные комитеты обсуждают и разрабатывают проекты различных законов, они обращаются с воззваниями, призывающими поддерживать Временное правительство и вести войну «до победного конца»².

Совместно с Временным правительством Центральный военно-промышленный комитет особенно стремился поскорее восстановить буржуазный «порядок», прекратить дальнейшее разворачивание революции, перерастание ее из буржуазно-демократической в социалистическую, упрочить основы буржуазного строя. Имея известный опыт в пропаганде идеи «гражданского мира», ЦВПК через своих подголосков в «рабочих группах» намеревался принять широкое участие в «рабочем» законодательстве. Речь шла о том, чтобы помочь Временному правительству одурманить рабочие массы лозунгами «защиты Отечества», «единства интересов предпринимателей и рабочих» и т.д. На заседании ЦВПК от 2 марта 1917 г. была выделена специальная комиссия для разработки новых законов по рабочему вопросу.

Однако вся эта политическая активность относится лишь к самым первым дням Февральской революции, когда военно-промышленные комитеты пытались помочь политическим вождям буржуазии организовать и укрепить новый государственный аппарат.

В основном же после Февральской революции роль военно-промышленных комитетов резко снизилась. Получив непосредственно в свои руки политическую власть, буржуазия не нуждалась уже в борьбе за заказы. С другой стороны, 1917 г. был первым годом яркого проявления давно назревавшего хозяйственного кризиса. Оба эти обстоятельства

¹ Известия ЦВПК. — 22/III 1917 г.

² Известия МВПК. — 1917. — № 34. — С. 36.

не могли не наложить резкого отпечатка на деятельность комитетов. Характеризуя деятельность военно-промышленных комитетов, управляющий делами ЦВПК Терне в речи, произнесенной на заседании ЦВПК 11 декабря 1917 г., отметил, что «27 февраля 1917 г. политическая роль военно-промышленных комитетов была окончена. Военно-промышленные комитеты продолжали лишь свою деловую работу»¹.

IV

Военно-промышленные комитеты подробно сформулировали экономическую программу русской буржуазии. Во время войны усиленно выдвигался лозунг «экономической независимости России»².

Однако все это были только слова. Как только буржуазия подходила к реальной, деловой программе хозяйственного строительства после войны, тотчас же выявлялись ее бессилие и невозможность собственными силами без новой поддержки западноевропейских и американских капиталистов восстановить потрясенное войной капиталистическое хозяйство России. Получалось, таким образом, полное несоответствие между декларативными заявлениями русской буржуазии об «экономической независимости» и реальным содержанием ее экономической программы.

Экономическая программа военно-промышленных комитетов, наиболее полно и четко сформулированная накануне Февральской революции, начала вырисовываться уже в первый год войны. Фон Дитмар, например, уже в 1915 г. изложил программу развития капиталистического хозяйства России после войны³. По мнению автора, усиление капиталистического хозяйства России возможно было только путем развертывания новых отраслей промышленности. Чтобы освободиться от иностранной зависимости, фон Дитмар требовал отмены стеснений при организации акционерных обществ, увеличения таможенного обложения на ввозимые из-за границы товары, улучшения постановки технического образова-

¹ Известия ЦИНК. — 21/ХП 1917 г.

² Даже на обложке «Трудов Владикавказского военно-промышленного комитета» был помещен эпитаф «Пора сбросить экономическое рабство и создать промышленно независимую Россию». На совещании с представителями печати в декабре 1915 г. руководители ЦВПК говорили об освобождении промышленности от «иностранной опеки» (Известия ЦВПК. — 24/ХП 1915 г.). Буржуазия при этом особенно охотно говорила о «немецком иге», невыгодных условиях торгового договора 1904 г., благодаря которому русский рынок наводнен немецкими машинами, изделиями химической и электротехнической промышленности Германии, а хлебный экспорт из России в Германию обкладывается высокими пошлинами (см.: *Литвинов-Фалинский В.* Война и промышленность: Доклад на IX торгово-промышленном съезде. — Пгр., 1915; *Гольдштейн И.* Немецкое иго и освободительная война. — М., 1915 и ряд других).

³ *Дитмар Н. фон.* Задачи промышленности в связи с войной. — Харьков, 1915.

ния в России и т.д.¹ В дальнейшем эта программа была развита и конкретизирована военно-промышленными комитетами.

Вопрос о путях развития капиталистического хозяйства России после войны живо обсуждался широкими кругами буржуазии, буржуазной профессуры, инженерно-технической интеллигенции, либеральной печатью и т.д. В феврале 1916 г. руководители военно-промышленных комитетов и Совета съездов биржевой торговли направили специальную делегацию к Штюмеру для постановки вопроса о программе экономической политики правительства после войны. В состав делегации входили фон Дитмар, Жуковский, Бубликов, Нобель, Путилов и ряд других².

Позднее, на заседании Государственной думы 31 июня 1916 г., по инициативе «прогрессивного блока» был принят запрос к председателю Совета министров о мерах, которые принимаются для разработки программы экономической политики после войны³. Правительство вынуждено было заняться разработкой плана будущей экономической политики и создало с этой целью специальную комиссию под председательством государственного контролера Н. Н. Покровского.

Военно-промышленные комитеты относились к работе комиссии Покровского с недоверием, боясь, что программа будущей экономической политики царизма не отразит полностью интересы буржуазии. Ввиду этого буржуазия поспешила детально разработать свою программу, которая впоследствии была изложена в докладной записке Совета съездов промышленности и торговли, направленной в комиссию Покровского. Записка настаивала на реорганизации кредитного дела и, в частности, на облегчении условий государственного кредитования промышленности. Особенно подчеркивалась необходимость издания законов, способствующих развитию капиталистических монополий. «Необходимо, — говорилось в записке, — выработать нормальные условия существования картелей и синдикатов, без которых немыслима капиталистическая эволюция и которые не могут впредь влачить жалкое существование»⁴. Военно-промышленные комитеты полностью солидаризировались с запиской Совета съездов промышленности и торговли.

¹ Дитмар Н. фон. Задачи промышленности в связи с войной. — Харьков, 1915. — С. 8.

² Утро России. — 7/II 1916 г.

³ Стеногр. отчеты IV Гос. думы, сессия IV. — С. 4249. При обсуждении этого вопроса один из лидеров «прогрессивного блока», кадет Шингарев, заявил: «Совершенно очевидно, что после войны экономическая конъюнктура государства должна резко измениться, необходимость улучшения нашего расчетного баланса должна поставить на очередь вопрос о самостоятельном развитии многих отраслей промышленности, и обязательство для государства помочь развитию нашей отечественной промышленности ставит на очередь очень серьезный вопрос не только финансово-экономической, но и внутренней политики» (Там же. — С. 4246).

⁴ Производительные силы. — 1916. — № 2.

Особенно детально была разработана программа будущего железнодорожного строительства. В октябре 1916 г. по инициативе Центрального военно-промышленного комитета было созвано совещание для обсуждения «плана железнодорожного строительства». Официальным поводом для созыва этого совещания было окончание работ специальной комиссии Министерства путей сообщения под председательством товарища министра путей сообщения И. Н. Борисова. Как только начала работать комиссия Борисова, Центральный военно-промышленный комитет со своей стороны выделил специальное совещание под председательством Бубликова для параллельной разработки этого вопроса.

Буржуазия боялась, что ее интересы не будут достаточно полно отражены в комиссии Борисова.

Впоследствии план, разработанный группой лиц, выделенных ЦВПК, под председательством Бубликова, был вынесен на совещание представителей областных ВПК. В его работах приняли участие кроме особо приглашенных лиц представители Центрального и 30 областных военно-промышленных комитетов. В работах совещания наряду с верхушкой русской буржуазии принимали участие и представители «рабочей группы» ЦВПК во главе с пресловутым Кузьмой Гвоздевым. На совещании было намечено новое железнодорожное строительство, которое не только должно было резко увеличить рельсовую сеть страны (в ближайшие пять лет предполагалось построить 28 тыс. верст новых путей), но и увязать направление железнодорожных линий с интересами капиталистической экономики.

Любопытно, что на совещании буржуазные дельцы впервые пытались положить в основу железнодорожного строительства идею «плана». Основной докладчик совещания Л. А. Бубликов доказывал, что транспортные затруднения России происходят не из-за незначительности ее железнодорожной сети, а из-за хаотичности и стихийности ее распределения¹.

Намечая «план» железнодорожного строительства, буржуазия ставила перед собой две задачи. Бубликов многое не договаривал. Он указывал лишь на одну из этих задач — на создание новых железнодорожных путей в соответствии с запросами капиталистического хозяйства России после войны. Эта задача была основной. Однако дело заключалось не только в этом. Само по себе железнодорожное строительство должно было способствовать росту металлургической промышленности, увеличению продукции вагоно- и паровозостроительных заводов и связанному с этим общему подъему капиталистического хозяйства в России².

¹ Труды происходившего 20—22 октября 1916 г. совещания представителей Центрального и областных ВПК для обсуждения плана железнодорожного строительства на ближайшее пятилетие. I. — Пгр., 1916. — С. 1.

² По подсчетам члена МВПК Курова, выполнение плана железнодорожного строительства потребовало бы 150 млн пудов металла ежегодно (Труды совещания. I. — С. 19).

Это, в свою очередь, означало создание новых крупнейших источников прибыли для капиталистов. Именно поэтому были намечены оптимальнейшие размеры железнодорожного строительства, а в списке внеочередных линий наряду с новыми железными дорогами, сооружение которых имело действительно важное значение для всего хозяйственного организма капиталистической России, фигурировали и второстепенные линии.

Какие широкие перспективы намечала буржуазия, видно из выступления представителя МВПК Курова, который огласил резолюцию Московского военно-промышленного комитета, намечавшую широкий «план» экономических мероприятий, связанных с новым железнодорожным строительством. По мнению московских промышленников, это строительство должно производиться исключительно за счет продукции отечественной промышленности, «для чего надлежит воздержаться от ввоза иностранных материалов и товаров» и «повысить таможенное обложение, более всего гарантирующее производительные силы русской промышленности и тормоозящее ввоз предметов иностранного производства»¹. Помимо этого московские промышленники требовали установления правительством высоких контрактных цен на поставку рельсов, вагонов и паровозов, отмены всяких стеснений в организации акционерных обществ, освобождения от военной службы инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих и т.д. Точно таким же образом оценивали значение будущего железнодорожного строительства буржуазная печать и ряд местных военно-промышленных комитетов².

План нового строительства охватывал по преимуществу центральные районы, имея целью разгрузить уже существующие линии. Ряд дорог (Москва — Штеровка, Саратов — Азовское море) имел целью соединить прямыми линиями донецкий уголь с промышленными районами и Волгой. Намечено было также облегчить выход эмбинской нефти в Петроград и Москву (линия Александров-Гай — Эльба — Чарджуй с достройкой моста через Волгу у Саратова). Немало было и линий чисто экспортного значения (Киев — Одесса, Котлас — Сорока и т.д.). Наконец, в списке нашли себе место и дороги стратегического значения, намеченные военным министерством (Рязань — Тула — Барановичи; Полоцк — Житковичи).

На совещании развернулась борьба между различными местными группами буржуазии, защищавшими строительство наиболее выгодных для них участков. Представители Центрального и Московского военно-

¹ Труды совещания. I. — С. 25.

² См., например: Отзыв Екатеринославского ВПК о плане железнодорожного строительства (Труды совещания. II. — С. 8); Проф. Котляровский // Производительные силы. — 1916. — № 1; Проф. Соболев // Там же. — № 2.

промышленных комитетов особенно защищали линию Москва — Штеровка, которая должна была дать прямой выход донецкому углю в Петроград и Центрально-промышленный район. «Обсуждение вопроса о постройке дороги Донецкий бассейн — Москва, — заявил Бубликов, — равносильно обсуждению вопроса о том, быть или не быть московской промышленности, голодать ли ей в отношении топлива, как это было до сих пор, или иметь обеспеченное снабжение топливом»¹.

Архангельский военно-промышленный комитет отстаивал строительство Обь-Беломорской ж.д., в сооружении которой были заинтересованы также крупные капиталисты Центрально-промышленного района, в частности Рябушинский, который во время войны приобрел крупнейшее предприятие — «Товарищество лесопильных заводов Русанова», рассчитывая захватить в свои руки весь лесной экспорт². Представитель Одесского ВПК Гутник горячо защищал строительство линии Киев — Одесса. План строительства местных участков защищали представители Пермского, Омского и ряда других военно-промышленных комитетов.

Таким образом, к концу 1916 г. русская империалистическая буржуазия, объединенная в военно-промышленные комитеты, наметила совершенно законченную экономическую программу, охватывающую важнейшие отрасли народного хозяйства. Каким же образом буржуазия рассчитывала осуществить эту программу? Осуществление одного только плана железнодорожного строительства требовало капиталовложений в размере 6 млрд руб. Выполнение же всей программы требовало громадных капиталов. Между тем к концу войны гигантски возросла государственная задолженность царской России, очутившейся на пороге полного финансового краха.

Представители буржуазии, как это видно из ряда статей, помещенных в журнале «Производственные силы»³, отдавали себе ясный отчет, в какое катастрофическое финансовое положение попадет Россия после войны. И все же буржуазия, как мы видели, выдвинула широкую программу промышленного и железнодорожного строительства. Это противоречие буржуазия во всех своих экономических планах разрешала старым испытанным методом — привлечением иностранных капиталов. Невозможность без иностранной помощи, за счет одних отечественных капиталов, развернуть намеченное строительство была ясна для каждого сколько-нибудь дальновидного представителя буржуазии.

Программа привлечения капиталов извне наиболее полно была сформулирована в докладной записке Совета съездов представителей промышленности и торговли. «Откуда добыть необходимые для экономического возрождения России средства? — читаем мы в этой записке. — Нет

¹ Труды совещания. I. — С. 51.

² *Рябушинский П.* Цель нашей работы (секретно). — М., 1916. — С. 35—40.

³ № 1 за 1916 г., передовая и статьи проф. Гольштейна и др.

спора, что лучшим разрешением вопроса было бы питание хозяйства туземными капиталами. Конечно, в стране имеются известные сбережения. Но в значительной степени они явятся результатом бумажно-денежной инфляции. Этим предопределяется ожидающая их судьба. Для блага русского народного хозяйства желательнее извлечение из оборота бумажно-денежных масс посредством государственных займов, т.е. консолидация беспроцентного текущего долга казначейства, долга, столь разрушительно влияющего на денежную систему. Иными словами, рынок капиталов после войны окажется весьма бедным, и вряд ли мыслимо, опираясь на него, разрешить великие экономические задачи. Иностранная помощь (со стороны союзников и нейтральных государств) неизбежна, на первое время это необходимо также и в интересах валютного курса, ибо приток заграничных средств улучшает расчетный баланс (обременяя его впоследствии оплатой дивидендов и процентов). Хотя общая конъюнктура международного рынка капиталов после столь разорительной войны не будет блестящей, но Россия должна заблаговременно обеспечить себе известную долю богатства¹. Предвидя затруднения в деле привлечения иностранных капиталов, докладная записка предусматривала особо льготные условия для иностранных капиталистов, вкладывающих свои капиталы в русские предприятия. Вся буржуазная печать трубила о необходимости привлечений иностранных капиталов в Россию, без которых не мыслилось восстановление капиталистического хозяйства в стране².

Исходя из этого, Центральный военно-промышленный комитет принял практические шаги для привлечения иностранных капиталов к намеченному железнодорожному строительству. Накануне Февральской революции ЦВПК вел переговоры с американским National City Bank и группой владельцев американской строительной промышленности National Corporation об участии их в строительстве двухпутного железнодорожного пути Москва — Донбасс, стоимость которого определялась в 550 млн руб. ЦВПК считал необходимым обратить главное внимание на привлечение капиталистов из Америки, так как она, «снабжая воюющие страны материалами, скопила у себя громадные запасы денег»³.

Необходимость привлечения американских капиталов подробно обосновывал проф. И. Х. Озеров, по мнению которого сферой приложения для американских капиталов могли быть промышленность, строитель-

¹ Производительные силы. — 1916. — № 2. — С. 55. В еще более циничной и откровенной форме эта программа была впоследствии сформулирована в книге видного капиталистического идеолога, члена Московского военно-промышленного комитета проф. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности».

² См., например, передовую «Русских Ведомостей» (14/VII 1916 г.).

³ Известия ЦВПК. — 2/V 1917 г.

ство железных дорог, оросительное дело, торговля, эксплуатация природных богатств и т.д. «Нам нужен прилив капиталов, — писал проф. Озеров, — а американские капиталы могли бы принести нам и новые методы хозяйственной жизни»¹. Для содействия привлечению иностранных капиталов в Россию Озеров предлагал создать особый русско-американский банк.

Привлечение американских капиталов стало лозунгом дня русской буржуазии накануне Февральской революции. В феврале 1917 г. при Совете съездов промышленности и торговли был образован специальный Русско-американский комитет «с целью содействия экономическому сближению России и Америки»². Так на деле выглядели пышные фразы русской буржуазии об «освобождении от засилья иностранных капиталов».

При условии огромной задолженности России после войны дальнейшее широкое привлечение иностранных капиталов означало превращение России в колонию западноевропейских империалистических стран.

План создания «Великой России» силами буржуазии был построен на песке.

Наш очерк был бы неполным, если бы мы не остановились на борьбе военно-промышленных комитетов за установление гражданского мира в стране. Подчинение рабочего движения интересам буржуазии являлось составной частью программы военно-промышленных комитетов.

«Либерализм» русских промышленников в годы войны был обусловлен политическими и экономическими причинами. Получая огромные прибыли на военных заказах, буржуазия склонна была пойти на небольшие уступки рабочим с тем, чтобы обеспечить себе «здоровый тыл».

Промышленность в годы войны испытывала острую нехватку в квалифицированной рабочей силе. Организованные по типу английских тред-юнионов профсоюзы могли бы помочь буржуазии урегулировать рынок труда. Вот почему военно-промышленные комитеты в программе мероприятий, направленных на обеспечение предприятий рабочей силой, выдвигали также требования создания бирж труда, свободы профсоюзов и организации примирительных камер.

В основе курса на «европеизацию» рабочего движения, провозглашенного русскими промышленниками, лежали и очень веские политические причины. Рост революционного рабочего движения в стране, руководимого партией большевиков, не мог не тревожить русскую буржуазию. Опираясь на опыт своих западноевропейских собратьев, русские промышленники решили стать на путь разложения рабочего движения путем подчинения рабочих организаций буржуазной политике «защиты

¹ Озеров И. Новая Россия. — Пгр., 1917. — С. 80.

² Моск. обл. арх. упр. ф. Моск. бирж. ком-та. Св. 72. Д. 776.

Отечества». Выдвигая лозунги единства интересов труда и капитала, русская буржуазия при этом ссылалась на войну как на «единую национальную задачу», в успешном разрешении которой были заинтересованы все классы общества.

Полную поддержку в этом вопросе оказывала русской буржуазии ее «социалистическая» агентура в лице явных и замаскированных оборонцев Гвоздева, Чхеидзе, Мартова и Троцкого, стоявших за участие рабочих в буржуазных организациях национальной обороны, борющихся против революционного рабочего движения в стране, стремившихся всеми силами ликвидировать забастовки и установить «социальный мир». В этих условиях буржуазия провозгласила «новый курс» в рабочем вопросе и решила перейти от политики репрессий к политике соглашений.

Уже на первом съезде военно-промышленных комитетов было вынесено решение о создании при них рабочих групп. Специально разработанный буржуазией и утвержденный Советом министров наказ о порядке образования военно-промышленных комитетов предусматривал участие в ЦВПК 10 «рабочих представителей»¹.

Несколько позднее Центральный военно-промышленный комитет подробно сформулировал свою программу в рабочем вопросе. Основной тезис этой программы заключался в том, что «рабочий класс должен быть опорой государства, а не враждебной ему силой»². Записка, составленная ЦВПК, прежде всего пыталась установить причины роста забастовочного движения в конце 1915 г. Указывая на дороговизну жизни, на усилившийся спрос на рабочие руки, ЦВПК вместе с тем подчеркивал, что «рабочий класс правительственной властью всегда рассматривался как чуждый государственности. С ним вели борьбу административным образом, путем репрессий»³. Приводя в пример западноевропейские страны, авторы записки резко подчеркивали, что в России не ведется борьба за использование рабочего движения, и «это есть глубокое заблуждение, за которое русская промышленность столь сильно платится во время войны». По мнению Коновалова, нужно опереться на «организованные элементы», т.е. на оборонцев, которые помогут «преградить доступ в рабочую среду деморализующим пораженческим тенденциям»⁴. Гарантией прочного отвлечения рабочих от революционной борьбы должно являться, по мнению ЦВПК, привлечение «представителей от рабочих к действительному участию в организации производительных сил страны».

¹ Известия ЦВПК. — 15/IV 1917 г.

² Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию: Докладная записка ЦВПК. — 1916. — С. 14.

³ Докладная записка ЦВПК. — С. 5.

⁴ Там же. — С. 7.

В качестве «уступок» рабочему движению выдвигались следующие пункты: организация примирительных камер между рабочими и предпринимателями, свобода профсоюзных организаций, институт фабрично-заводских старост (со ссылкой на закон от 10 июня 1903 г.), организация бирж труда, кооперативное движение, урегулирование заработной платы. «Государством и обществом, — писал Коновалов, — должны быть приняты все меры к тому, чтобы рабочий класс в сознании своей полной солидарности мог слить свой труд с другими общественными элементами как истинный сын родины, а не ее пасынок. Улучшение материальных условий рабочего класса, содействие развитию профессиональных рабочих союзов, широкое предоставление рабочему классу прав политических должны лечь в основу рабочей политики государства»¹.

Ленин в статье «Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами», посвященной выборам рабочих в ЦВПК, писал: «Чтобы влиять на рабочих, буржуа должны наряжаться социалистами, эсдеками, интернационалистами и т. д., иначе влиять невозможно»².

Приняв курс на «европеизацию» рабочего движения и привлечение рабочих в военно-промышленные комитеты, буржуазия должна была убедить в необходимости этого мероприятия царское правительство. Последнее склонно было вести борьбу с рабочим движением старыми, «исконно русскими» способами. Уже в августе 1915 г. Гучков и Коновалов посетили министра внутренних дел, начальника Петроградского военного округа и петроградского градоначальника, убеждая их в необходимости обеспечить полную свободу выборов «рабочих представителей» в военно-промышленные комитеты. В результате этих переговоров промышленники добились правительственного разрешения на выборы рабочих в военно-промышленные комитеты.

Кампания по выборам «рабочих представителей» в Центральный военно-промышленный комитет началась в августе 1915 г. Выборы были назначены двухстепенные. Рабочие на отдельных предприятиях выбирали выборщиков, общее собрание которых должно было избрать десять представителей в Центральный и шестерых в Петроградский военно-промышленный комитеты. Руководители ЦВПК уделяли серьезное внимание выборам «рабочих представителей» в комитеты. Они организовывали предвыборные собрания, пропагандировали выборы в буржуазной печати, на различных совещаниях и т. д. В этом им деятельно помогали их подпевалы из «социалистического» лагеря во главе с Гвоздевым³. Большевики считали необходимым принять участие в самой выборной кампании,

¹ Производительные силы. — 1916. — № 1. — С. 3.

² Ленин В. И. Соч. Т. XVIII. — С. 334.

³ Кузьма Антонович Гвоздев родился в 1882 г. в деревне Чекаевка Саранского уезда Пензенской губернии (Мордовия). Умер 26 июня 1956 г. в Москве. Русский революционер, деятель Временного правительства, меньшевик.

чтобы в ходе ее вести борьбу за бойкот рабочими военно-промышленных комитетов и пропагандировать большевистские лозунги.

В программной статье «Несколько тезисов», написанной в 1915 г. и имевшей целью определить направление дальнейшей работы большевистской партии, Ленин снова возвращается к вопросу о военно-промышленных комитетах. «Мы против участия в военно-промышленных комитетах, — пишет он, — помогающих вести империалистскую, реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, например, за участие на первой стадии выборов только в агитационных и организационных целях»¹.

Вокруг выборов в военно-промышленные комитеты развернулась ожесточенная борьба между большевиками и социал-соглашательскими партиями всех мастей и разновидностей. Выборы в военно-промышленные комитеты внесли оживление в партийную работу большевистской партии. На рабочих собраниях большевики разъясняли массам подлинный, империалистический характер войны, разоблачали предательскую роль соглашательских партий, стремившихся подчинить рабочий класс интересам буржуазии.

Огромную работу провели большевики на предвыборных собраниях Путиловского завода. Многие путиловцы шли за большевиками. Приехавшему на собрание рабочих пушечной мастерской Путиловского завода К. Гвоздеву не дали говорить и свистками заставили его уйти с трибуны². Общезаводское собрание путиловцев единогласно приняло большевистский наказ уполномоченным по выборам в ЦВПК, выработанный в сентябре 1915 г. Петербургским комитетом большевиков. «Главный враг каждого народа, — говорилось в наказе, — в его собственной стране... На завоевание власти путем гражданской войны должны быть направлены усилия пролетариата...» Далее в наказе говорилось:

1. Очевидно речи быть не может об участии представителей рабочих в Центральном военно-промышленном комитете.
2. Подобное участие было бы фальсификацией воли пролетариата, изменой его революционному интернационалистическому знамени.
3. Поэтому рабочие-уполномоченные должны громогласно заявить об отказе участвовать в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне»³.

В сентябре 1915 г. от 101 петроградского предприятия с общим числом 219 036 рабочих было избрано 218 выборщиков⁴. На общегородское

¹ Ленин В. И. Соч. Т. XVIII. — С. 311.

² Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. Указ. соч. — С. 546—547.

³ Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы диетической войны 1914—1917 гг. — С. 84—85.

⁴ Там же. — С. 87.

собрание выборщиков 27 сентября 1915 г. явилось 176 человек. Придавая огромное значение борьбе вокруг выборов в военно-промышленные комитеты, Петербургский комитет большевиков специально командировал на это собрание двух членов ПК, которые, пройдя по мандатам двух выборщиков Путиловского завода, беспартийных рабочих Кудряшева и Дикова, смогли участвовать в собрании.

В результате весьма бурного 11-часового обсуждения вопроса все беспартийные делегаты пошли за большевиками, и 95 голосами против 81 была принята большевистская резолюция. По требованию меньшевиков было проведено повторное поименное голосование, снова принесшее победу большевикам, за резолюцию которых голосовали 90 человек против 81.

Выборщиками была принята следующая резолюция, предложенная большевиками: «Уполномоченные фабрично-заводских предприятий Петрограда, руководствуясь наказом, данным избирателями, считающими принципиально недопустимым участие представителей пролетариата в организациях, каким-либо образом способствующих данной войне, доводят до сведения означенного комитета, что петроградский пролетариат от выбора своих представителей в Центральный военно-промышленный комитет отказывается и заявляет, что, если в составе военно-промышленного комитета окажутся каким-нибудь образом рабочие, против них, как изменников и противников воли петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба»¹.

Победа большевиков в вопросе о выборах в ВПК имела большое значение. Она показывала рост влияния большевистской партии на пролетариат. Работник русского Бюро ОД большевиков А. И. Ульянова-Елизарова в корреспонденции в газету «Социал-демократ» характеризовала отказ питерских рабочих от участия в ЦВПК как «большую и прекрасную победу»².

По поводу бойкота рабочими выборов в Центральный военно-промышленный комитет «Известия ЦВПК» писали: «Отказ рабочих принять участие в ЦВПК явился большой неожиданностью»³. Автор статьи, ссылаясь на оборонческую позицию Дейча и Плеханова, высказывал надежду, что «рабочие пойдут рука об руку с остальными классами населения, ибо это работа не партийная, а национальная».

Через несколько дней в буржуазных газетах и меньшевистском «Рабочем утре» появилось предательское письмо Гвоздева, в котором он указывал, что на выборном собрании вместо путиловских рабочих присутствовали «какие-то другие лица», и требовал новых выборов.

¹ Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914–1917 гг. — С. 88.

² Там же.

³ Известия ЦВПК. — 10/X 1915 г.

Само собой разумеется, что Гучковы—Коноваловы полностью поддержали Гвоздева.

Вторичными выборами, происходившими 29 ноября 1915 г., руководил «сам» Гучков. Благодаря специально предпринятым охранкой и буржуазией мерам оборонцы явно преобладали. Из 153 выборщиков приняли декларацию большевиков и оставили зал заседания 54 человека. Выборы «рабочей группы» ЦВПК произведены были из числа оставшихся 99 человек. Из числа 16 человек, избранных в Центральный и Петроградский военно-промышленные комитеты, 13 были меньшевиками (один из них, Абрисимов, был провокатором) и трое — эсерами.

Петербургский комитет большевиков откликнулся на вторичные выборы специальной листовкой, в которой пролетариат призывался к беспощадной борьбе с гвоздевцами как изменниками и предателями рабочего класса¹.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство петроградского пролетариата шло за большевиками и относилось резко отрицательно к созданию «рабочих групп» в военно-промышленных комитетах. Уже с первых шагов своей деятельности «рабочие группы» должны были столкнуться с этим явлением. Членов «рабочей группы» петербургские пролетарии презрительно называли «военно-промышленными социалистами»². Сам ЦВПК признавал, что «рабочей группе» пришлось начинать свою работу при наличии «сильной оппозиции в среде петроградских рабочих». «Рабочая группа» в своей практической работе была совершенно изолирована от масс, которые не скрывали своего враждебного отношения к оборонцам. Когда «рабочая группа» обратилась в одну из профессиональных организаций с просьбой прислать устав, ей в этом было отказано, причем правление профсоюза выразило свое нежелание вступать в какие бы то ни было отношения с участниками военно-промышленных комитетов как «изменившими принципам рабочего класса... играющими на руку интересам буржуазии»³.

На первом заседании «рабочей группы» после приветственной речи Гучкова «рабочие представители» избрали своим председателем К. Гвоздева. Последний в своей речи указал, что русские рабочие должны пройти тот этап, который пройден западноевропейскими странами. «Социализм не на очереди дня, — заявил Гвоздев, — на очереди борьба с теми, кто не хочет расширить права народа»⁴.

В дальнейшей своей работе ЦВПК энергично добивался создания «рабочих групп» во всех военно-промышленных комитетах. Второй съезд ВПК в одной из своих резолюций «вменил в обязанность» всем во-

¹ Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. Указ. соч. — С. 90–91.

² Там же. — С. 551.

³ Известия ЦВПК. — 22/IV1917 г.

⁴ Красный Архив. — 1933. I. — С. 57.

енно-промышленным комитетам озаботиться «повсеместным привлечением в состав ВПК представителей от рабочих с предоставлением им права образования самостоятельных рабочих групп».

Выборы в рабочие группы состоялись в Москве, Киеве, Самаре, Ростове-на-Дону и ряде других городов. В Москве в выборах приняли участие 62 предприятия. К выборам было допущено 89 948 рабочих, но в выборах участвовали только 45 987 человек. Буржуазии оставалось утешать себя ссылками на «абсентеизм рабочих»¹.

В Москве меньшевики, в работе которых принимали участие Чхеидзе и Скобелев, деятельно боролись за вхождение «рабочих представителей» в военно-промышленные комитеты. В результате 21 из 111 выборщиков отказались принимать участие в выборах, и «рабочая группа» в составе 10 человек была избрана из числа оставшихся 90 выборщиков.

Несколько иначе протекали выборы «рабочих групп» в провинциальные военно-промышленные комитеты. Здесь большевистские организации были слабее, полицейско-административный нажим на выборах — откровенней и сильнее, и поэтому сторонников бойкотистской тактики было незначительное количество. Только в Баку, Нижнем Новгороде и Саратове рабочие-выборщики приняли резолюцию отказа от участия в ВПК и выборы были сорваны.

Давая разрешение на создание «рабочих групп» в военно-промышленных комитетах, самодержавие все время относилось к ним с большой опаской и неотступно следило за каждым шагом «рабочих представителей». В ряде городов местные органы власти чинили препятствия выборам рабочих в военно-промышленные комитеты. Так, харьковский губернатор не разрешил проводить выборы рабочих в военно-промышленный комитет «за неимением места для предвыборного собрания»². Архангельский губернатор запретил выборы рабочих в ВПК на том основании, что в Архангельске «нет предприятий, работающих на оборону»³. Под разными предлогами полиция и местная администрация чинили препятствия выборам в Ростове-на-Дону, Нахичевани, Екатеринославе, Тифлисе. В ряде городов местные власти разрешали производить выборы лишь в присутствии полиции⁴. Большую шумиху подняла буржуазная печать вокруг так называемого дела Самарского военно-промышленного комитета. Весь президиум Самарского ВПК был привлечен полицией к судебной ответственности за организацию выборов «рабочих представителей» в военно-промышленный комитет⁵.

¹ Известия МВПК. — 1915. — № 8.

² Там же. — 1916. — № 14.

³ Там же. — № 15–16.

⁴ Сообщения представителей 34 ВПК. — С. 46; см. также: Краткий обзор деятельности Закавказского ВПК с 1/11 по 30/IV 1916 г. — С. 72.

⁵ Известия ЦВПК. 8/VII 1916 г.

С обострением оппозиционной борьбы буржуазии против правительства царские власти в центре и на местах усиливают преследование «рабочих групп». С другой стороны, некоторые военно-промышленные комитеты сами отказывались от выборов рабочих представителей. Так, Симферопольский военно-промышленный комитет постановил «признать выборы и представительство рабочих по местным условиям нецелесообразным»¹. Это свидетельствует о том, что курс на «европеизацию» рабочего движения был воспринят не всей буржуазией.

Таким образом, рабочие группы были организованы только в части военно-промышленных комитетов. Из анкеты, проведенной ЦВПК, видно, что из 118 комитетов, приславших сведения, «рабочие группы» были организованы лишь в 25 комитетах².

Выборы «рабочих представителей» в военно-промышленные комитеты с восторгом приветствовались социал-соглашателями всех разновидностей как внутри России, так и в союзных странах. «Известия Московского военно-промышленного комитета» с торжеством опубликовали отклики лидеров II Интернационала на организацию «рабочих групп» в военно-промышленных комитетах. Жюль Гэд, например, заявил: «Я приветствую вступление рабочих в военно-промышленные комитеты как первый шаг братского единения русского пролетариата с английским и французским в тяжелом деле навязанной нам Германией кровавой борьбы и верю, что наш союз, окрепший в боевых полях, принесет великие и прекрасные плоды в период мира»³. В таком же духе высказывался и Вандервельде. Рядом с приветствиями Гэда и Вандервельде «Известия МВПК» поместили махрово-шовинистическое выступление Плеханова, одобрявшего вступление рабочих в военно-промышленные комитеты.

3 декабря 1915 г. на заседании Центрального военно-промышленного комитета «рабочая группа» огласила свою декларацию, которая полностью вытекала из программы по рабочему вопросу Гучковых—Коноваловых. Декларация высказывалась за поддержку Государственной думы, протестовала против недопущения правительством съездов военно-промышленных комитетов и выдвигала программу рабочего законодательства, в свое время сформулированную Коноваловым⁴.

Наряду с этим «рабочая группа» обратилась со специальным «циркулярным письмом» к рабочим организациям, опубликованным в меньшевистской прессе. В этом письме обосновывалась необходимость активного участия в ВПК («разгром и гибель страны больше всего угрожают

¹ Известия МВПК. — 1916 г. — № 13.

² Представительство общественных групп в военно-промышленных комитетах. — С. 23. (Всего к апрелю 1916 г. насчитывалось 36 «рабочих групп».)

³ Известия МВПК. — 1916. — № 31–32. — С. 8.

⁴ *Маевский Е.* Канун революции. — Пгр., 1917. — С. 23.

интересам трудящихся») и излагалась следующая программа деятельности «рабочей группы» в Центральном военно-промышленном комитете: 1) организация и участие в биржах труда; 2) организация примирительных камер; 3) установление института фабрично-заводских старост; 4) связь с избирателями и 5) созыв рабочего съезда.

Об одном скромно умолчали социал-шовинисты — о борьбе с забастовочным движением, которая красной нитью проходит через всю кратковременную историю существования «рабочей группы» при ЦВПК. Именно в этом заключалась ценность существования «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах для Гучковых—Коноваловых.

После Февральской революции Гучков, желая отвести от себя упрек некоторых представителей буржуазии в чрезмерной революционности «рабочих представителей», распорядился опубликовать в «Известиях ЦВПК» подробный отчет о деятельности «рабочей группы». В этом отчете подробно и довольно откровенно была развернута вся картина антиреволюционной деятельности «рабочей группы». Прежде всего обращает на себя внимание глубоко деморализующая роль, которую играла «рабочая группа» во время ряда забастовок в конце декабря 1915 г. на крупных заводах; адмиралтейском судостроительном, механическом заводе Лесснера, «Динамо», на петербургском заводе Нобеля, николаевском заводе «Наваль» и ряде других. Во время этих забастовок «рабочая группа» своими попытками посредничества между рабочими и предпринимателями лишь размагничивала революционную энергию забастовщиков. «Рабочие представители» обычно уговаривали рабочих приступить к работам, обещая, что после этого предприниматели пойдут на уступки. На самом же деле это давало возможность администрации заводов успешней и жестче расправляться с рабочими. Так было во время забастовки на адмиралтейском судостроительном заводе, в результате которой завод был закрыт, а 350 рабочих отправлены в армию. Такая же история произошла и с забастовкой на николаевском заводе «Наваль», заводе Лесснера и ряде других. Во всех этих случаях предательская деятельность «рабочей группы» лишь помогала предпринимателям расправиться с забастовщиками.

Особенно предательскую роль сыграла «рабочая группа» во время февральских событий 1916 г. на Путиловском заводе. Февральская забастовка путиловцев носила, как известно, политический характер. Здесь наряду с экономическими требованиями выдвигались и политические лозунги. Движением руководила партия большевиков. Вот почему «рабочая группа» потратила немало усилий (правда, безуспешных) для того, чтобы это движение разложить изнутри. «Рабочая группа» обратилась со специальным воззванием к путиловцам, в котором призывала прекратить забастовку, так как движение рабочих, изолированное «от движения всех других прогрессивных слоев общества», идет якобы «во вред интересам рабочего класса, а не на пользу». Воззвание подчеркивало, что «подобные стихийные вспышки лишь ослабляют и разбивают нарастающий

конфликт всего русского общества с царской властью»¹. Активная роль Гучкова в секвестре Путиловского завода в известной степени объяснялась тем, что здесь «рабочей группе» не удалось прекратить забастовку; для того чтобы приостановить движение, нужно было превратить рабочих в военнообязанных.

Так же безуспешна была попытка «рабочей группы» приостановить широкое забастовочное движение, развернувшееся в Петрограде в 1916 г. в связи с готовившимся военно-полевым судом над арестованными членами большевистской организации Балтийского флота. «Рабочая группа» в своих воззваниях, выпущенных по этому поводу, призывала рабочих «не верить ложным слухам», немедленно прекратить стачки и обратиться «к энергичной общественно-организованной работе»². Эта «общественно-организованная работа», если расшифровать туманную формулу «рабочей группы», заключалась в поддержке оппозиционной борьбы буржуазии с царизмом. В декларации «рабочей группы» на втором съезде военно-промышленных комитетов указывалось, что задачей вступления «рабочих представителей» в комитеты было «координирование усилий пролетариата с усилиями буржуазно-прогрессивных слоев русского общества»³.

По указке своих хозяев из ЦВПК «рабочая группа» в начале ноября 1916 г. обратилась со специальным дружественным посланием в Государственную думу с просьбой «применить все средства, чтобы путем свободно и широко распространенных думских отчетов ознакомить население и армию с работой Госуд. думы»⁴. Впоследствии, после ареста «рабочей группы» царским правительством в начале 1917 г., ЦВПК в специально составленной докладной записке доказывал царскому правительству благонадежность «рабочей группы» и подчеркивал заслуги ее в деле предотвращения стачек и быстрой «ликвидации конфликтов», возникавших между предпринимателями и рабочими, и «успокоения стихийной вспышки рабочих движений»⁵.

Все вопросы «рабочая группа» рассматривала и разрешала в тесном контакте с руководящей верхушкой ЦВПК. Решения «рабочей группы» утверждались ЦВПК в целом. 18 августа 1915 г. по докладу Коновалова ЦВПК вынес решение о создании примирительных камер⁶. Примирительную камеру, которая должна была разрешать конфликты и споры путем «обоюдного соглашения рабочих и предпринимателей», удалось организовать лишь при Центральном военно-промышленном комитете.

¹ Известия ЦВПК. — 15/VI 1917 г.

² Там же. — 18/IV 1917 г.

³ *Маевский Е.* Указ. соч. — С. 31.

⁴ Там же.

⁵ Красный Архив. — 1933. I. — С. 50.

⁶ Журнал 24-го зас.

Действия этой камеры должны были распространиться на все предприятия Петрограда. Средства на ее содержание были ассигнованы ЦВПК. Однако практически эта камера никакой роли не сыграла, и в ней не было рассмотрено ни одного конфликта¹. Также безуспешна была попытка организации бирж труда.

Вообще так называемая экономическая деятельность «рабочей группы» была крайне ничтожна. В сущности говоря, Гвоздев в этом отношении стремился создавать лишь видимость работы. Годы войны были временем самого сильного нажима на рабочий класс. На втором съезде ВПК в присутствии представителей «рабочей группы» и при их участии обсуждались проекты лишения рабочих права отдыха в воскресные дни, причем ряд ораторов рекомендовал в случае протеста рабочих применять труд китайцев². А «рабочая группа» в ответ на это организовала «анкетное обследование экономического быта рабочих», бесконечно много говорила о введении института фабрично-заводских старост, о примирительных камерах, но ничего реального не предприняла для действительного улучшения положения рабочих. Таким образом, Гвоздев старательно выполнял социальный заказ буржуазии и сделал немало для того, чтобы отвлечь пролетариат от революционной борьбы. Для характеристики деятельности «рабочей группы» ЦВПК чрезвычайно характерно письмо А. И. Гучкова к Гвоздеву, написанное в начале 1916 г. Уезжая в отпуск, Гучков просил Гвоздева охранять «социальный мир, который нам в данное время необходим более чем когда бы то ни было». Гучков рассматривал Гвоздева и «рабочую группу» ЦВПК как надежную опору, при помощи которой можно будет бороться с революционным рабочим движением. «Я твердо верю, — писал Гучков, — в государственный смысл и деятельный патриотизм рабочих масс, всегда думал, что пораженческие идеи чужды рабочему классу, и поэтому еще раз взываю к Вам». В конце письма Гучков откровенно указывал, что «мы всегда умели находить общий язык»³. В последнем, конечно, Гучков не ошибался. Гвоздев поспешил написать ответное письмо, в котором принял все выдвинутые Гучковым положения⁴.

Впоследствии «рабочая группа» ЦВПК пыталась свою работу распространить на более широкие массы пролетариата. Методом, при помощи которого можно было этого достигнуть, был созыв «рабочего съезда». Растущее влияние на пролетариат большевистской партии пугало Гвоздевых и их хозяев из ЦВПК. Рабочий съезд и должен был «обработать» рабочий класс в духе программы ЦВПК. Последний придавал большое значение созыву «рабочего съезда», рассчитывая при его помощи при-

¹ Отчет «рабочей группы» // Известия ЦВПК. — 17/1 1916 г.

² Труды II съезда ВПК. — С. 207–208.

³ Известия МВПК. — 1916. — № 19–20. — С. 43.

⁴ Там же.

вить более широким массам оборонческие идеи. На заседании ЦВПК, а впоследствии второго съезда ВПК стоял специальный доклад Гучкова, посвященный этому вопросу, причем и ЦВПК, и съезд «отнеслись к идее созыва рабочего съезда сочувственно».

В январе 1916 г. «рабочая группа» ЦВПК опубликовала обращение ко всем рабочим о созыве всероссийского рабочего съезда. Однако идея созыва съезда не была осуществлена вследствие полной непопулярности «рабочей группы» среди пролетариата.

Тактика «европеизации» рабочего движения была воспринята далеко не всей буржуазией. На специально организованном ЦВПК совещании от 29 января 1917 г. в связи с арестом «рабочей группы» правительством слышны были голоса, категорически осуждавшие политику соглашения с рабочими. На этом же совещании против рабочей политики ЦВПК выступил Милюков, назвавший ее тактикой «развязывания народной стихии».

Резко пытался ограничивать деятельность «рабочей группы» Московский военно-промышленный комитет, члены которого вначале испугались «социалистической» фразеологии «рабочих представителей». Однако очень скоро «рабочая группа» МВПК добилась трогательного единения с промышленниками. Когда в начале 1916 г. московские промышленники поставили в военно-промышленном комитете вопрос о сокращении пасхального перерыва на предприятиях, эта драконовская мера, жестоко бившая по материальным интересам рабочих, была поддержана «рабочей группой»¹. С резкой критикой предательской политики «рабочей группы» МВПК по этому вопросу выступил большевистский журнал «Вопросы страхования»².

В конце 1915 г. член «рабочей группы» МВПК Черегородцев опубликовал открытое письмо к председателю МВПК П. Рябушинскому. В этом письме Черегородцев подчеркивает, что главной задачей «рабочей группы» было достижение общего языка с промышленниками. «Рабочие представители, — писал Черегородцев, — не отказывались подчиняться решениям военно-промышленного комитета и подчиняться его контролю». Черегородцев откровенно пишет об оборончестве «рабочей группы» («рабочий класс не менее и даже более других классов заинтересован в защите страны»). В заключение письмо указывает на «заслуги» «рабочей группы» в деле обуздания рабочего революционного движения³.

Это лакейское письмо, откровенное до цинизма, лишний раз подтверждает роль «рабочих групп» в рабочем классе. Такой же характер носила деятельность «рабочих групп» на местах. В Самаре, Киеве и дру-

¹ Известия МВПК. — 1916. — № 17–18. — С. 69.

² Вопросы страхования. — 31.V. 1916. — № 5.

³ Известия МВПК. — 1915. — № 15–16.

гих местах — всюду существовало трогательное единодушие между «рабочими группами» и всем составом военно-промышленных комитетов.

«Рабочая группа» ЦВПК была втянута Гучковым и Коноваловым в «высокую политику». Отдельные представители буржуазии не прочь были в разгаре оппозиционной борьбы с царизмом попугать его призраком революции. Начиная с января 1917 г. «рабочая группа» под давлением ЦВПК выпускает ряд воззваний, в которых призывает рабочий класс к «организованному выступлению» и поддержке Государственной думы¹. Ведя борьбу с политическими притязаниями буржуазии, самодержавие прежде всего обрушилось на «рабочую группу», члены которой были арестованы в ночь с 26 на 27 января 1917 г. Арест «рабочей группы» был ответом самодержавия на оппозиционную деятельность буржуазии.

Арест «рабочей группы» вызвал бурю протеста со стороны оппозиционной буржуазии. Немедленно после ареста Гучков и Коновалов отправились с визитом к председателю Совета министров кн. Голицыну, прося об освобождении арестованных. Кн. Голицын ответил на эту просьбу уклончиво и обещал снести с министром внутренних дел Протопоповым. 31 января 1917 г. бюро ЦВПК опубликовало в газетах протест по поводу ареста «рабочей группы». ЦВПК высказывал уверенность в том, что следствие выявит полную невиновность «рабочей группы».

Этот документ, между прочим, весьма интересен в том отношении, что он наиболее ярко вскрывает подлинную предательскую роль «рабочей группы». «Центральный военно-промышленный комитет, — писалось в протесте, — чрезвычайно дорожил участием в нем рабочих элементов страны. Полная политическая обособленность рабочих и принципиальное их отчуждение от всяких общений с так называемыми буржуазными элементами представляет несомненно серьезную опасность для нормального политического развития страны, для поддержания в ней внутреннего спокойствия, столь необходимого для борьбы с внешним врагом. Поэтому ЦВПК высказывает самый горячий протест против разгрома рабочей группы. Это несомненно тяжелый удар делу национальной обороны, угашающий в народных массах последнюю искру веры в плодотворность участия в общественной работе для защиты родины»².

9 февраля было созвано специальное расширенное заседание ЦВПК, посвященное аресту «рабочей группы». На этом заседании Гучков доложил о своих безрезультатных переговорах с Голицыным и градоначальником генералом Хабаловым по поводу освобождения арестованных «рабочих представителей». Гучков резко критиковал деятельность правительства, давая самую «похвальную» характеристику «рабочей группе». «Их подозревали, — заявил Гучков, — в организации забастовки, но дея-

¹ *Авдеев Н.* Революция 1917 года. — М.-П., 1923. — С. 13.

² Там же. — С. 16.

тельность группы направлена как раз в обратную сторону, т.е. против забастовок в пользу социального мира»¹.

Вопрос об аресте «рабочей группы» обсуждался также на заседании Государственной думы 17 февраля 1917 г., где с протестом против ареста «рабочей группы» выступил Коновалов. Если буржуазия проявила большое беспокойство в связи с арестом «рабочей группы», если ее виднейшие представители, добиваясь освобождения арестованных, публиковали протесты и т.д., то пролетариат проявил исключительное равнодушие к этому факту. Это также красноречиво говорит о том, чьим органом была так называемая «рабочая группа».

Воздвечным не удалось выполнить миссию, возложенную на них буржуазией. «Рабочая группа» никогда не пользовалась доверием у пролетариата, а к 1917 г. она оказалась совершенно изолированной. «Рабочая группа» не сумела пустить глубоких корней в рабочем классе и потерпела полное поражение.

Подведем итоги.

1. Организовывая военно-промышленные комитеты, русская буржуазия ставила перед собой широкие задачи. Она стремилась создать самодовлеющую хозяйственную систему и поставить в зависимость от нее царское правительство. Однако эти стремления не были осуществлены. Военно-промышленные комитеты не сыграли крупной роли в экономической жизни страны. Стоимость выполненных ими военных заказов не превышала 2—3% всех заказов военного ведомства.

2. В годы войны буржуазия добилась заметного влияния на государственные дела. В особых совещаниях по обороне и топливу представители буржуазии оказывали большое влияние на решение вопроса о распределении металла, топлива, о секвестре предприятий и т.д. В ряде случаев буржуазия срывала экономические мероприятия царского правительства, если они расходились с ее интересами. Так было, например, с законом о милитаризации промышленности, подготовлявшимся правительственными кругами.

Но буржуазия стремилась к большему. Она хотела полностью сосредоточить в своих руках регулирование народного хозяйства и управление страной. Самодержавие на такие серьезные уступки не шло. Царское правительство не хотело передавать в руки буржуазии важнейшие регулирующие функции, средства, заграничные заказы и т.п. Резко сократив с середины 1916 г. заказы военно-промышленным комитетам и запретив представительство их в ряде организаций (Лондонском комитете, Особом совещании по перевозкам и т. п.), царское правительство поставило военно-промышленные комитеты в крайне затруднительное положение.

3. Военно-промышленные комитеты выработали обширную программу экономического развития страны после войны. В основе этой

¹ Известия ЦВПК. — 30.III.1917 г. Речь. 18.II.1917 г.

программы лежали старые требования русской буржуазии: отмена стеснений для акционерных обществ, содействие росту синдикатов и трестов, государственная помощь промышленникам и т.д.

Военно-промышленные комитеты развернули довольно широкую программу нового железнодорожного строительства, которое должно было способствовать развитию металлургии, добычи каменного угля, паровозо- и вагоностроения и других отраслей промышленности. При помощи строительства новых железных дорог буржуазия надеялась вызвать общий подъем капиталистического хозяйства в стране.

Восстановление и развитие капиталистического хозяйства после войны буржуазия надеялась осуществить при помощи нового широкого привлечения иностранных (в первую очередь американских) капиталов.

4. Военно-промышленные комитеты были не только хозяйственным, но и политическим объединением русской буржуазии. Деятельность военно-промышленных комитетов должна рассматриваться в связи с общеполитическими устремлениями русской буржуазии в годы империалистической войны.

Военно-промышленные комитеты стояли на платформе «прогрессивного блока», будучи широко разветвленными организациями русской буржуазии. Опираясь на военно-промышленные комитеты, буржуазия хотела добиться создания буржуазного кабинета и предотвратить надвигающуюся революцию.

5. Для этой цели военно-промышленные комитеты среди прочих мер стремились установить «гражданский мир» в стране. Пытаясь разложить рабочее движение и подчинить его интересам буржуазии, русские капиталисты, заимствуя в этом отношении опыт Западной Европы, стали на путь создания «рабочих групп» в военно-промышленных комитетах.

Деятельность «рабочих групп» заключалась в борьбе с забастовочным движением и растущим влиянием большевиков в рабочих массах. Русскому пролетариату оборонческие идеи привить не удалось. «Рабочие группы» потерпели полное поражение.

**Железнодорожный транспорт России
в Первой мировой войне
и обострение экономического кризиса в стране**

Исторические записки.
Издательство Академии наук СССР.
1948. № 26

1. Состояние железных дорог накануне войны

После огромного взлета железнодорожного строительства в России в 90-х гг. XIX в. при министре финансов Витте уже не было нужды доказывать решающее значение железных дорог для капиталистического развития страны. Это давно уже стало общепризнанным и среди помещиков, и среди буржуазии. Согласно «всеподданнейшим» отчетам министра путей сообщения¹, на строительство железных дорог в России и их оборудование было затрачено за полустолетие, до 1911 г. включительно, 6955 млн руб., из них 4990 млн руб. — на казенные дороги, а остальные средства — на частные дороги.

По другим данным², которые уточняют приведенные мною цифры, на 1 января 1914 г. на строительство русской железнодорожной сети было затрачено 7591 млн руб., из них на казенные дороги — 5618 млн руб., а на строительство частных дорог — 1973 млн руб. Такие огромные средства были получены за счет бюджетных средств (2903 млн руб.) и за счет железнодорожных займов (4688 млн руб.)³. Общие затраты на строительство железных дорог значительно превосходили основные капиталы всех вместе взятых отраслей крупной капиталистической промышленности России.

Не приходится говорить о том, насколько строительство железных дорог ускорило развитие капитализма в России, особенно принимая во вни-

¹ Данные «всеподданнейших» отчетов и докладов министра путей сообщения извлечены нами из экономического отд. ЦГИАЛ, ф. М-ва путей сообщения.

² *Петров Н. П.* О хозяйственном управлении казенных железных дорог // Журнал министерства путей сообщения. — 1916. — Кн. 8. — С. 98–99.

³ Там же. Государственные займы на нужды железнодорожного строительства составляли 2968,5 млн руб. и займы частных обществ — 1719,4 млн руб.

мание огромные просторы страны, наше былое бездорожье, отсутствие хороших шоссе и автотранспорта, слабость речного и морского судоходства.

Окраины России, являвшиеся, по характеристике Ленина, колониями в экономическом отношении, поддерживали хозяйственную связь с центром страны при помощи железных дорог. Промышленные товары доходили до потребителя на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе и Сибири, пробежав тысячеверстные расстояния. Промышленное сырье перебрасывалось с одного конца России в другой, хлебные грузы и сельскохозяйственное сырье подвозились к морским портам для экспорта и к промышленным центрам. Потоки грузов двигались в двух направлениях: промышленное сырье и сельскохозяйственные грузы — с окраин к центру страны и к крупнейшим портам Черного моря и Балтики и готовые продукты из центра России — к потребителю, на периферию страны.

Наиболее густая сеть железных дорог России приходилась на европейскую часть империи, особенно на польские губернии. Север, Сибирь, Дальний Восток и Средняя Азия поддерживали железнодорожную связь с центральной Россией однопутными дорогами, а многие районы страны и совсем их не имели.

Более густое развитие железных дорог ближе к западным границам империи было продиктовано отнюдь не экономическими потребностями страны, а военными соображениями — на случай войны с Германией.

Еще в 1870-х гг. при военном министре Милютине стали создавать Западный укрепленный район, строились крепости по Рисле, но прежде всего была создана разветвленная сеть железных дорог, обеспечивавшая мобилизационное сосредоточение русской армии. Из общей суммы 628 млн руб., затраченных правительством к началу XX в. на создание Западного укрепленного района, на строительство железных дорог приходилось 309,5 млн руб.¹

Военные авантюры царизма на Дальнем Востоке временно ослабили внимание правительства к западным границам, но дальнейшее укрепление русско-французского союза, образование Антанты и обострение борьбы между империалистическими странами вновь поставили в порядок дня большую программу строительства стратегических железных дорог на западе. Эта программа была уже разработана к 1910 г., однако ее выполнение наталкивалось на недостаток средств.

Следует вообще указать, что темпы железнодорожного строительства в XX в. были значительно ниже, чем в последние десятилетия XIX в. Особенно мало внимания обращалось на строительство экономиче-

¹ ЦВИА. Гл. штаб. Д. 177845. Лл. 65–108. Стоимость железных дорог этих районов исчислена без подвижного состава.

ских железных дорог. Генерал-лейтенант Ронжин, ведавший во время Первой мировой войны в Ставке верховного главнокомандующего военными перевозками, признает, что строительство железнодорожной сети России на основном театре военных действий — от Балтийского моря до границ с Бессарабией — «происходило под сильным влиянием военного ведомства, и поэтому начертание сети в значительной мере отражало взгляды Генерального штаба на характер будущих военных операций»¹.

В период депрессии железные дороги в общем удовлетворительно справлялись со своими задачами по перевозке грузов. Во время же предвоенного промышленного подъема со всей очевидностью выяснилось, что пропускная способность существующих железных дорог, снабжение их паровозами и вагонами, строительство новых железнодорожных линий — отстают от общего темпа развития народного хозяйства. Что касается новых железных дорог, то, по данным «всеподданнейших» отчетов министра путей сообщения, длина железнодорожной сети России увеличилась с 61 223 верст в 1908 г. до 65 289 верст в 1913 г., или по 800 верст в год.

По данным же Шмуккера², за шесть предвоенных лет было сооружено 3850 верст новых железных дорог, из которых 2945 верст построили частные предприниматели, а 895 верст — казна, причем 533 версты были начаты постройкой еще при Витте. В планах нового железнодорожного строительства на 1913 г. на долю казны приходилась лишь одна треть работ, а частные предприниматели строили в два раза больше — 5,5 тыс. верст³. В общем можем сказать, что железнодорожное строительство накануне войны развертывалось недопустимо медленно, хотя нужда в экономических и стратегических железных дорогах была огромная.

Накануне мировой войны наличие рельсовых путей только в европейской России на единицу пространства было в 11 раз меньше, чем в Германии, и в 7 раз меньше, чем в Австро-Венгрии⁴. Кроме того, в России было мало двухпутных железных дорог, составлявших лишь около 1/4 длины всей сети. По данным Войновского-Кригера, представленным в 1917 г. в Совет министров, двухпутные дороги в России составляли 27% общего протяжения, а в европейских странах их доля колебалась от 39 до 56%.

¹ *Ронжин С. А.* Железные дороги в военное время (по опыту мировой войны). — Белград, 1929. — С. 4.

² *Шмуккер М. М.* Очерки финансов и экономики железнодорожного транспорта России за 1913—1922 гг. (в связи с общими экономическими явлениями жизни страны). — С. 24.

³ Всеподданнейший отчет министра путей сообщения о деятельности министерства за 1913 г.

⁴ *Ушаков К.* Подготовка военных сообщений России к мировой войне. — Госиздат, 1928. — С. 14.

К началу войны не было закончено строительство Амурской железной дороги, не начато строительство Мурманской железной дороги. Огромная Сибирская магистраль оставалась однопутной, а железная дорога Вологда — Архангельск была узкоколейной. Это показывает непонимание русским правительством и министром путей сообщения Рухловым стоявших перед ними задач. На фоне общего промышленного подъема страны прирост сети происходил «медленнее даже, чем в какой-либо другой период последних сорока лет, несмотря на то, что промышленное развитие страны, напротив того, совершается теперь значительно быстрее»¹.

Российская буржуазия видела в этом факте огромную опасность и старалась путем воздействия на правительство предупредить ее. В докладной записке Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил в России и к улучшению торгового баланса», представленной 12 июля 1914 г. правительству в качестве программного документа в области экономической политики, обращалось внимание на развитие железных дорог, особенно тех, которые должны связать Донецкий и Дюбровский угольные бассейны с промышленными районами и портами Балтийского моря. Независимо от нового железнодорожного строительства буржуазия требовала усиления пропускной способности старых железных дорог, увеличения подвижного состава на дорогах и т. д.

В период промышленного подъема увеличение грузового и пассажирского движения в России происходило быстрее, чем в какой-либо западноевропейской стране. Количество грузов с каждым годом возрастало. Их прирост против предшествующего года достигал следующих размеров (табл. 1)².

Таблица 1

**Прирост грузового и пассажирского движения в России,
1909—1913 гг. (%)**

	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Товарные грузы	7	5,4	11,1	11,1	10,5
Пассажиры	8,4	11,8	8,2	11,7	12,5

¹ 7-й очередной съезд представителей промышленности и торговли. Доклад «Рост промышленности России за последнее десятилетие». — С. 6.

² Цифры взяты из «всеподданнейших» отчетов министра путей сообщения за 1909—1912 гг., а для 1913 г. — из журнала «Народное хозяйство» за 1913 г. На отставание роста подвижного состава от роста грузооборота указывал крупный специалист в области железнодорожного дела Уржумцев. Приняв грузооборот и подвижной состав в 1910 г. за 100%, он подсчитал, что в 1913 г. грузооборот вырос до 138,2%, а подвижной состав — лишь до 108,7% (Доклад В. В. Уржумцева Чрезвычайному всероссийскому съезду представителей биржевой торговли и сельского хозяйства // Горнозаводское дело. — 1915. — № 14). По данным упомянутого нами Войновского-Кригера, на наших железных дорогах подвижного состава, особенно товарных вагонов, было в 2—3 раза меньше, чем на дорогах Европы.

В то же время прирост движения во Франции, Германии и США колебался от 2,5 до 3% ежегодно.

Прирост грузов опережал не только расширение железнодорожной сети, но и рост подвижного состава и паровозов. Чтобы справиться с массой грузов, железные дороги увеличили нагрузку на ось вагона со 188 пудов в 1909 г. до 254 пудов в 1913 г.¹

Чтобы понять причины плохой работы железнодорожного транспорта в годы войны, недостаточно отметить только слабость пропускной способности и развития сети в предвоенные годы. Следует рассмотреть состояние паровозного и вагонного парка железных дорог. Авторы многочисленных работ о железнодорожном транспорте (Михайлов, Шмуккер, Неопиханов, Гриневецкий и др.) единодушны в оценке причин слабой провозоспособности русских железных дорог. По их мнению, дело заключалось не только в слабости самой сети, но и в остром недостатке подвижного состава — паровозов и вагонов. По официальным данным и расчетам Михайлова, для полного использования пропускной способности только главных магистралей в 1913 г. не хватало 2 тыс. товарных паровозов и 80 тыс. товарных вагонов².

Если обратиться к состоянию паровозного парка, то ни численно, ни качественно он не был на высоте. По признанию министра путей сообщения, «паровозный парк нашей казенной железнодорожной сети отличался большим разнообразием типов, часто весьма устарелых»³. Количество паровозов на казенных железных дорогах за шесть предвоенных лет совершенно не выросло. В 1908 г. их было 15 146, а в 1913 г. — 15 204. Количество паровозов на частных дорогах также оставалось почти стабильным: 4302 в 1908 г. и 4631 в 1913 г. Всего, таким образом, паровозный парк империи увеличился в течение шести лет только на 387 паровозов, или на 2,6%. В отдельные годы на железных дорогах завершало свою службу гораздо больше паровозов, чем заказывалось новых; с 1909 по 1911 г. было исключено 1011 паровозов, а заказано новых — 918.

Из наличного состава паровозов примерно 1/4 всего паровозного парка фактически давно уже вышла из строя, имея возраст от 40 до 45 лет, в то время как срок службы паровоза в России был установлен в 25 лет, а за границей — и того меньше⁴.

Политика «экономии» на казенных дорогах и погоня владельцев частных дорог за повышенными дивидендами вели к тому, что производи-

¹ Новый экономист. — 1916. — № 11 (ст. Сокович).

² Михайлов И. Д. Транспорт. Его современное состояние. — М., 1919. — С. 5.

³ Всеподданнейший отчет министра путей сообщения за 1913 г. — С. 60.

⁴ Михайлов И. Д. Указ. соч. — С. 6. В работе Н. Васильева приведены подробные данные о сроках службы паровозов. 75% всех паровозов работало до 20 лет и около 20% всех паровозов — больше 30 лет. Около 1600 паровозов работало от 40 до 50 лет (Васильев Н. Транспорт России в войне 1914—1918 гг. — Воениздат, 1939. — С. 15).

тельная способность паровозных и вагонных заводов использовалась на минимальном уровне. По данным годовых отчетов Министерства путей сообщения, железные дороги получали с заводов следующее количество их продукции (табл. 2).

Таблица 2

**Выпуск продукции паровозных и вагонных заводов в России,
1909–1913 гг.**

	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Паровозов	514	495	416	363	535
Пассажирских вагонов	2684	1090	1652	1515	1488
Крытых товарных вагонов и цистерн	2074	6532	5622	10 130	19 042
Рельсов (млн пудов)	19,3	19,7	24,7	34,3	31,1 ¹
Прочих изделий (млн пудов)	13,6	19,3	19,6	18,0	19,0

Бросается в глаза мизерная цифра поступления паровозов и вагонов, а между тем производство их не представляло никаких технических трудностей. Русская промышленность располагала достаточно мощной базой для производства паровозов и вагонов, которая могла щедро обеспечить снабжение транспорта. Заводчики настойчиво добивались от казны увеличения заказов, но это не согласовалось с планами правительства, требовавшего от Министерства путей сообщения поднять доходность железных дорог, которая достигалась бы не только увеличением перевозок товаров и грузов, но главным образом путем экономии на приобретении подвижного состава. Результат этой политики был уже подытожен Гриневецким. «При производительной способности наших восьми паровозостроительных заводов до 1500 штук в год, — пишет он, — она была использована максимально на 85% в 1906 г., удовлетворительно за весь период 1900—1906 гг., а потом слабо, понижаясь в 1911 и 1912 гг. до 25–20%. Такая же неравномерность видна относительно выпуска пассажирских и товарных вагонов. Производительная способность наших 17–20 вагоностроительных заводов оценивалась ими самими перед войной — около 45 тыс. товарных единиц, но в лучшие годы использовалась на 65–75%, а в 1909–1911 гг. использование упало до 20–30%... Наблюдая общую картину русского паровозо- и вагоностроения, надо сказать, что вне эпохи широкой железнодорожной политики при графе Витте, в период 1895–1903 гг., Россия усиленно снабжала свою сеть подвижным составом лишь в связи с войнами»².

¹ Производство рельсов в России достигало в 1913 г. 39,9 млн пудов, но русские рельсы вывозились за границу: в 1907 г. было вывезено 5,9 млн пудов. В 1909 г. — 8,8 млн пудов. В последние годы, в связи с ростом внутреннего потребления, вывоз рельсов сократился.

² Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. — М., 1919. — С. 110.

Данные других авторов целиком подтверждают эти выводы, свидетельствуя также о неполном использовании производительной способности паровозостроительных заводов. За 1900—1906 гг. восемь заводов ежегодно выпускали от 1005 до 1266 паровозов. Начиная же с 1907 г. выпуск новых паровозов катастрофически падает, составив в 1907 г. 746 единиц, в 1908 г. — 653, в 1909 г. — 499, в 1910 г. — 580, в 1911 г. — 367, а в 1912 г. — всего 308. Всего за шесть лет железные дороги получили с русских заводов 3153 новых паровоза стоимостью в 136,2 млн руб.¹

В то время, когда железные дороги задыхались от недостатка паровозов, паровозостроительные заводы оставались без заказов, без работы. Русские заводы сделали попытку выступить поставщиками паровозов на иностранных рынках (Румыния, Балканы), и хотя они предложили самые низкие цены, Германия не допустила поставок русских паровозов в эти страны.

К 1912 г. производительность всех паровозостроительных заводов России упала до 25% от производительности 1906 г., а производительность Путиловского, Луганского, Сормовского и Невского заводов уменьшилась еще больше. Только один Брянский завод, находившийся в лучших условиях, сократил производство в два с небольшим раза². Чтобы поддержать производство заводов, их владельцы перешли на изготовление паровых котлов, сельскохозяйственных машин и т.п.

Положение вагоностроительных заводов, снабжавших железные дороги подвижным составом, после Русско-японской войны стало значительно тяжелее, чем в начале XX в.³ За 1907—1912 гг. железнодорожный транспорт получил следующее количество вагонов (табл. 3).

Таблица 3

**Количество вагонов, полученных железнодорожным транспортом
в России за 1902—1912 гг. (шт.)**

Вагонов	Заказано	Выполнено
Пассажирских	8988	8918
Товарных	57 707	52 934

Перед мировой войной значительно увеличился лишь парк пассажирских вагонов — с 21,7 тыс. до 30,3 тыс. шт., или на 40%. В отношении грузовых вагонов внимание было направлено на увеличение их грузоподъемности с 750 до 900 пудов. Но это мероприятие не могло сгладить

¹ Ильинский Д. П., Иваницкий В. П. Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности. — М., 1929. — С. 97.

² Там же. — С. 99.

³ Там же. — С. 100. За 1904—1906 гг. было израсходовано на приобретение подвижного состава 209,1 млн руб., а за 1907—1912 гг. вагоностроительные заводы поставили пассажирских и товарных вагонов на 145,6 млн руб.

остроту недостатка товарных вагонов, число которых очень незначительно увеличилось. За пятилетие 1909—1913 гг. вагонный парк увеличивался в среднем на 1,4% ежегодно, и притом такой мизерный прирост происходил главным образом за счет частных дорог, где годовой прирост равнялся 5%; на казенных же дорогах он достигал лишь 0,8%¹. С 1908 по 1913 г. количество товарных вагонов на всей сети дорог увеличилось с 432 тыс. до 485,6 тыс. шт., или на 12%². За все предвоенные годы значительно улучшилось пассажирское движение, а скорость товарного движения даже уменьшилась.

Между тем промышленность России располагала 16 мощными вагоностроительными заводами. Комиссия Шукина, обследовавшая в 1912 г. эти заводы, установила их ежегодную производительность в 30 тыс. вагонов, а в дальнейшем, при условии подготовки квалифицированных кадров, она могла быть доведена до 63 тыс. вагонов в год. Следовательно, в предвоенные годы железные дороги использовали менее одной трети нормальной производительности вагонных заводов³. Этот факт, как и недостаток паровозов, объясняется близорукой политикой правительства, поставившего во главу угла всей своей экономической политики обеспечение бюджетного равновесия любой ценой.

Русские железные дороги и в XIX в., при Витте, не отличались особым совершенством, но политика Рухлова в предвоенные годы углубила исторически складывавшиеся недостатки железных дорог, усилила разрыв между потребностями народного хозяйства и способностью железных дорог их удовлетворить.

Этот разрыв проистекал, по мнению многих специалистов, из ошибочного направления в финансовой политике железнодорожного хозяйства, «когда ему ставилась главнейше фискальная задача — максимальная доходность, а не органическая — содействие развитию производительных сил. Недостаточную экономичность хозяйства казенных железных дорог, охватывавших более двух третей всей сети, Министерство путей сообщения стремилось уравновесить скаредностью в затратах на поддержание, возобновление и усовершенствование оборудования сети. В частности, наиболее страдал подвижной состав»⁴.

Буржуазные экономисты, правильно констатируя факт, не понимали лишь одного: что эта политика Рухлова была не случайной, личной ошибкой министра, а печальной необходимостью, обусловленной общей экономической отсталостью страны и отсутствием средств у правительства для поддержания железнодорожного хозяйства. «Скаред-

¹ Народное хозяйство в 1913 г. — С. 518.

² Сведения получены на основе «всепопданнейших» отчетов министра путей сообщения за 1909—1913 гг.

³ *Ильинский Д. П., Иваницкий В. П.* Указ. соч. — С. 100—104.

⁴ *Гриневецкий И. В.* Указ. соч. — С. 110.

ность» в железнодорожном хозяйстве являлась лишь обратной стороной столыпинско-коковцовского «бездефицитного» бюджета. Поставив себе определенную задачу добиться бездефицитного бюджета, правительство Столыпина—Коковцова осуществляло ее за счет развития народного хозяйства, в частности за счет сковывания транспорта, а Государственная дума охотно помогала им в этом.

Министерство путей сообщения только за четыре года (1909—1912) не израсходовало из ассигнованных по сметам средств свыше 105 млн руб. Из «всеподданнейших» отчетов министра путей сообщения за 1909 и 1913 гг. видно, что годовая чистая прибыль только казенной сети поднялась за это время с 146,7 млн до 307,4 млн руб. в год, увеличившись за пятилетие более чем на 100%. Чистый доход от казенных железных дорог за шесть предвоенных лет достигал огромной суммы 1311,8 млн руб. Кроме того, следует учесть крупные платежи процентов по железнодорожным займам и погашение их. За пять предвоенных лет на эти цели из доходов казенных железных дорог было выплачено свыше 1,5 млн руб. Таким образом, казенные дороги являлись в предвоенные годы важнейшим источником пополнения государственного бюджета¹. Такое же положение наблюдалось и на частных железных дорогах, большинство которых выдавало акционерам огромные дивиденды. Так, в 1912 г. они выплатили 16,3%, а в 1913 г. — 17,5% на акционерный капитал. Чистая прибыль частных железных дорог увеличилась с 97 млн руб. в 1909 г. до 145,5 млн руб. в 1913 г. За все предвоенное пятилетие все железные дороги империи дали 1827,6 млн руб. чистой прибыли².

Нельзя сказать, чтобы Министерство путей сообщения не делало робких попыток добиться увеличения ассигнований на эксплуатационные расходы дорог. В 1907 г. оно составило план усиления пропускной и провозной способности дорог на пятилетие 1908—1912 гг., для выполнения которого требовалось отпустить 916,1 млн руб. Большая часть этих средств предназначалась для усиления подвижного состава (302,75 млн руб.), затем идут переоборудование станций (119,2 млн руб.), организация ремонтных заводов и мастерских (104,5 млн руб.), закупка новых рельсов (120 млн руб.) и усиление оборотных средств (22 млн руб.). Осуществление намеченных мероприятий серьезно улучшило бы техническое состояние железных дорог и усилило бы их пропускную способ-

¹ Журнал Министерства путей сообщения. — 1916. Кн. 8. — С. 110—113. В нем Петровым приведены все расчеты о финансовом положении и доходности железных дорог. По исчислению «Нового экономиста», доходность одной версты русских железных дорог повысилась с 4316 руб. в 1909 г. до 7669 руб. в 1913 г., или на 78% (Новый экономист. — 1916. — № 11).

² Данные о доходности взяты из «всеподданнейших» докладов министра путей сообщения и из итоговых цифр доходности «Народного хозяйства в 1913 г.» (С. 521).

ность. Но царское правительство оказалось не в состоянии реализовать эту программу. Все ведомства: военное, морское, Министерство земледелия — требовали новых больших ассигнований. А в это время самодержавие само изыскивало средства в Европе для покрытия финансовых последствий Русско-японской войны, и транспорту, естественно, отказали в таких больших расходах.

В 1910 г. Министерством путей сообщения был представлен новый план, предусматривавший расход 1085 млн руб. на ближайшее пятилетие. «Между тем взамен этого в течение десяти лет, с 1905 по 1915 г., в среднем ассигновывалось ежегодно около 75 млн руб. вместо намеченных планом 1907 г. 183 млн руб. в год, т.е. усиление дорог ежегодно отставало по крайней мере на 100 млн руб., и это при необычайном росте экономической жизни страны, который характеризовал последнее довоенное время»¹.

Факты, отмеченные Неопихановым, приводились министром путей сообщения Треповым в специальной докладной записке, поданной им в феврале 1916 г. в Совет министров², а затем в его речи в Государственной думе. Анализируя причины трудностей, возникших на железных дорогах, Трепов указывал, что беда произошла потому, что постройка железных дорог в России и до войны шла «очень медленным темпом», что развитие железных дорог «никогда не производилось в расчете на потребности войны» и постоянно отставало от нужд мирного времени. Министерство путей сообщения, как писал Трепов, постоянно ужималось в финансовых ассигнованиях и не получало необходимых средств. Он ссылается на то, что перед войной министерству отказали в ассигновании на ближайшее пятилетие сперва 916 млн, а потом 1085 млн руб. Поэтому, делал свой вывод Трепов, «наша железнодорожная сеть не только не имела до войны никакого запаса в своей пропускной и провозной способности, но ее перевозочные средства далеко не удовлетворяли и потребностям обычных перевозок мирного времени»³.

Какие бы личные цели ни преследовал Трепов в критике деятельности своего предшественника Рухлова, он в общем правильно констатировал факт большого значения: намеченную министерством программу значительного развития железных дорог правительство отказалось осуществить из-за финансовых трудностей. Казна не могла допустить «роскоши» развития железных дорог исходя из потребностей экономического развития страны или из военных соображений. Реальное финан-

¹ Неопиханов А. А. Проблемы планирования и регулирования железнодорожных перевозок. — С. 112—114. Тем недопустимее являлась практика неиспользования министерством отпущенных по бюджету средств.

² ЦВИА. Ф. 368. Д. 67. Доклад Трепова в Совете министров от 15 февраля 1916 г. — С. 8 и сл.

³ Там же.

совое положение правительства не позволяло ему осуществить вполне назревшие и технически целесообразные мероприятия¹.

Буржуазия напряженно следила за железнодорожной политикой правительства и предупреждала, что политика неразумной экономии неминуемо приведет к кризису. Предложения буржуазии были направлены к тому, чтобы усилить частное строительство и увеличить оборудование существующих путей, «дабы в годы наиболее благоприятные по количеству перевозки грузов не получился быстрый недостаток подвижного состава»².

Опасения буржуазии оправдались. В 1909 г., когда грузооборот еще не достиг своего максимума, на железных дорогах уже появились огромные залежи грузов, достигшие 81 тыс. вагонов. С тех пор и вплоть до войны «залежи» не переводились. В первой половине 1914 г. их количество снизилось до 39 тыс. вагонов³.

В связи с этим явлением Совет съездов представителей промышленности и торговли подал специальную докладную записку правительству, в которой предлагал для устранения в будущем затруднений проложить вторые пути и развернуть строительство новых линий. Усиление провозоспособности Юго-Восточных дорог, указывалось в записке, дало бы «свободный выход каменному углю в Московский и Приволжский промышленные районы, а хлебу — к потребительским пунктам». В записке критиковалась деятельность Министерства путей сообщения, которое «стоит не на высоте положения», так как средства железнодорожного передвижения отстают от общего хозяйственного роста страны. Совет съездов промышленности и торговли обращал внимание правительства «на громадные, могущие возникнуть затруднения в передвижении грузов, если немедленно не будут решены вопросы об усилении существующих дорог в юго-восточной части европейской России и о со-

¹ Накануне Февральской революции 1917 г. рухловская политика подверглась критике в докладе Совету министров «О путях сообщения и условиях перевозок в третий год войны» со стороны приемника Трепова по управлению министерством, знающего чиновника Войновского-Кригера, временно управляющего Министерством путей сообщения. В начале своего доклада он уделил особое внимание тяговому хозяйству, отмечая отсталость паровозного парка железных дорог. Он указывал, что тяга паровозного парка до войны не превышала «так называемого нормального паровоза, построенного еще в 1896 г.» (ЦВИА. Ф. 368. Д. 67). Доклад Войновского содержит интересные данные о том, какие меры были осуществлены правительством во время войны для усиления пропускной способности железных дорог.

² Железные дороги России: Доклад 5-му Съезду представителей промышленности и торговли. — С. 59.

³ На одной только Юго-Восточной дороге в октябре 1913 г. было 13 тыс. вагонов скопившихся грузов. К марту 1914 г. их удалось уменьшить до 9290 вагонов (Записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О затруднениях в перевозке грузов на сети Юго-Восточных железных дорог». ЦГИАЛ. Ф. Центр. военно-промышл. комитета. Папка № 2).

оружении в этом районе целого ряда новых линий для облегчения перевозок грузов»¹. Тревожные сигналы буржуазии не повели к переменам. До империалистической войны правительство продолжало старую политику без изменений.

Слабость связей железнодорожной сети с портами отмечает и генерал Ронжин. «Что касается нашей общеимперской железнодорожной сети, — пишет он, — то с точки зрения подготовки к войне надо признать не вполне удовлетворительной нашу рельсовую связь с внешними морскими портами и с Кавказским театром военных действий. Нельзя было не предвидеть, что в случае европейской войны мы на западе и на юге будем лишены связи с нашими союзниками и подвоза извне. Выходы из Балтийского и Черного морей преграждались очень легко. Оставалось сообщение через Архангельск и Владивосток»². Однако правительство ничего не сделало, чтобы обеспечить железнодорожные выходы к Архангельску и Владивостоку (Амурская железная дорога). Все эти сложные вопросы пришлось разрешать во время войны.

Мы остановились лишь на коренных недостатках железных дорог. Деятельность Министерства путей сообщения в очень небольшой мере была направлена к их устранению и к планомерной подготовке дорог для решения задач, которые выдвинет война.

Военное ведомство при генералах Куропаткине и Сухомлинове прекрасно отдавало себе отчет в слабости русской железнодорожной сети, в превосходстве в этой области будущего противника на западе, но сделало для подготовки дорог к войне очень немного.

Генеральный штаб не интересовало обслуживание железными дорогами всего хозяйства страны. Он прежде всего интересовался более узкой задачей — быстрым проведением мобилизации и выполнением обязательств, вытекающих из франко-русской военной конвенции о сосредоточении военных сил России против Германии и переходе в наступление через 15—18 дней после объявления мобилизации. С этой точки зрения военные специалисты и подходили к подготовке дорог к войне.

Однако и в этих узких рамках многое не было сделано. К. Ушаков, исследовавший в специальном труде подготовку русской железнодорожной сети к мировой войне, обоснованно делает вывод о «недостаточной подготовленности ее и в военном отношении. Построение русской сети для обороны границ было неудовлетворительное»³. Прежде всего бросалась в глаза крайняя неравномерность сети даже в пределах европейской России; густота ее понижалась к востоку от меридиана Мо-

¹ Записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О затруднениях в перевозке грузов на сети Юго-Восточных железных дорог». ЦГИАЛ. Ф. Центр. военно-промышл. комитета. Папка № 2.

² Ронжин С. А. Указ. соч. — С. 6.

³ Ушаков К. Указ. соч. — С. 15.

сква — Севастополь. Европейская сеть связывалась с Сибирью только двумя магистралями. Общее заключение Ушакова, с которым нельзя не согласиться, гласит: «Россия имела железнодорожную сеть, не удовлетворяющую ни военным, ни экономическим требованиям, не вполне удовлетворительную по начертанию, а главное, крайне пеструю по пропускной способности отдельных линий и к тому же бедно снабженную подвижным составом, вследствие чего даже небольшая фактическая пропускная способность не могла быть использованной. В несравненно большей степени все сказанное надо отнести к частной железнодорожной сети, отличавшейся наибольшей технической отсталостью, и потому еще менее (чем казенная сеть. — А. С.) удовлетворявшей потребности страны в военном отношении»¹.

Генеральный штаб видел, что Россия отстает от западных государств по густоте сети. По всей линии нашей западной границы было 13 линий дорог с 18 колеями, а Германия, Австрия и Румыния имели 32 железнодорожные линии с 36 колеями; по количеству подвижного состава и паровозов русские дороги значительно отставали от дорог европейских стран.

Мобилизация русских железных дорог была возможна лишь в течение 5–9 дней. Для этого требовалось передать западным дорогам 1192 паровоза, 1546 классных вагонов и свыше 54 тыс. товарных вагонов. Все эти данные были учтены ген. Алексеевым в его докладной записке об инженерной подготовке будущего театра военных действий². Русские дороги могли подвести к западным границам 211 поездов в сутки, а дороги противника — 530 пар поездов.

Учитывая указанные выше преимущества врага, военное министерство и союзники России — французы всячески стремились усилить наши западные дороги с целью ускорить сбор войск по мобилизации. В эту сторону и были направлены главные устремления военного ведомства. Кроме того, Генеральный штаб наметил соответствующее изменение в развертывании русских войск. Интересны выводы из вышеупомянутой записки ген. Алексеева, в которых стратегические задачи русской армии неразрывно связаны с оценкой состояния русских дорог. «Сравнительная малочисленность числа колеи, — писал Алексеев, — подходящих к западной границе, и присущие нашей железнодорожной сети недостатки указывают на трудность успешного сосредоточения наших сил к исходным районам и почти исключают, в особенности при современных политических союзах, возможность рассчитывать на сборы

¹ Ушаков К. Указ. соч. — С. 15.

² ЦВИА. Ф. 2000. Оп. II. Д. 1381. Лл. 80—125. Записка ген. Алексеева «Об инженерной подготовке будущего театра военных действий», 1908 г. Содержание записки вошло в основной доклад Сухомлинова от декабря 1909 г. «О мероприятиях по обороне государства». В этом докладе, представленном года на полтора позже записки Алексеева, приводятся несколько иные цифры, уточняющие обстановку.

наших войск к границе с переходом затем в наступление. При современной войне мы опаздываем в деле сосредоточения дивизий на двадцать сравнительно с нашими врагами. Состояние наших железных дорог при существующей у нас дислокации внушает серьезные опасения, что войска в пограничной полосе могут быть вслед за объявлением мобилизации атакованы превосходными силами противника без возможностей быть действительно поддержанными войсками внутренних округов... Наши противники будут в состоянии наносить нам удары всеми своими силами в течение трех примерно недель, когда наши армии будут находиться еще в периоде неоконченного сосредоточения»¹.

Из этой оценки фактов Алексеев делал двоякий вывод: с одной стороны, об оттягивании сосредоточения русских войск за Вислу на восток, а с другой — он намечал ряд мер по линии усиления строительства железных дорог. Главное значение он придавал окончанию Амурской железной дороги, усилению западного театра войны путем строительства новых линий и увеличения прокладки вторых и третьих путей на старых линиях. Большое значение он уделял и железнодорожной связи России с окраинами — с Кавказом и Средней Азией. Поэтому совершенно неправ Васильев в своем утверждении, что «требования Генерального штаба на постройку стратегических линий начиная с 1908 г. почти прекратились»².

В записке Алексеева и еще более ярко в совещаниях генеральных штабов России и Франции были намечены стратегические линии, строительство которых было признано первоочередным³.

На факт военно-технической и железнодорожной отсталости России указывает в своих «Воспоминаниях» бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Отметив постоянную боевую готовность Германии, он писал: «Даже Австро-Венгрия, близкая уже много лет к государственному банкротству, стояла выше России с точки зрения своего вооружения и довела до большого развития сеть своих стратегических железных дорог. С этой последней точки зрения наша отсталость была особенно поразительна. Для исправления недостатков наших железнодорожных сообщений были необходимы огромные суммы, которые мы могли получить только из-за границы и в которых наши союзники нам не отказывали, но прежде всего для этого нам был необходим прочный и продолжительный мир»⁴.

Усиление военно-стратегической готовности царской России к войне путем строительства железных дорог достигалось только ценой усиле-

¹ ЦВИА. Ф. 2000. Оп. П. Д. 1381. Лл. 80—125. Недостаточно точно учтенные резервы позволили целому ряду дорог легко и namного превысить мобилизационное расписание.

² Васильев Н. Указ. соч. — С. 30.

³ Франко-русские отношения. 1910—1911 гг. — С. 697—718. Протоколы совещания начальников генеральных штабов русской и французской армий.

⁴ Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж, 1927. — С. 36.

ния финансовой кабалы и зависимости России от французского империализма.

В числе утвержденных в 1910 г. военных мероприятий, направленных на усиление русской армии, предусматривалось значительное строительство стратегических железных дорог, на которое только по линии военного министерства ассигновывалось свыше 100 млн руб. Французы со времени образования франко-русского союза близко интересовались строительством стратегических дорог. Еще в 1901 г. Делькассе сделал заявление о готовности помогать русскому правительству получить необходимые средства для таких улучшений в русских железных дорогах, «которые будут признаны русским Генеральным штабом необходимыми» для осуществления русской армией наступления против Германии на 18-й день мобилизации.

Генерал Ю. Данилов, игравший накануне мировой войны важную роль в русском Генштабе, подтверждает, что все начальники французского генштаба, встречавшиеся с русскими представителями, предъявляли к России «неизменное требование, которое сводилось к принятию нами наступательного образа действий против Германии, притом осуществляемого возможно большими силами и — главное — в кратчайший срок»¹. Поэтому во всех протоколах совещания представителей генштабов видное место занимает вопрос о строительстве стратегических железных дорог в России.

В выборе направления для строительства железных дорог французы были весьма настойчивы. Генерал Ронжин также отмечает большую заинтересованность французов и их настойчивость в вопросе усиления железных дорог на западе России. «Указанная тенденция железнодорожного строительства в направлении западной границы усиливалась еще и настойчивыми пожеланиями нашего главного союзника, для которого ускорение нашего сосредоточения могло иметь, и весьма вероятно фактически имело, решающее значение»². «Пожелания» французов находили отражение как в мобилизационных планах военного министерства, так и в плане железнодорожного строительства. Эта зависимость царского правительства от своего союзника показана не только в трудах и мемуарах военных специалистов, но и в воспоминаниях бывшего председателя Совета министров графа Коковцова, который рассказывает, как во время совещания начальников генштабов в июле 1912 г. французский генерал Жоффр явился к нему на квартиру с разработанной схемой строительства новых железных дорог в России³.

¹ Данилов Ю. Н. Наше стратегическое развертывание в 1914 году и идеи, положенные в основу его // Военный сборник. — № 4. — Белград, 1923. — С. 70.

² Ронжин С. А. Указ. соч. — С. 4.

³ Граф В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Т. II. — Париж, 1933. — С. 178—183.

Явившись к Коковцову с большой свитой, Жоффр обратился к нему со словами: «Я приехал к вам, господин председатель, с просьбой оказать нам вашу помощь в деле развития русской железнодорожной сети (французский генерал обращается к главе русского правительства с просьбой оказать французам помощь в вопросе строительства железных дорог в России — вот характер отношения царского правительства со своими союзниками и хозяевами! — А.С.), так как от этого зависит теперь вся подготовка наших общих военных сил». Коковцов ответил Жоффру, что «все дело нашего железнодорожного строительства зависит исключительно от возможности скорой реализации капиталов для этой цели»¹. Капиталы эти русское правительство, разумеется, искало у французских капиталистов.

Во время этой беседы выяснилась прекрасная осведомленность французов во всех деталях железнодорожного строительства в России. Жоффр отказался от предложения Коковцова снабдить его письменной справкой и картой, «на которой все дороги будут отмечены и которая может быть вообще полезна французскому генеральному штабу», так как все эти сведения имелись во французском штабе². Таковы были отношения между союзниками в специальном вопросе железнодорожной политики. Русская сеть готовилась на случай войны под диктовку французского генштаба и должна была отвечать его интересам.

В 1910 г. было введено новое мобилизационное расписание в России, которое с небольшими изменениями и было проведено в жизнь во время войны 1914 г.³ По этому плану мобилизационные перевозки в начале войны достигали 4591 эшелона, из них около 60% направлялись западнее линии Москва — Харьков — Петербург. План мобилизации был так составлен, что оставлял неиспользованной значительную часть провозоспособности железных дорог. Происходило это главным образом из-за недостатка подвижного состава. Недостаток паровозов, по окончательным подсчетам, достигал 2 тыс. штук. Поэтому выполнение плана мобилизационной готовности дорог требовало строительства новых стратегических дорог и усиления подвижного состава — вагонов и паровозов на всех дорогах империи. Мобилизационная подготовка дорог вскрыла крупное несоответствие пропускной способности железных дорог к западу и востоку от меридиана Москвы. Из-за этого с конца второй недели мобилизации приграничные дороги не могли работать на полную мощность ввиду недостаточного подвоза с востока и центра России. Для ликвидации этого недостатка требовалось

¹ Граф В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Т. II. — Париж, 1933. — С. 178.

² Там же. — С. 179. «Мои офицеры постоянно следят за всеми переменами в русской рельсовой сети», — ответил Жоффр Коковцову.

³ Васильев Н. Указ. соч. — С. 39.

значительное увеличение числа паровозов и строительство новых железных дорог протяжением свыше 6 тыс. км¹.

За год до начала мировой войны ген. Сухомлинов в письме от 24 апреля 1913 г. к министру финансов и председателю Совета министров Коковцову указал на основные недостатки русских железных дорог². Эти недостатки были очень существенны и тормозили быстрое проведение мобилизации русской армии. Переброска русских войск в намеченные места сосредоточения могла быть осуществлена только к 28-му дню мобилизации. «Причина столь медленного хода перевозок по сосредоточению, — писал Сухомлинов, — кроется главным образом в недостаточной пропускной и провозной способности нашей железнодорожной сети». Вследствие этого «62% эшелонов частей войск, отобработанных и вполне готовых к перевозке, приходится задерживать в пунктах их квартирования на несколько дней, пока линии, по которым они должны следовать, не освободятся от перевозки ранее принятых частей; 2) ...магистральные линии в западной пограничной полосе не могут с конца недели мобилизации работать полным графиком, так как к ним нельзя подвезти своевременно и в нужном числе эшелоны дорог центральной и восточной частей европейской России. Требуется усилить 6244 км железнодорожных линий западной полосы, из коих на протяжении 4200 км уложить вторую колею и добавить 4225 паровозов. Кроме того, желаемого усиления можно достигнуть лишь с постройкой двух новых линий, одной на Северо-Западном фронте, а другой на Юго-Западном фронте».

К концу 1913-го и началу 1914 г. военное ведомство разработало конкретный план мероприятий, направленных к развитию и усилению железнодорожной сети в стратегических целях³. Этим планом предусматривалось увеличение паровозного парка на 2 тыс. паровозов при одновременном увеличении числа паровозов в течение пяти лет на 3 тыс. штук для коммерческого движения. Военное ведомство требовало оборудования подвижного состава автоматическими тормозами. Предусматривались постройка 4790 верст новых железных дорог, укладка второй колеи протяжением 2879 верст, усиление пропускной способности ряда важнейших участков железных дорог до возможного предела⁴ на протяжении 5549 верст, перешивка ряда узкоколейных дорог на широкую колею и мероприятия по усилению пропускной способности дорог Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока.

Приведенный нами перечень мероприятий, осуществление которых было необходимо в целях повышения боевой готовности русской армии, далеко выходит за рамки интересов чисто военного ведомства.

¹ Васильев Н. Указ. соч. — С. 35–37.

² Ушаков К. Указ. соч. — С. 55–56.

³ Там же. — С. 187–193. Приложения 7 и 8.

⁴ На ряде участков — до 16 пар поездов, на других — до 35 пар воинских поездов.

Осуществление только этих мероприятий требовало общегосударственного вмешательства, огромных денежных средств и строжайшего контроля. Чтобы осуществить намеченные мероприятия, правительство обратилось за деньгами к французам. Французское правительство согласилось гарантировать России в ближайшие пять лет ежегодное получение на парижском денежном рынке от 400 до 500 млн франков на нужды, связанные с программой железнодорожного строительства. Таким образом, в течение пяти лет на строительство стратегических железных дорог должно было быть вложено 750—900 млн руб. только французских капиталов. Однако этот заем французское правительство согласилось обеспечить при непреложном выполнении царским правительством двух следующих условий:

«1) постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генеральным штабом на западной границе, будет немедленно предпринята;

2) наличный состав русских армий в мирное время будет значительно увеличен»¹.

Принятие этих условий — а царское правительство согласилось на них — означало дальнейшее подчинение царизма интересам более сильного французского империализма. Русская армия и русская стратегия лишались свободы действий и должны были стать послушным орудием французской политики. Такой ценой расплачивалось царское правительство за попытку разрешить важную, но все-таки частную проблему — усилить мобилизационную готовность железных дорог.

Подведем некоторые итоги.

Общее экономическое развитие России и финансовая политика царского правительства определяли отсталость русской железнодорожной сети, которая не справлялась с обслуживанием экономических нужд народного хозяйства страны. Одновременно железные дороги не вполне были подготовлены и к решению военных задач, вытекавших из военного соглашения России с Францией.

Ответственность за это несет царское правительство, превратившее железные дороги в источник получения доходов, и частные железнодорожные магнаты, заинтересованные только в личном обогащении. Вопрос о широкой программе железнодорожного строительства цар-

¹ Франко-русские отношения в 1910—1914 гг. — С. 586—587. Нота посольства Французской Республики министру иностранных дел С. Д. Сазонову от 11/24 августа 1913 г. В протоколах совещаний начальников генштабов России и Франции в 1912 и 1913 гг. (см.: Там же. — С. 704—718) вопрос о железнодорожных линиях, на постройке которых настаивал французский генштаб, получил полное отражение. В целях быстроты концентрации войск французы потребовали провести новые пути, соединяющие восточную Россию с районами Варшавы, а также значительно увеличить подвижной состав — вагоны и локомотивы на русских дорогах. Что касается второго требования французов, то речь идет о мероприятиях, предусмотренных большой военной программой.

ским правительством не был поставлен, да он и не мог быть им реализован вследствие отсутствия капиталов.

Железнодорожный транспорт перед войной находился в кризисном состоянии. Он не справлялся с ростом перевозок. Слабость в работе транспорта проявлялась в систематических заездах грузов. Нужны были широкое новое строительство, укладка вторых путей, усиление узловых станций, значительное увеличение подвижного состава. В первую очередь надо было усилить дороги Донецкого бассейна и те магистрали, по которым двигалось колоссальное количество грузов к центру России. В этом отношении ничего не было сделано. Перед войной уже начали сказываться результаты «расчетливой» политики Рухлова. «Полностью же плоды политики правительство пожало во время войны, которая застала русскую железнодорожную сеть без военного запаса провозной и пропускной способности, так как перевозочные средства далеко не удовлетворяли и потребности обычных перевозок мирного времени»¹. Железные дороги испытывали острую нужду в паровозах и товарных вагонах. Между тем производительная мощность существующих предприятий не использовалась. Железные дороги вступили в войну с крайним недостатком подвижного состава.

Ни правительство, ни военное министерство ничего не сделали для подготовки железных дорог на случай войны. Программа военного министерства сводилась лишь к проведению мобилизации и в этой связи к усилению стратегических дорог на западной границе. Совершенно не было предусмотрено новое направление грузопотоков на случай европейской войны, хотя готовились именно к ней. Не были согласованы работа и оборудование портов с работой железных дорог. Не был изучен вопрос о формах экономической связи с союзниками и о методах перевозки поступаемых от них грузов.

Не только министерство путей сообщения, но и все правительство в целом не понимало значения железных дорог как одного из основных элементов экономической и боевой готовности государства к большой европейской войне. Планирование железных дорог в целях войны не шло дальше самой начальной стадии войны — мобилизации. Такая преступная близорукость политики царского правительства является следствием экономической, финансовой и военной отсталости страны, нежелания и неумения извлечь соответствующие выводы из уроков Русско-японской войны.

Таким образом, военные затруднения в работе железнодорожного транспорта в значительной мере были подготовлены всей предшествующей политикой правительства, не оценившего той роли, которую транспорт должен сыграть как в ходе военно-стратегических операций, так и в организации всей работы тыла.

¹ Неопиханов А. А. Указ. соч. — С. 114.

2. Мобилизация железнодорожного транспорта и его перестройка в связи с войной

По официальным данным, война произвела следующие коренные изменения в работе железных дорог. В ведение военных властей перешло 22 тыс. верст железных дорог, что составляет 33% всей сети. К 1 января 1915 г. линия железных дорог фронта увеличилась до 24,6 тыс. верст¹. На дорогах фронта находилось 166 тыс. вагонов (33% всего количества) вместо 119 тыс. вагонов до войны и 7 тыс. паровозов (35%) вместо 5700 до войны². Таким образом, не только сократилась сеть дорог тыла, но и значительно уменьшилось количество вагонов и паровозов.

Тыловые дороги должны были не только обслуживать нужды хозяйства, но и выполнять огромные перевозки для фронта. Достаточно сказать, что перевозка интендантских грузов для армии в первый год войны занимала не менее 110 тыс. вагонов³. В первом полугодии 1915 г. военные перевозки занимали на тыловых дорогах 145 тыс. вагонов, что составляет свыше 40% всего товарного парка. Для нужд коммерческих перевозок железнодорожная сеть располагала в 1915 г. вдвое меньшим вагонным парком, чем до войны, — 153 тыс. вагонов вместо 308 тыс.⁴ Все это должно было породить ряд трудностей в работе дорог тыла.

Первой проверкой железнодорожного транспорта во время войны явилась мобилизация, потребовавшая огромного напряжения в работе дорог и почти полного прекращения перевозок коммерческих грузов и частного пассажирского движения. По отзыву военных специалистов и по официальным материалам⁵, мобилизация в России прошла хорошо, же-

¹ Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну. Ч. II. 1916. — С. 7. Данные, приведенные в очерке, совпадают с данными, приведенными в «Отчете о деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке, за сентябрь 1915 г. — сентябрь 1916 г.» (С. 12). К 1 января 1915 г. русская армия занимала 4 тыс. верст австрийских дорог и 100 верст немецких. С другой стороны, немцы заняли около 1500 верст железных дорог в Польше.

² После проведения мобилизации на военные дороги дважды посылались подкрепление, всего в количестве 21 тыс. вагонов и 725 паровозов.

³ Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке. — С. 20.

⁴ Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну. Ч. II. — С. 20–21; Отчет о деятельности особого совещания по перевозкам. — С. 34.

⁵ В первом же «всеподданнейшем» докладе министра путей сообщения царю о работе железных дорог за первый месяц войны было отмечено, что «перевозка частных грузов была почти совершенно прекращена, пассажирское движение доведено до минимальных, предусмотренных воинским графиком, размеров». Зато перевозка военных поездов, доставка материалов и фуража «выполнялись дорогами своевременно, без значительных затруднений и отступлений от плана». Товарные перевозки стали постепенно восстанавливаться на дорогах восточного района. К середине августа 1914 г. погрузка достигла 70% по сравнению с августом 1913 г., а на казенных дорогах — даже 75%. На дорогах фронта частные перевозки в конце августа составляли 35%, или около 1/3 сравнительно с августом прошлого года. Главная заслуга в проведении мобилизации принадлежит железнодорож-

лезные дороги работали четко, перевозка войск и грузов совершалась по графику. Восемь железных дорог значительно перевыполнили мобилизационное задание, на других дорогах перевозочная способность была далеко не использована.

Во время мобилизации большая часть паровозного и товарного парка была использована для перевозки войск. К 1 сентября 1914 г. для военных перевозок было занято 50% вагонов I и II классов и до 15% вагонов III и IV классов. Так как для сбора порожняка требовалось время, то большинство железных дорог достигло максимальной провозоспособности не в первые дни мобилизации, а спустя некоторое время — через 8–12 дней. На восьмой день мобилизации 21 железная дорога достигла максимальных перевозок, на 12-й день — 32 дороги¹. Следовательно, для полной мобилизации железных дорог требовалось больше недели. По свидетельству генерала Ронжина, все мобилизационные перевозки по сосредоточению войск были выполнены «с полным успехом». Только в это время, собственно в процессе подготовки войны, железные дороги перевезли свыше 3500 воинских эшелонов².

5 сентября 1914 г. министр путей сообщения докладывал царю, что благодаря самоотверженному отношению к делу железнодорожных рабочих и служащих перевозка эшелонов на фронт происходит «со всей необходимой быстротой и точностью». Некоторые трудности создались на Сибирской железной дороге, где пришлось увеличить движение с намеченных восьми пар воинских поездов до 13. Но и с этой чрезвычайно ответственной задачей дорога справилась. В сентябре на Сибирской дороге установилось регулярное движение 16 пар поездов. Коммерческая погрузка грузов на дорогах восточных районов составляла 75–80% сравнительно с 1913 г.

Однако, несмотря на успокоительный характер министерских докладов царю, изображавших положение дел в розовом свете, нельзя было скрыть резкого сокращения перевозок коммерческих грузов, что не могло не отозваться на всей хозяйственной жизни страны. В августе 1914 г. 214,2 тыс. вагонов, почти половина вагонного парка (47,7%), были выделены для воинских перевозок, но с каждым месяцем это количество уменьшалось, пока в декабре не снизилось до 105 тыс. вагонов, или 23,1% всего количества товарных вагонов³. Соответственно увеличивались

ным рабочим и служащим. Но их усилия ничем не были отмечены. Зато работники военного министерства, генералы Лукомский и Добровольский были произведены в следующий чин (ЦГИАЛ. Ф. 270. Оп. 10. Д. 2583. Лл. 4, 9. «Всепоподаннейший» доклад министра путей сообщения, копия. Далее мы довольно часто пользуемся этим источником, который до сих пор оставался совершенно не использованным в нашей научной литературе).

¹ *Васильев Н.* Указ. соч. — С. 68.

² *Ронжин С. А.* Указ. соч. — С. 17.

³ *Васильев Н.* Указ. соч. — С. 67.

коммерческие перевозки. В августе 1914 г. на каждую тысячу вагонов приходилось лишь 557 вагонов на все коммерческие перевозки в тылу; в октябре это количество повысилось до 775, а в декабре опять снизилось до 673 вагонов.

Сравнивая работу дорог тыла за второе полугодие 1914 г. с первым полугодием, получаем данные, свидетельствующие о снижении погрузки вагонов до 69–70%. Такое снижение тем более разительно, что работа транспорта не совпадает по полугодиям, так как реализация урожая и образование запасов топлива на зиму вызывают сезонные перевозки.

Несмотря на прекрасный урожай, страна по вине железных дорог переживала продовольственный кризис в первом же году войны. В отчете о деятельности Особого совещания по перевозке¹ это положение объяснялось тем, что из основных продовольственных районов хлеба нельзя было доставить, так как железные дороги были заняты воинскими перевозками; Сибирь, север и юг были как бы отрезаны от потребляющих центров европейской России. Другие данные также указывают на значительное свертывание коммерческого оборота в связи с объявлением войны и медленное восстановление его лишь к концу года, причем общий уровень его оставался на 1/3 ниже довоенного. В общем, за второе полугодие 1914 г. железные дороги перевезли на 2 млрд пудов меньше сравнительно со вторым полугодием 1913 г.²

Об общем снижении перевозок дают представление перевозки двух наиболее массовых грузов — хлеба и угля. Погрузка хлеба за второе полугодие 1914 г. по сравнению с теми же месяцами 1913 г. сократилась с 712 тыс. до 353 тыс. вагонов³. Вывоз топлива из Донбасса за время с 1 июля 1914 г. по 1 апреля 1915 г. снизился сравнительно с теми же месяцами предыдущего года на 27%⁴. За эти девять месяцев фактический недогруз угля против нарядов Харьковского комитета по перевозкам достиг 325 тыс. вагонов, или более 35 тыс. вагонов в месяц.

Следует к тому же иметь в виду, что такой большой недогруз относится к плану, значительно сокращенному против заявок⁵.

Работа А. Арцимовича⁶ особенно убедительно показывает глубокие изменения, происшедшие с перевозками в связи с войной. Сравнивая все перевозки коммерческих и воинских грузов второй половины 1914 г. со средними цифрами перевозок за то же полугодие 1911–1913 гг., он приходит к выводу о сокращении их на 11,5%. По отдельным кате-

¹ Отчет о деятельности Особого совещания по перевозке. — С. 33–36.

² О работе железнодорожной сети в условиях настоящей войны. 1916. — С. 8.

³ Васильев Н. Указ. соч. — С. 69.

⁴ Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. II. — С. 248.

⁵ Там же. — С. 250–251.

⁶ Арцимович А. Состояние железнодорожного транспорта во время войны // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. — С. 103–119.

гориям грузов это снижение еще более значительное: по керосину и нефтепродуктам — на 20%, по хозяйственным грузам — на 33,9%¹. Автор указывает и причины общего сокращения грузовых перевозок: колоссальный рост людских перевозок, отвлекший массу товарных вагонов, и ухудшение использования транспорта в связи с войной.

Если из общего грузооборота исключить воинские перевозки, то отправка грузов за указанные месяцы снизилась в среднем по сравнению с предшествующим трехлетием на 16,1%. Больше всего уменьшились погрузки леса (на 44%), керосина и нефтяных продуктов (на 22,4%), рогатого скота (на 21%), а все «остальные грузы» дали сокращение на 9%.

Такое резкое сокращение перевозок имело огромное значение для промышленной и торговой жизни страны, послужив толчком к росту дороговизны и развитию спекуляции. Сокращение коммерческих перевозок являлось совершенно неизбежным следствием уменьшения количества вагонов, оставшихся в распоряжении службы движения. Около 1/3 всех вагонов (32,1%) были выделены для воинских перевозок, причем в августе 1914 г. под воинские перевозки была выделена почти половина вагонов².

Война создала чрезвычайно неблагоприятные условия для работы транспорта. Она разорвала единую сеть железных дорог с одним регулирующим центром на две части: на дороги тыла и на дороги фронта с различными управлениями.

Для регулирования движения и согласования интересов частных отправителей с интересами военного ведомства 29 июля 1914 г. был создан Особый распорядительный комитет, который работал под руководством начальника управления железных дорог с участием представителей военного ведомства. Но этот орган не справился с регулированием движения. Железные дороги фронта в организационном отношении не представляли единого целого: они были разделены между отдельными фронтами, и их управление оказывалось подчиненным главным начальникам снабжений. Военные дороги оказались независимыми от Министерства путей сообщения, которое, однако, должно было заботиться о снабжении дорог фронта подвижным составом и всем необходимым оборудованием³.

¹ Арцимович А. Состояние железнодорожного транспорта во время войны // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. — С. 103—105.

² Там же. — С. 118. На фронтовые дороги было дополнительно откомандировано (кроме бывших до мобилизации) 800 паровозов, 20 тыс. вагонов и 20 тыс. теплушек («Всепопданнейший доклад министра путей сообщения» от 4 сентября 1914 г. // ЦГИАЛ. Ф. 270. Оп. 10. Д. 2583. Лл. 9—10).

³ На основе «Положения о Полевом управлении войск» в ставке находился начальник военных сообщений при верховном главнокомандующем с очень ограниченным штатом технических работников: два штаб-офицера Генерального штаба и два инженера VI класса Министерства путей сообщения, специалисты по движению и по тяге. В таком положении дело оставалось до весны 1915 г., когда произошла централизация управле-

Военные действия происходили в районе с наиболее густой железнодорожной сетью. Несмотря на это, ее состояние «совершенно не соответствовало ожидаемой работе по обслуживанию армий. Железные дороги были недостаточно развиты и оборудованы, их направление и устройство не отвечало новым грузовым потокам, вызванным войной»¹.

Если расчленить второе полугодие 1914 г. на отдельные периоды, то в летние и первые осенние месяцы железные дороги неплохо справлялись с важнейшими перевозками. Так, во второй половине октября было погружено 299 тыс. вагонов, или на 23 тыс. вагонов больше, чем в первую половину месяца. По данным доклада министра путей сообщения царю, вывоз угля из Донбасса в октябре 1914 г. также увеличился и превзошел вывоз в октябре 1913 г.² Однако начиная с ноября и особенно в декабре 1914 г., происходит резкое ухудшение работы дорог и грузов перевозится меньше, чем в 1913 г. Тогда же происходит резкое сокращение перевозок основных грузов, играющих решающую роль в работе промышленности. За полтора месяца (ноябрь — первая половина декабря) было погружено только 76% от уровня 1913 г. Недогруз достиг почти четверти всех перевозок. Особенно резко сократился вывоз угля: со 180 млн пудов в соответствующий период 1913 г. до 148 млн пудов в 1914 г.³

Чтобы удовлетворить потребности страны в топливе, вывоз донецкого угля необходимо было увеличить примерно на 75% сравнительно с довоенным временем и довести его до 2,1 млрд пудов в год вместо запроектированной правительством максимальной нормы 1,5 млрд пудов. Но и намеченное количество регулярно не вывозилось по причине недостатка вагонов. Следует учесть, что в связи с удлинением расстояний, на которые перебрасывалось донецкое топливо, для его перевозки требовалось на 35–40 тыс. вагонов больше, чем до войны.

Еще более ухудшилось дело в январе-феврале 1915 г. Дороги оказались совершенно не в силах справиться с наступившими снежными заносами, которые задержали движение на несколько дней⁴.

ния военными железными дорогами: была установлена должность главного начальника военных сообщений, которому подчинялись все работники Министерства путей сообщения в пределах фронта. Права начальников военных сообщений фронтов были сокращены, а главные начальники сообщений фронтов потеряли право распоряжаться железнодорожным транспортом.

¹ Пути сообщения на театре войны. 1914—1918. Ч. 1. — М., 1919. — С. 10—11.

² Такое сравнение, которым шеголял министр путей сообщения, не совсем правильно, так как в связи с войной спрос на донецкий уголь возрос в огромной степени. Поэтому уровень 1913 г., с которым все время происходит сравнение, является совершенно недостаточным. Чтобы удовлетворить потребителей, следовало вывозить намного больше угля.

³ ЦИАЛ. Ф. 270. Оп. 10. Д. 2583. Л. 27. Доклад министра путей сообщения царю.

⁴ Там же. Доклад Рухлова царю от 12 февраля 1915 г. Лл. 33—37.

Тяжелые климатические условия совпали с массовым отвлечением порожняка на дороги фронта. К этому времени значительно увеличались интендантские грузы для армии, которые стали занимать вместо 800–900 вагонов до 2 тыс. вагонов в день, причем фураж приходилось вывозить из Сибири. Вследствие этого погрузка во второй половине января 1915 г. упала до 70% от прошлого года, а угля было вывезено вместо 62 млн пудов всего около 50 млн пудов¹.

Железные дороги стали переживать кризис, который особенно обострился в феврале 1915 г. Министр путей сообщения признает условия работы железных дорог в этот период «особенно тяжелыми»². Впервые прозвучала ссылка на испытываемый дорогами недостаток перевозочных средств и повторено указание на метели, затруднявшие движение. В феврале же на фронт было отвлечено на 7 тыс. вагонов больше обычного. Погрузка коммерческих грузов во второй половине февраля 1915 г. упала по сравнению с соответствующим периодом 1914 г. до 64% против 66% за первую половину февраля, а вывоз минерального топлива упал до рекордно низкой цифры — 42 млн пудов.

Последствия плохой работы дорог отразились на работе всей промышленности. Перед правительством остро встал вопрос о катастрофическом недостатке топлива. Во «всеподданнейшем» докладе в конце апреля, давая обзор работы железных дорог за первые 3,5 месяца 1915 г., Рухлов пытался поставить объем перевозок в тылу в исключительную зависимость от величины отлива вагонов на театр военных действий. Разница между наибольшей и наименьшей задолженностью дорог фронта достигала действительно солидной цифры в 28 тыс. вагонов (10 тыс. и 38 тыс. вагонов), а количество вагонов на дорогах тыла колебалось от 307 тыс. в январе 1915 г. до 317 тыс. вагонов в первой половине апреля (в феврале оно сократилось до 293 тыс. вагонов)³.

Рухлов приводит данные о распределении вагонов между различными группами отправителей. Под военные перевозки было занято 30 тыс. вагонов, под интендантские грузы — 76 тыс., под вывозку грузов из Владивостока — 24 тыс., под вывозку минерального топлива и горнозаводских грузов из Донецкого бассейна — 98 тыс. вагонов. Если к ним прибавить еще 12 тыс. больных вагонов, то для всех остальных грузов оставалось⁴ следующее (табл. 4).

¹ ЦГИАЛ. Ф. 270. Оп. 10. Д. 2583. Л. 27. Доклад Рухлова царю от 12 февраля 1915 г. Лл. 33–37.

² Там же. Доклад Рухлова царю от 12 марта 1915 г. Л. 39.

³ Там же. Доклад Рухлова царю от 23 апреля 1915 г. Лл. 42–43.

⁴ Там же. Л. 43.

Таблица 4

Количество вагонов в России, 1915 г.

В 1-й половине января	67 тыс. вагонов, или	9900 вагонов в сутки
Во 2-й половине января	61	8600
В феврале	53	8400
В 1-й половине марта	49	6700
Во 2-й половине марта	68	9300
В 1-й половине апреля	77	11 500

Несмотря на наметившееся улучшение в работе железных дорог, Рухлов приходил к грустному заключению относительно перспектив вывоза донецкого топлива и определял максимальную цифру вывоза в 120 млн пудов в месяц, в то время как одни только потребности железных дорог, флота и заводов, работавших на оборону, определялись в 95 млн пудов. При условии полного выполнения плана перевозок все остальные потребители топлива могли получить не более 25 млн пудов угля, или всего только около 20% намеченной нормы вывозки. Повысить норму вывозки угля было невозможно, так как и без того уголь занимал около 30% наличного вагонного парка; дальнейшее отвлечение вагонов под уголь должно было повлечь сокращение других перевозок.

Только во второй половине апреля наметилось значительное улучшение перевозок. Общая погрузка увеличилась по сравнению с февралем на 25%. Вывоз горнозаводских грузов и угля достиг плановых норм. Министр констатировал, что «погрузка как всех горнозаводских грузов, так, в частности, и минерального топлива в апреле месяце была выше, чем за все предыдущие месяцы полугодия ноябрь 1914 года — апрель 1915 года»¹. Некоторое улучшение работы дорог было налицо. Вопрос заключался, во-первых, лишь в том, долго ли оно будет продолжаться, и, во-вторых, может ли данный уровень работы дорог обеспечить нужды военного хозяйства страны и возросшие потребности армии в связи с развитием активных операций.

В половине мая 1915 г. работа дорог держалась на уровне апреля, но это все-таки составляло лишь 78% от погрузки 1914 г. Таким образом, в лето 1915 г. железнодорожный транспорт вступал со значительным снижением перевозок. Попыталось ли Министерство путей сообщения разобраться в обстановке, дать правильное объяснение причин плохой работы дорог и наметить действенные методы к улучшению основной артерии всей экономической жизни страны?

Еще в конце апреля² Рухлов поставил объем перевозок в тылу «почти исключительно» в прямую зависимость от количества отвлекаемых

¹ Там же. Л. 50. Доклад Рухлова царю от 14 мая 1915 г.

² Там же. Лл. 42–43. Доклад Рухлова царю от 23 апреля 1915 г.

на фронт вагонов. К этой «основной» причине министр прибавлял всякого рода конъюнктурные влияния: метели, обилие праздников, а с весны 1915 г. — нераспорядительность копеей, якобы не использовавших назначенные им вагоны в размере 15%¹. В докладе Рухлова царю нет предложений о необходимости решительных мероприятий в деле срочного и значительного увеличения количества вагонов и паровозов. Между тем анализ использования вагонов для перевозки основных грузов весной 1915 г. показывает, что с наличным парком вагонов невозможно было добиться сколько-нибудь заметного улучшения перевозок².

Недостаток вагонов и паровозов пытались несколько смягчить путем лучшего использования подвижного состава. Уже осенью 1914 г. использование товарных вагонов на дорогах тыла увеличилось на 19,8%, а паровозов — на 7%³, но это достижение значительно снижается ухудшением пробега вагонов на фронтовых дорогах на 12,6%. В итоге реальное улучшение использования вагонов всей сети составляло лишь 8,6%.

В мае 1915 г. по всему фронту развернулись бои, и это вновь повлекло отлив 13 тыс. вагонов на дороги фронта. Все же погрузка угля и горнозаводских грузов достигла нормы, хотя общие перевозки дорог держались всего на уровне 78% от предыдущего года.

В июне 1915 г. на дороги фронта было отправлено дополнительно 23 тыс. вагонов. В этом месяце происходит резкое снижение перевозок на 12,5%, а угля — на 7,5% сравнительно с маем⁴. Таким образом, ограниченность количества товарных вагонов и паровозов не позволила весной и летом 1915 г., несмотря на улучшение климатических условий, добиться сколько-нибудь реального улучшения в обслуживании экономических потребностей тыла — увеличить вывозку угля, металла, организовать нормальную перевозку товаров для потребителей и снабжение городов.

Подведем некоторые итоги.

Царская Россия вступила в Первую мировую войну, имея слабо развитую сеть железных дорог и крайне недостаточное количество подвижного состава. Экономическая отсталость страны, крайняя скудость финансовых ассигнований на нужды транспорта после Русско-японской войны и жесткий «режим экономии» на железных дорогах привели к сокращению строительства новых дорог и заказов паровозостроительным и вагоностроительным заводам на изготовление подвижного состава. Правительство превратило транспорт в источник пополнения де-

¹ Там же. Л. 54. Доклад от 14 мая 1915 г.

² За первый квартал 1915 г. на дороги поступило 8 тыс. вагонов и 200 паровозов. До конца года должно было поступить еще 900 паровозов и 35 тыс. товарных вагонов. Кроме того, в Америке было заказано 400 сильных паровозов, 8 тыс. обыкновенных и 13 340 большегрузных вагонов.

³ ЦГИАЛ. Ф. 270. Оп. 10. Д. 2643. Лл. 86—87.

⁴ Там же. Лл. 62—63.

фицита в государственном бюджете. Правительство и буржуазия не могли поднять развитие железных дорог на уровень экономических и военных задач страны. Такая задача оказалась по плечу только советской власти, которая в короткий срок сделала транспорт передовой отраслью народного хозяйства. Среднесуточная погрузка на железных дорогах империи достигала в 1913 г. 27,4 тыс. вагонов, в то время как советские железные дороги, например, ежедневно грузили в 1940 г. 97,9 тыс. вагонов¹.

В царской России железные дороги оказались наиболее слабой отраслью народного хозяйства. Не будучи в состоянии справиться с задачами военной экономики России, царизм еще меньше был в состоянии удовлетворить военно-оперативные потребности командования. Между тем, если провести сравнение в работе железных дорог в Первую мировую войну с обстановкой работы транспорта во время войны с гитлеровской Германией, объективные условия в первом случае были более выгодны, чем во втором. В Первую мировую войну потери сети и подвижного состава были совершенно незначительны, в то время как во время войны с гитлеровской Германией враг захватил в 1943 г. 40% железнодорожной сети, паровозный парк уменьшился на 15% и парк товарных вагонов — на 20%². Несмотря на огромный ущерб, нанесенный захватчиками транспорту, железные дороги в 1943 г. увеличили погрузку на 3 тыс. вагонов в день. В том же 1943 г., когда немцы были на правом берегу Днепра, железнодорожный транспорт СССР перевез грузов в 2,8 раза больше, чем в 1915 г. дороги царской империи почти одинаковой протяженности. В этом сказалось технико-экономическое превосходство социалистического способа производства. В царской России железные дороги с 1915 г. начинают работать все хуже и хуже, обостряя экономический кризис в стране; в Советском Союзе с 1943 г. железные дороги начинают улучшать свои показатели в работе. В царской России правительство не могло расширить узкие места в работе железных дорог; советское правительство сумело значительно усилить выходы из Западной Сибири на Урал, с Урала — в районы Центра и Поволжья из Средней Азии — в европейскую часть СССР и т.д. Советское правительство смогло приспособить транспорт к обслуживанию огромной промышленности, перебазированной на восток; в царской России не смогли справиться даже с задачей снабжения топливом Петрограда и Прибалтийского промышленного района. Советское правительство в годы войны построило 10 тыс. км новых железных дорог, в том числе Печорскую дорогу, давшую выход печорским углям к промышленности европейской части СССР; царское правительство не смогло обеспечить вывозку донецкого топлива и расширить узкие места выходов из Донбасса на север.

¹ *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. — Гиз, 1947. — С. 100.

² Там же.

Реконструированный железнодорожный транспорт Советского Союза являлся прочной основой военного хозяйства; железные дороги царской России — источником слабости военной экономики, которую нельзя было преодолеть никакими бюрократическими комиссиями и ухищрениями. Советское правительство опиралось на героизм железнодорожников, который помог в течение двух-трех месяцев 1943 г. ввести в строй и восстановить 6600 км железнодорожного полотна; царское правительство надеялось на бюрократическое творчество чиновников и на помощь американских капиталистов. Эта помощь не могла быть безграничной и бескорыстной.

Советское правительство в труднейших условиях смогло организовать ремонт паровозов и вагонов; царское правительство и буржуазия не смогли использовать промышленность страны для технического усиления железных дорог и текущего ремонта. Еще до окончательного своего краха царизм проявил полнейшую неспособность организовать работу железных дорог, их пополнение и целесообразное использование для нужд войны.

Кризис железных дорог в царской России являлся предвестником общего краха капиталистического хозяйства, а не только дискредитацией методов управления государственной машиной помещичьего правительства.

ЧАСТЬ 2

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А. Г. Худокормов

Отечественная экономическая мысль межвоенного периода. Достижения и уроки

Межвоенные десятилетия оказались во многих отношениях переломными как для человечества в целом, так и для экономической науки в особенности.

В наиболее развитых странах мира произошло окончательное утверждение стадии «индустриальной зрелости». В сфере промышленных технологий развернулся переход от совокупности обособленных предприятий с автономными двигателями к региональным и национальным инфрасистемам с единой сетью энергоснабжения, транспорта, телефонной связи. Сосредоточение значительной части выпуска продукции на ограниченных по численности, но весьма крупных по размерам предприятиях (при ограниченности и малой подвижности выпускаемой номенклатуры) давало неоспоримые преимущества крупным объединениям. Все это, вместе взятое, приводило к централизации управления не только в масштабах отдельных фирм, но и на макроуровне.

Поэтому главной отличительной чертой межвоенной мысли является освоение проблем государственного регулирования экономики. На Западе принцип государственного интервенционализма получил права гражданства в ходе Великой депрессии — всемирного экономического кризиса **1929—1933 гг.**; в России этот же принцип восторжествовал сразу же после Октябрьской революции **1917 г.** Соответственно в мировой экономической мысли усиливается роль тех ее течений, которые, пусть в разных формах, но выступали за активизацию государственного вмешательства в хозяйственную жизнь (кейнсианство, институционализм — на Западе, марксизм — в России). И, напротив, ослабевало влияние экономических теорий антиэтатистской направленности, прежде всего — неоклассики.

В межвоенные годы мировая экономическая наука впервые ставит и начинает решать вопросы, связанные с многоукладной рыночной экономикой, при активной роли публичного (т.е. государственного, реги-

онального, муниципального) сектора и общегосударственного регулирования. Существенно изменяется сам предмет экономической теории; все большую роль в ней играют макроэкономические проблемы. (На Западе в этом смысле особенно велико значение трудов Дж.М. Кейнса, который существенно расширил само поле экономического анализа, заложил основы современной западной макроэкономической теории.) Экономическая наука (в США, Англии) гораздо теснее, чем ранее, переплетается с экономической политикой. Отчасти эмпирически, отчасти на основе теоретических изысканий строятся варианты государственно-рыночных экономических программ: новая экономическая политика в СССР, рузвельтовский «Новый курс» в США, программы социал-демократического правительства Швеции, Народного фронта во Франции. Там, где государство полностью подчиняет себе общество, экономическая политика (не без влияния соответствующей теории) приобретает ярко выраженные тоталитарные черты (сталинский курс на форсированное насаждение государственного социализма, экономическая политика фашизма).

Таким образом, в 1920–1930-е гг. экономическая наука становится в буквальном смысле общественной, можно сказать, государственной наукой. И это обстоятельство как никогда остро поставило вопрос об отношениях экономической теории и политической власти.

Период, о котором идет речь в нашей статье, ограничен с обеих сторон двумя мировыми войнами, революционными потрясениями и характеризуется разочарованием огромных масс граждан в ценностях демократии. Демократия не сумела уберечь мир от ужасов военных столкновений, массовой безработицы, необеспеченного существования.

Рост авторитарных тенденций, стремление государства подчинить себе гражданское общество отразились и на развитии экономической мысли. Межвоенные годы — это период острого конфликта экономиста-ученого с властью (тогда как годы после Второй мировой войны стали в этом смысле скорее временем компромисса). Конечно, конфликты неординарной творческой личности с властью существовали и будут существовать всегда.

Однако примеры из истории первых десятилетий XX в. особенно выразительны: в 1908 г., в возрасте 60 лет, за несколько неосторожных замечаний во время публичной лекции по поводу непорочного зачатия попадает на два месяца в тюрьму основатель стокгольмской школы крупнейший шведский экономист Кнут Виксель; в 1919 г. после опубликования объективного, резко критического исследования «Экономические последствия Версальского договора» удаляется с государственной службы один из самых блестящих интеллектуалов Великобритании Джон Мейнард Кейнс; в 1929 г. за несколько месяцев до начала Великой депрессии в США — самой богатой стране мира — умирает в крайней бедности выдающийся мыслитель, основоположник институционализма Торнстейн Веблен. Такова судьба некоторых едва ли не самых крупных

экономистов в наиболее демократических странах мира. В странах же тоталитарного образа правления подавление инакомыслия было массовым, открытым и варварским. Известно, что многим сторонникам германского неоллиберализма (теории, отстаивавшей идею первенства рыночных начал в экономике) пришлось изведать горечь эмиграции; некоторые из них попали в концлагерь. В фашистской тюрьме скончался наиболее выдающийся теоретик-экономист западноевропейской социал-демократии Рудольф Гильфердинг. В нашей стране (об этом будет сказано особо) ученые-экономисты испытали на себе по крайней мере три волны жестоких репрессий: высылку либеральной профессуры 1922 г. (в том числе С. Н. Прокоповича, Б. Д. Бруцкуса); процессы Трудовой крестьянской партии и Союзного бюро меньшевиков (начало 1930-х гг.), вычеркнувшие из науки целую плеяду выдающихся экономистов; и, наконец, нескончаемое судилище 1937—1938 гг., лишившее жизни А. В. Чайнова, Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Юровского и других корифеев отечественной теории.

Совокупность указанных фактов не может быть случайной. Во всем мире власть не умела, а в тоталитарных странах — не желала и боялась слушать науку, и чем жестче вела себя власть, тем больше страдала наука. Но и в условиях конфликта с властью ученые продолжали выполнять свой долг: межвоенный период стал не только веком конфликта науки с властью, но и, по образному выражению английского исследователя Дж. Шэкла, веком «высокой теории».

То, о чем говорилось до сих пор, касается именно всемирных, общечивилизационных тенденций в истории экономических учений. Однако применение общечивилизационного подхода к анализу межвоенного периода объективно ограничено. Если следовать реальности, а не конъюнктурным схемам, невозможно отвлечься от того факта, что именно этап 1917—1945 гг. характеризуется расколом мира на противостоящие, соперничающие друг с другом общественные системы: демократический капитализм, фашистский госкапитализм и тоталитарный госсосоциализм. Этот раскол для западной мысли скрыто, а для отечественной мысли — в явной форме являлся перманентной предпосылкой анализа.

Начиная с 1917 г. наша страна жила под знаком созидания нового социалистического общества. Без учета данного обстоятельства никакая интерпретация нашего развития практически невозможна. И все же было бы, на наш взгляд, неверно трактовать советский период истории только с позиций разрыва с западными традициями, лишь как последовательный отход от ценностей мировой цивилизации.

После кратковременного этапа первых послереволюционных преобразований и «военного коммунизма» в стране началось проведение новой экономической политики. Период нэпа (1921—1929 гг.) традиционно оценивался у нас как нечто временное, как этап перехода к чему-то более ценному и значительному, т.е. к социализму. Но если оценивать

нэповскую экономическую модель как имеющую самостоятельное научное и практическое значение, придется признать, что она в целом вписывалась в общие контуры мировой цивилизации.

В самом деле, в 1921—1929 гг. при всех зигзагах официального курса в нашей стране существовала смешанная система экономики с многочисленными конкурирующими и сотрудничающими друг с другом укладами, значительное распространение получили отношения конкурентного рынка, государственного регулирования, социального протекционизма. Ультралевые идеологи усматривали в нэпе недопустимые уступки совбурам и кулачеству, правые — сверхжесткие ограничения для рынка и частной инициативы. Однако нэповскую экономику можно трактовать и как компромиссную модель, на базе которой удалось добиться немалых практических успехов.

Ретроспективная оценка свидетельствует, что именно на путях нэпа, вопреки разного рода трудностям, многочисленным пережиткам «военного коммунизма», народное хозяйство нашей страны к рубежу 1926—1927 гг. было успешно восстановлено. С помощью внутренних источников накопления оно переходило на расширенное воспроизводство и в деревне, и в городе. Статистика свидетельствовала: в 1927 г. по уровню потребления пищевых продуктов высшие рубежи дореволюционной России остались позади. Горожане, например, потребляли в среднем свыше 41 кг мяса (жители деревни — около 23). Население было обеспечено хлебом (приблизительно 180 кг зерна на одного человека в городе и 220 кг в деревне), крупой, молоком, растительным маслом. И это всего за пять мирных лет после окончания шестилетия практически непрерывных войн — сначала мировой, затем Гражданской и польской, после почти полной хозяйственной разрухи, неурожая и голода.

Важнейшим показателем восстановления и происходившего тогда подъема был общий рост фабрично-заводской промышленности. В то время советская индустрия заметно превышала уровень дореволюционной России по выработке электроэнергии, добыче нефти, угля, выпуску металлорежущих станков. Начиналось производство отечественных автомобилей, тракторов, радиоприемников... (Таким европейским странам, как Германия, Франция, Англия, завершить восстановление хозяйства тогда еще не удалось.) Не забудем и о том, что нэп обеспечил в стране обстановку гражданского мира, широкого социального согласия, что имело огромные последствия и для культурного развития, в том числе для роста экономических исследований.

Представляется, что теоретическое обоснование новой экономической политики (и шире — смешанной государственно-частной и планово-рыночной нэповской модели экономики) составляет важнейшее достижение отечественной экономической мысли. Заслуга в этом принадлежит не только умеренно-прагматическому крылу в руководстве большевистской партии (Ленин, Бухарин, Рыков, Сокольников и др.),

но и ряду выдающихся непартийных экономистов (Кондратьев, Чайнов, Базаров, Громан, Юровский и др.), а также тем специалистам, которые добросовестно трудились над планами развития сельского хозяйства, промышленности, разрабатывали проект денежной реформы 1922—1924 гг. и т.д.

Относительно благоприятная атмосфера нэпа обусловила ряд выдающихся достижений отечественных экономистов в специальных вопросах науки. Важнейшим из них следует признать разработку проблем планирования; в этой сфере наша страна обладала несомненным общепризнанным приоритетом. В 1920-х гг. концепции планирования разрабатывались в СССР как в жестком, директивном (С. Г. Струмилин), так и в более мягком, по существу, индикативном (Н. Д. Кондратьев) вариантах. С разработкой плановых методов связаны первые успешные опыты по построению шахматных балансов, предвосхитивших более поздние западные разработки типа «затраты — выпуск». Известно, что еще в 1923 г. на высшем властном уровне была сформулирована задача подготовки баланса всей государственной промышленности, а в перспективе и всего народного хозяйства. Кстати сказать, именно разработка теории баланса позволила отечественным экономистам (С. Г. Струмилину, А. И. Петрову и др.) обогатить экономическую статистику такими показателями, как общественный продукт, национальный доход. Эта работа впервые привела к отражению в статистике всей системы народнохозяйственных элементов, взятых в их сцеплении и взаимообусловленности. Нечто аналогичное, получившее затем наименование национальных счетов, появилось на Западе лишь незадолго до Второй мировой войны.

Всемирную известность приобрели и такие пионерные разработки отечественных экономистов 1920-х гг., как модели экономического роста Г. А. Фельдмана, теория больших циклов конъюнктуры Н. Д. Кондратьева, концепция крестьянской кооперации А. В. Чайнова, а также применение в экономике Л. В. Канторовичем метода линейного программирования (1930-е гг.).

Вместе с тем межвоенный этап в эволюции отечественной экономической мысли имел и ряд особенностей, отличавших, а впоследствии (с начала 1930-х гг.) и отгородивших советскую теорию от мировой.

Начнем с того, что с октября 1917 г. в нашей стране набирала силу тенденция к политизации и огосударствлению экономической мысли; само содержание экономических учений в немалой степени зависело от исхода политической борьбы. В отличие от экономической мысли Запада, принявшей по инициативе А. Маршалла форму внешне идеологизированной, асоциальной «экономикс», советская мысль с самого начала обрела ярко выраженный общественно-политический характер. Не только по способу интерпретации, но и структурно экономическая теория в СССР резко отличалась от западной: ведущую роль в ней играли не общецивилизационные закономерности рынка и его регулирования,

а острые социальные проблемы собственности и экономической власти. Это, видимо, не случайно. Подобный крен в экономических учениях естествен для страны, пережившей коренную ломку своей исторической судьбы.

Роль политических, социально-классовых факторов была, таким образом, беспрецедентно велика. Однако партийно-классовый подход еще не охватывает всего критериального многообразия при классификации отдельных течений внутри отечественной мысли.

Косвенно это признавалось и раньше, когда такой несомненный сторонник марксизма, как Н. И. Бухарин, получив ярлык правого уклониста, начал числиться в союзниках «буржуазной школы» Кондратьева, Литошенко и Вайнштейна и «мелкобуржуазной», «неонароднической школы» Чаянова и Челинцева.

Действительно, по ряду вопросов (об отношении к крестьянству, уровне цен и налогов, применении чрезвычайных мер, темпах индустриализации и т.д.) во взглядах Бухарина обнаруживалось больше сходства с позициями Чаянова и Кондратьева, чем с платформой его соратника по ВКП(б) Сталина. Объяснение, видимо, надо искать в том, что в нашей стране противоречие между государством, осуществлявшим модернизацию страны на базе форсированного накопления и индустриализации, и обществом, подавляющее большинство которого составляли крестьяне, оказывалось едва ли не более острым, чем официально провозглашенное «основное противоречие переходного периода» — между социалистическим и капиталистическим укладами. С точки зрения предлагаемого нами дополнительного критерия (по линии «традиционализм — модернизация») в истории мысли 1920-х гг. можно, видимо, выделить:

1) сторонников традиционной структуры российской экономики (при упоре на аграрный сектор, а внутри него — на индивидуальное трудовое хозяйство крестьян). Вплоть до 1927 г. на этих позициях находилась организационно-производственная школа А. В. Чаянова и А. Н. Челинцева, а в начале 1920-х гг. — Н. Д. Кондратьева;

2) умеренных модернизаторов, выступавших за приоритетное индустриальное развитие при сохранении ориентации на общее рыночное равновесие. Из марксистских теоретиков к этой позиции ближе всего стояли В. И. Ленин (в нэповский период), Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, из немарксистов — Л. Н. Юровский. Во второй половине 1920-х гг. на эту точку зрения перешли практически все экономисты первой группы;

3) сторонников «большого скачка», форсированной принудительной модернизации (индустриализации) за счет массовой перекачки средств в тяжелую промышленность при резком нарушении общего хозяйственного равновесия. К этой позиции в середине 1920-х гг. примыкали Л. Д. Троцкий, Е. А. Преображенский, в конце 1920-х гг. — И. В. Сталин и его окружение, а из академических экономистов — С. Г. Струмилин. В 1930-е гг. к прямой апологии внеэкономического принуждения,

«насилия ради прогресса», перешли не только многие «умеренные» марксисты, но и некоторые теоретики немарксистских направлений, как это случилось, например, с представителем сменовеховства (Н. Устряловым).

Следовательно, наряду с прежними критериями «марксист — немарксист», «социалист — противник социализма» советская экономическая мысль 1920—1930-х гг. может интерпретироваться исходя из отношения ее представителей к модернизации. В принципе возможны, видимо, и иные критерии классификации. Ясно одно: для изучения внутренней структуры и механизма эволюции отечественной экономической мысли пригоден лишь многофакторный подход. Прогресс в историко-экономических исследованиях, вероятно, состоит в учете возможно большего числа факторов с выделением того из них, который преобладал на том или ином отрезке времени.

В 1917—1921 гг. экономические дискуссии велись, как представляется, под непосредственным воздействием борьбы за политическую власть и факторов партийно-политического характера. В последующий нэповский период, особенно до 1927 г., на первое место выходят факторы практической целесообразности; соответственно роль классового подхода понижается и объективно возрастает значение различий по линии «традиционализм — модернизация». В конце нэповского периода вновь обостряется борьба за власть, усиливается роль политико-классовых оценок, в экономике побеждает курс «большого скачка».

«Великий поворот» 1929 г. и последующая сплошная коллективизация 1930—1932 гг. разделяют межвоенную историю СССР еще более резко, чем события Великой депрессии разделяют межвоенный период на Западе. Это была в буквальном смысле «революция сверху», захватившая подавляющую часть населения страны. Тяготы коллективизации, массовый голод в ряде регионов страны, срыв заданий первой пятилетки, сопровождавшийся официальной ложью о ее перевыполнении (при одновременном энтузиазме некоторых слоев населения, особенно молодежи) — таков общий фон существования экономической мысли в эти переломные годы.

В результате событий 1929—1932 гг. и последующих массовых репрессий осуществляется передвижка власти в пользу представителей менее квалифицированных и образованных слоев трудящегося населения. Характерный для нашей страны общекультурный разрыв между интеллигенцией и народом (гораздо более глубокий, чем на Западе) всегда придавал дополнительный вес субъективному фактору в науке. Послереволюционное преобладание марксизма, монополия на власть со стороны ВКП(б) обусловили в этом плане особую роль верхушки партийной интеллигенции. По этой линии понижение уровня мышления и теории шло опережающим темпом: в 1930-е гг. на роль лидера партии и государства (и соответственно — главного идеолога) вместо В. И. Ленина выдвинулся Сталин, функции ведущего хозяйственника от А. И. Рыкова перешли

к В. М. Молотову, а роль ведущего партийного интеллектуала, по праву принадлежащая в 1920-х гг. Н. И. Бухарину, исполнял уже А. А. Жданов. Но и это, видимо, еще не все. Сложившийся в 1930-е гг. культ личности Сталина исключал, как известно, малейшие проявления инакомыслия, т.е. научной конкуренции, особенно — в экономической теории. В указанное десятилетие в нашей стране возник доселе невиданный феномен персональной монополии на научную истину. Как и всякий другой монополизм, монополизм в науке таил в себе угрозу загнивания и застоя. Долговременные последствия этого сказывались и на послевоенном развитии отечественной мысли, когда персональную монополию Сталина сменила коллективная монополия высшего слоя бюрократии партгосаппарата.

Что же касается профессиональных экономистов, то для этой социальной группы десятилетие 1930-х гг. было особенно тяжелым. Вспомним: царю Николаю I достаточно было казнить пятерых и сослать в Сибирь несколько десятков европеизированных интеллектуалов — и общие духовные умственные и моральные устои российского общества немедленно деградировали. Трагический «эффект декабристов» в полной мере захватил отечественную экономическую науку 1930-х гг. (Экономисты подверглись репрессиям ранее других отрядов ученых.) Мартиролог сталинских репрессий включает имена таких выдающихся исследователей, как В. А. Базаров (Руднев), Н. И. Бухарин, В. Г. Громан, Ш. М. Дволайцкий, Л. М. Кактынь, Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Литошенко, В. П. Милютин, Н. Осинский (В. В. Оболенский), Е. А. Преображенский, Г. Л. Платонов, И. И. Рубин, А. И. Рыков, Г. Я. Сокольников (Бриллиант), А. В. Чапанов, Л. Н. Юровский и многие другие.

Отрицательные последствия репрессий не ограничивались лишь прямыми потерями человеческих жизней. Резко снизили эффективность исследований и те экономисты, что оставались на рабочих местах: одни довольствовались функцией комментирования и апологии утвердившегося курса, другие — разработкой специальных, частных проблем, не касающихся существа экономического строя. Повсеместное утверждение в экономике системы административного нажима привело к тому, что прежние разработки периода рыночной нэповской экономики оказались невостребованными, «неактуальными».

По политическим, идеологическим и «системным» причинам экономическая наука в бывшем СССР была оторвана от мировой экономической мысли и, более того, противопоставлена ей как враждебной силе. Экономическая теория стала одним из инструментов идеологического противоборства с Западом.

В итоге уровень теоретических исследований в СССР в 1930-е гг. по сравнению с предшествующим десятилетием резко упал. Здесь, как представляется, заключено главное различие в характере эволюции отечественной и западной экономической мысли, поскольку на Западе качество тео-

ретических исследований, степень их приближения к реальности в целом возросли.

Уроков, которые можно извлечь из переломных межвоенных лет, много. Весьма поучительны, например, интеллектуальные биографии выдающихся российских экономистов — Чайнова, Кондратьева, Юровского и др. В своих исследованиях они пытались опереться на весь мировой опыт, использовали достижения мировой экономической мысли в целом, а не какого-то отдельного ее направления; кроме того, они основывались не на идеологии, а на фактах, поэтому первостепенное значение для их исследований имели статистическое обеспечение, математический аппарат.

Немаловажно и то, что эти лидеры российской науки были искренними патриотами, продолжали добросовестно трудиться на Родине, хотя не были согласны с существующей системой власти и могли, по крайней мере в 1920-х гг., удобно устроиться за границей.

Урок для общества, как ни банально это звучит, заключается в том, что оно обязано беречь своих ученых. Экономическая теория со времен В. Петти гласит: население — это богатство. Но раз так, то квинт-эссенцией национального богатства должны считаться производители новых знаний. Наука слишком дорогое удовольствие, чтобы расточать ее плоды. Это как раз та сфера, где несколько десятков выдающихся работников своим трудом возмещают, и возмещают сторицей, значительную часть совокупных затрат на поддержание всей научной инфраструктуры. То, что разрушено здесь в одночасье, не удастся восстановить затем в течение нескольких поколений.

И еще один урок: наука должна быть независима от власти. Задача науки состоит в том, чтобы вскрыть истину, задачи же политической власти сплошь и рядом совсем иного сорта. Чем свободнее научное сообщество от властных структур, тем лучше для него самого и для общества в целом.

В заключение отметим, что ни одному из направлений отечественной мысли 1920—1930-х гг. не удалось обосновать вариант хозяйственного развития, при котором быстрая модернизация страны сочеталась бы с возможно меньшими потерями и жертвами. Цена за прогресс оказалась непомерно высокой, а результаты ограниченными. Однако у нас нет права с высокомерием всезнаек взирать на тот период в развитии отечественной науки (с учетом современного состояния экономики и экономической мысли). При всех издержках это было время неординарных решений, особенно в 1920-е гг., когда российские экономисты внесли немалый вклад в развитие мировой экономической теории.

Первая мировая война и ее роль в развитии социальной доктрины католической церкви

Первая мировая война была значительным не только политическим, но социальным и культурным феноменом XX в., оказавшим влияние на умы современников. Можно выделить целый ряд аспектов этого влияния. Прежде всего война продемонстрировала или напомнила о серьезных мобилизационных возможностях государств, способных аккумулировать национальные ресурсы для достижения важных целей. Война подтолкнула к смене режимов в целом ряде стран и появлению государств нового типа, нацеленных на формирование общей цели развития и подчинение этой цели различных сфер общественной жизни. Она возродила идею нации как единого целого. Но в этой идее единения наций европейское общество чувствовало угрозу свободе личности и ее самостоятельной ценности¹. Проблема защиты человека перед лицом мощного государства стала ощущаться очень остро.

Помимо этого сами военные действия неизбежно возродили ощущение хрупкости человеческой жизни, ее незащищенности перед крупными социальными потрясениями. Но отдельный человек казался не только слабым, но и незначительным. И не только потому, что войны ведут государства, а потому в период военных конфликтов интересы отдельных людей отступают на второй план перед общей угрозой. Новые виды вооружения, которые применялись в Первую мировую войну, позволяли противостоять врагу на расстоянии, а значит, не видеть лицо противника, воспринимать происходящее отстраненно. Увеличение мощи оружия (артиллерия, авиация, танки, химическое оружие) и масштабов человеческих потерь как среди военных, так и среди мирного населения² — все это приучало воспринимать смерть обезличенно, в формате бездушных цифр, на фоне которых отдельная жизнь теряла свою значимость.

В связи с новыми видами вооружения было изменено отношение к техническому прогрессу. Он впервые предстал как проблема в связи с непредсказуемостью его последствий, которые в любой момент могут быть обращены против человека. Новые виды оружия показали, что чело-

¹ *Ален. Дух войны // Ален. Суждения.* — М., 2000. — С. 156.

² *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселения Европы. — М.: Соцэкгиз, 1960.

вечество достигло нового уровня вооружения как по мощности, так и по принципам поражения, которое способно наносить масштабный вред территориям и затрагивать мирное население.

Война породила общее ощущение, что налет цивилизации сброшен и столь долго формировавшаяся культура не в состоянии защитить людей от жестокости и варварства, от их собственной дикой природы, что, в частности, отразилось в литературе той эпохи¹. Тем самым она способствовала углублению мировоззренческого кризиса западной культуры, который назревал еще на рубеже веков².

Именно это общее ощущение незащищенности личности, ценностей человеческой жизни читается и в католических текстах. В целом проблема незащищенности человека в современном мире поднималась в социальном католическом учении еще с конца XIX в. и имеет три аспекта. Первый связан с критикой либеральных обществ, пришедших на смену «Старому режиму» и осужденных церковью еще в XVIII в. (Энциклика *Quadragesimo Anno* 1864 г. и прилагавшийся к ней «Силлабус»). Новые политические системы, основанные на экономической свободе и индивидуализме, обвинялись как жестокие, разрушившие созданные на протяжении веков механизмы социальной защиты различных классов. В результате отдельная личность, с точки зрения церкви, оказалась брошена на произвол рыночной стихии, где она не в состоянии защитить себя перед лицом частных экономических интересов владельцев крупных капиталов. Проблемы «дикого капитализма», проявившиеся с полной силой на рубеже XIX–XX вв. в виде социальных конфликтов, рассматривались церковью как логическое следствие развития либеральных типов общества.

Второй аспект проблемы социальной защиты, о котором говорил католицизм, связан с усилением роли государства. Эта проблема стала активно подниматься в католических текстах именно в начале XX в., в том числе в связи с опытом Первой мировой войны и последовавшей сменой режимов в целом ряде стран на регуляционистские (Россия, Германия, Италия, Испания). Наблюдая развитие новых типов общества, церковь активно стала поднимать вопрос незащищенности личности перед лицом тоталитарных государств.

¹ Фромм Э. Во имя жизни // Человек и социокультурная среда. Сборник обзоров. — М., 1992; Манн Т. Доктор Фауст; Лопатин Л. М. Современное значение философских идей кн. С. Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. Кн. 131 (1). — М., 1916. — С. 2–3; тексты Р. Музиля, Ф. Кафки, Э.-М. Ремарка, Р. Олдингтона, С. Фицджеральда, Г. Гессе.

² В. Ратенау «К критике эпохи» (1913), Гаммахер «Главные вопросы современной культуры» (1914), Р. Паннвиц «Кризис европейской культуры» (1917), О. Шпенглер «Закат Европы» (1918–1922), Зиммель «Конфликт современной культуры» (1918 г.), работы Т. Лессинга «История как осмысление бессмыслицы» (1919), «Европа и Азия» (1919), «Проклятая культура» (1921), Й. Хейзинга «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи» (1935).

Третий аспект — незащищенность перед мощью новых технологий и новых масштабов концентрации экономической и политической власти, которые нарастают в ходе глобализации мировых связей. Если новые технологии увеличивают власть человечества в целом, то глобализация расширяет возможности отдельных экономических агентов, усиливая их влияние на экономику как отдельной страны, так и всего мира. Эта тема в основном получит развитие в документах церкви уже во второй половине XX в. Но следует отметить, что еще до формирования «нового социального учения» подробной разработкой данной проблематики занималась группа представителей «католического персонализма», называемая «Экономика и Гуманизм» по названию издававшегося ими журнала¹. Идеи этой группы оказали серьезное влияние на Иоанна XXIII и Павла VI². В качестве главной проблемы ими рассматривались процессы деперсонализации современного общества и потеря контроля за происходящими мировыми процессами со стороны ответственной, персонифицированной власти. При этом наибольшее беспокойство вызывала беззащитность человека перед лицом наращиваемых технологий.

В настоящей статье мы подробно остановимся на первых двух аспектах социальной доктрины католической церкви, которые наиболее тесно связаны с эпохой Первой мировой войны.

1. Незащищенность перед лицом «дикого капитализма»

С точки зрения католической церкви, в частности согласно высказываниям папы Бенедикта XV, чей понтификат приходится на этот период (1914–1922), причиной Первой мировой войны стало обострение социальных проблем и классовой борьбы в европейских странах. С точки зрения церкви, столь резкое социальное расслоение и обездоленность широких масс населения стали непосредственным результатом развития либеральных обществ, начавших формироваться с конца XVIII в. Католическая церковь так и не приняла тех преобразований, которые, как она считает, ознаменовала Великая Французская революция. Церковь подчеркивала, что новые либеральные системы, забывшие понятие общего блага и провозгласившие свободу индивида преследовать лишь свои частные интересы, разрушили сложное общественное устройство, которое на протяжении веков обеспечивало систему социальной опеки всем слоям общества, способствовало социальному миру и взаимопониманию

¹ В нее, в частности, входил лидер французской социальной школы экономики Франсуа Перру. Если говорить о соотношении воззрений Ф. Перру и современного католичества, то можно выделить несколько общих моментов: представление об экономических отношениях как отношениях власти, приверженность идеям целенаправленного управления экономикой, рассмотрение вопросов гармоничного развития всех отраслей экономики, участия рабочих в управлении производством.

² Майка Ю. Социальное учение католической церкви. — Рим—Люблин, 1994.

между разными классами. В 1926 г. профессор политической экономии и социально-экономических учений Лувенского университета Морис Дефурни писал в своей книге «К корпоративной реорганизации», что христианская культура на протяжении Средних веков породила три великих явления — схоластику, готическое искусство и корпоративное устройство общества¹. Это корпоративное устройство обеспечивало гибкую форму социального взаимодействия, в первую очередь в форме цехов, общин, орденов, братств, гильдий, которая позволяла защитить профессиональные интересы человека перед лицом как других людей, так и государства.

Новая либеральная система общества, освободившая частный эгоизм от любых ограничений и разрушившая средневековые формы социальной поддержки, бросила на произвол судьбы большую часть населения, которая не в состоянии противостоять интересам узкой группы богатых людей и потому низведена до такого уровня бедности, который чреват не только материальными, но и духовными проблемами. Об этом было заявлено еще в знаменитой энциклике Льва XIII «*Rerum Novarum*» (1891).

При этом характерной для католицизма является убежденность в том, что смена режимов не была жестко продиктована экономической необходимостью. Хотя церковь признает, что объективные экономические законы, а именно потребности развития обмена и частной инициативы требовали либерализации экономики и политической жизни, тем не менее с ее точки зрения возможны были разные варианты общественного обустройства, и сформировавшаяся система безграничной свободы стала результатом сознательного выбора европейских обществ, сделанного под влиянием новых политических и философских концепций. В этой связи следует отметить два методологических аспекта социального учения католицизма. Во-первых, это учение исходит из возможности трансформации общественного обустройства, недетерминированности социальных структур объективными законами. А во-вторых, оно считает, что фундаментальной причиной реальных социально-экономических проблем современного ей общества являются теоретические ошибки человеческой культуры, которая не смогла правильно ответить на новые потребности экономического развития. Поэтому и основным направлением собственных действий церковь считает четкое формулирование и распространение альтернативного, правильного с ее точки зрения взгляда на человека, общество и их истинные цели.

Итак, основной «опасной» чертой установившейся капиталистической системы церковь считает экономическую свободу. Поэтому в католических текстах часто используется понятие «либеральный капитализм». Следуя оценкам католичества, ей можно также дать название «практический индивидуализм», ибо, по мнению церкви, данная система предполагает абсолютный приоритет индивида и его интересов по от-

¹ Майка Ю. Социальное учение католической церкви. — С. 303.

ношению к социуму и полную свободу частной предпринимательской деятельности от ранее налагавшихся ограничений со стороны общества. «Практический индивидуализм» в данном случае выражает установление полной автономии экономических агентов по отношению как к другим агентам, так и к другим сферам общественной жизни. Можно выделить несколько аспектов «либерального капитализма», которые подвергаются критике со стороны католической церкви.

1.1. Либеральная концепция свободы и ее отличие от христианской концепции

Новое либеральное общество, одной из составляющих которого стала капиталистическая экономика, формировалось на основе провозглашения различного рода свобод — социальных, политических, экономических. Политический строй был отделен от церкви, экономика приобрела собственную автономию, освободившись от различного рода ограничений социального, религиозного и морального характера. Эти свободы проявлялись в утверждении принципа автономии: автономия личности по отношению к социуму стала основой индивидуализма; автономия различных сфер общественной жизни друг от друга стала основой новой модели общества, получившей в современной социологии название системы «социальной дифференциации», основанной на разделении социальных функций между отдельными сферами общественной жизни.

Именно установление автономии экономической сферы и независимости экономических агентов стало, по мнению католичества, отличительной чертой нового капиталистического строя и причиной обострившихся к началу XX в. социальных проблем. Согласно католичеству, современная либеральная доктрина основана на трех фундаментальных постулатах: утилитаризме, теории естественного права и ультралиберализме. В соответствии с концепцией утилитаризма главным мотивом человеческого действия является индивидуальная выгода, или эгоизм. Теория естественного права устанавливает ряд неотъемлемых прав человека, что определяет его самостоятельную первостепенную ценность и соответственно ценность его свободы. Ультралиберализм утверждает полную свободу от любых норм и правил¹.

Католицизм критически воспринимает такую концепцию свободы. Единственное, с чем он согласен в данной концепции, это с неизбежностью естественных прав человека. В то же время существует принципиальное различие между светской и католической теорией естественного права, так как последняя исходит из существования и первостепенности «вечного права», опирающегося на божественные законы. Такой

¹ См.: *Vermersch D. Le libéralisme et la doctrine sociale de l'Église // Études. 1996. Vol. 385. No 4. — P. 385.*

подход предполагает совершенно иную расстановку акцентов, в частности при определении понятия личности, целей и мотивов ее поведения, проблемы личностной ответственности и т.д. Тем не менее на основе принципов естественного права католичество разделяет идеи главенствующей роли человека, абсолютной ценности человеческой свободы и суверенности личности, ее первичности по отношению к социуму.

В остальном теория либерального индивидуализма вызывает серьезную критику со стороны церкви. Она выдвигает свою концепцию человека и личностной свободы, которой дает название «христианский персонализм». Эта критика имеет непосредственное отношение к экономической теории, так как, по мнению многих католических авторов, философской основой всей классической экономической теории, доминировавшей на протяжении XIX в. и сохранившей свое главенство к 20-м гг. XX в., является утилитаризм и ультралиберализм.

В первую очередь затрагивается вопрос о природе человеческих мотиваций. Церковь выступает категорически против теорий, представляющих эгоизм основой человеческого поведения, и считает распространение утилитаристской антропологии источником наблюдаемых социальных проблем. Если экономическая теория исходит из модели «рационального эгоиста», католичество кладет в основу своего социального учения понятие христианской личности. Главной целью такой личности является не просто усовершенствование средств, с помощью которых человек подчиняет окружающий его мир своим интересам, но в первую очередь развитие и саморазвитие, понимаемые в эсхатологической перспективе. Деятельность человека рассматривается как выполнение миссии, связанной с подчинением природы, как окружающей, так и собственной, замыслу Творца, преобразование мира и самого себя с целью его совершенствования. Это сразу включает в круг индивидуальных мотиваций соблюдение моральных норм. Поэтому католическая антропология носит название «этический персонализм».

Еще одним элементом личностной мотивации в христианской модели является служение интересам «общего блага», обустройство всего социального организма. Эта цель рассматривается как необходимое условие реализации личностных мотивов. Как позднее будет сформулировано в пастырской конституции «Радость и надежда» (1956), «общее благо обнимает совокупность тех условий социальной жизни, в которых люди, семьи и объединения могут полнее и скорее преследовать свое совершенствование»¹. Таким образом, антропологическая концепция католицизма включает в себя более комплексную мотивационную модель и более широкую перспективу в понимании личного интереса отдельного человека. С точки зрения церкви, потеря этой перспективы, сужение ее до узкоматериальных, ближайших как в пространстве (чисто

¹ Gaudium et spes. No 64 // Études. 1996. Vol. 385. No 4. — С. 393.

эгоистических), так и во времени (сиюминутных) интересов и привело к тем социально-экономическим проблемам, которые обострили общественный конфликт в начале XX в.

Может показаться, что различие в понимании природы человека и его мотивации не является принципиальным с точки зрения социальной организации, так как обе модели предоставляют полную свободу индивиду. Природа же человека и его мотиваций останется такой, какая она есть, вне зависимости от того, как она представляется в той или иной теории. В этом плане можно говорить, что католическая модель носит нормативный характер и отдалена от реальности. Но, как уже говорилось, церковь придает очень важное конституирующее значение идеям, которые получают распространение в обществе, полагая, что они непосредственно влияют на выбор тех или иных социальных институтов и правил поведения. И в этой связи различия между либеральной и христианской концепцией личности может играть принципиальную роль. Во-первых, либеральные теории оправдывают эгоизм и любые даже самые низменные устремления человека и снимают вопрос о совершенствовании человеческой природы. Люди перестают задумываться об этом. Во-вторых, эти теории порождают противоречие между общими и частными интересами, в то время как в католической концепции «общее благо» является необходимой составляющей частного. То же самое касается и морали. В-третьих, теории, игнорирующие трансцендентную природу человека, являются антропоцентричными в своей основе и тем самым изначально сужают перспективу возможного развития человеческого общества. Персонализм является теоцентричной концепцией. Ставя во главу угла понятие христианской личности, он подчиняет мир не человеку, а Богу, к которому стремится эта личность.

Иное значение в теории «христианского персонализма» приобретает и понятие свободы. Оно трактуется как предоставленное человеку право осуществлять свободный и одновременно с этим ответственный выбор. В этом плане либеральная концепция свободы зачастую воспринимается католичеством как отказ от воли и слепое следование своим инстинктам или внешним обстоятельствам. «...Достоинство человека требует, чтобы он действовал по сознательному и свободному выбору, то есть изнутри движимый и побуждаемый личной совестью, а не слепыми инстинктами или чисто внешним принуждением. Такого достоинства человек достигает тогда, когда, освобождаясь от всякого порабощения страстями, он стремится к своей цели в свободном выборе добра и находит для этого себе надлежащие вспомогательные средства в действенном и прилежном их изыскании»¹.

Понятие ответственной свободы играет важную роль в социальном учении церкви. Оно является ключевым для понимания истоков нега-

¹ Gaudium et spes. No 17 // Études. 1996. Vol. 385. No 4. — С. 343.

тивных последствий системы свободного предпринимательства, не оглядывающегося по сторонам на результаты своих действий и ожидающего автоматического решения проблем со стороны безличного механизма рыночной координации. По мнению церкви, либеральная концепция свободы не предполагает данной ответственности. Свободное действие человека оправданно уже в силу своего свободного характера. Негативные внешние эффекты такого действия не рассматриваются как поле личной ответственности, предполагается, что они скорее корректируются свободными действиями других лиц, т.е. внешними обстоятельствами. В результате сама личность не задумывается о социальных последствиях своих действий. Проблема ответственности и моральной выдержанности поступков, в частности проблема согласования собственных интересов с нормами морали и «общего блага», перестает быть внутренней проблемой человека, исключается из комплекса решаемых конкретной личностью задач. Она превращается во внешнюю проблему, решаемую с помощью социального механизма и свободной координации. В связи с этим в католических текстах постоянно говорится о том, что грань между свободой и волюнтаризмом, самостоятельностью и индифферентностью достаточно тонкая и современное общество постоянно переступает эту грань, что и приводит к конкретным социально-экономическим проблемам, обострение которых видела церковь в начале XX в.

1.2. Проблема свободного договора

Проблема свободы и ее правильной интерпретации имеет еще один важный аспект в социальном католическом учении. Она связана с практикой свободного заключения договоров, которые заключаются, в частности, в рамках экономических отношений. В либеральных обществах основой социальных отношений и социальной справедливости объявляется свободный договор — добровольно заключенное между двумя или несколькими агентами соглашение. Церковь с давних пор весьма настороженно относится к такой практике, хорошо понимая, что даже свободно установленное соглашение может слишком часто не соответствовать в равной мере интересам двух договаривающихся сторон. В этой связи принятая в либеральных обществах опора на свободу договора, с точки зрения церкви, является ключом к раскрытию проблемы социального неравенства и пролетаризации большей части населения, столь остро стоявшей на рубеже веков. Именно поэтому важным направлением социального действия церкви с конца XIX в. становится поддержка профсоюзного движения как способа повысить «переговорную силу» рабочего класса при заключении трудовых соглашений.

Источником возможного ущемления интересов одной из сторон при заключении свободного договора являются разные возможности отстаивания своих интересов. Церковь издавна критически относи-

лась к принципу справедливости, основанному на свободном договоре. Еще в схоластических текстах многие экономические вопросы обсуждались именно в связи с возможностью злоупотребления одной из сторон своим положением с целью заключения неравного договора, т.е. присвоения всей выгоды от сделки себе. В частности, знаменитая концепция справедливой цены средневековых схоластов, основанная на требовании соблюдать равенство в отношениях между людьми, имела целью не допустить подобных злоупотреблений, разрушения «фундаментального равенства правового акта, которого требует справедливость»¹. Церковь еще во времена схоластики выступала против принятой в римском праве практики считать справедливым стремление получить максимальную выгоду при заключении договоров и утверждала, что для продавца существуют границы, в рамках которых он может преследовать свой интерес. Эти границы очерчиваются евангельским требованием «все то добро, которое люди сделают тебе, ты должен так же сделать им»² и вытекающим отсюда принципом взаимовыгодности обмена³.

То же касается и запретов взимания процента. Негативное отношение к проценту, характерное для схоластов, имело эмоциональную подоплеку, проистекающую из ветхозаветной картинки о том, как бедный крестьянин приходит к богатому сеньору и просит деньги на пропитание. Идти на соглашение о займе на любых условиях его заставляет нужда, в то время как кредитор не ограничен при выдвигании условий ничем, кроме потенциальной платежеспособности заемщика. Договор заключается на основе добровольного согласия, но эта добровольность не является гарантией справедливости такого договора, которая, как указывалось выше, состоит в равном уважении прав и интересов обеих сторон.

На рубеже XIX–XX вв. проблема свободного договора и гарантий справедливости заключаемых сделок переходит в другую плоскость, а именно в область трудовых соглашений, в связи с резко возросшим социальным расслоением и проблемой эксплуатации большей части населения. В соответствии с католической доктриной эти соглашения должны следовать принципам дистрибутивной справедливости, которая требует распределения общего блага между отдельными индивидами в зависимости от их заслуг. Она обеспечивает «настолько больше общих благ человеку, насколько важным является его место в сообществе»⁴.

¹ *Gilson T.* Op. cit. P. 379.

² *Summa Theologica.* Па—Пае. Q. 77. A. 1.

³ Эта позиция определенным образом коррелирует с нормами, прописанными в римском праве. Фома Аквинский критикует установленное в Кодексе Юстиниана правило, согласно которому «продавец и покупатель имеют право обманывать друг друга» (*Summa Theologica.* Па—Пае. Q. 77. A. 1. Obj. 1). Осуждение допускалось лишь в отношении сделок, при которых обмен был совершен по цене, более чем вполнину ниже справедливой.

⁴ *Summa Theologica.* Па—Пае. Q. 61. A. 2. Resp.

В то же время очевидно, что возможности навязать выгодные условия контракта намного выше у нанимателя, чем у нанимаемого, поскольку последний движим острой нуждой и готов на самые невыгодные условия. Добровольность контракта не обеспечивает его справедливость.

Именно этот аспект проблемы свободного договора (и в более широком плане — проблемы либерализма) приобретает наибольшую значимость в социальном учении католической церкви на рубеже веков. Еще в энциклике 1891 г. Лев XIII утверждает, что общество обязано вмешиваться в вопросы трудовых соглашений и помогать рабочим отстаивать свои интересы. Эту функцию должны выполнять общественные, религиозные и профессиональные организации. С конца XIX в. очень активно растет профсоюзное движение, в том числе создаются католические профсоюзы. В частности, в начале XX в. в Германии активно развивались христианские профсоюзы, в которых участвовали как католики, так и протестанты. Их деятельность была очень тесно связана с католической партией «Центр» (Zentrum). Многие лидеры профсоюзного движения являлись одновременно и руководителями «Центра». Успех партии в начале XX в. историки во многом связывают именно с поддержкой профсоюзного движения. Также в Германии действовало Католическое объединение трудящихся (Arbeiterverein). При этом они выступали определенной альтернативой «свободным профсоюзам», которые были близки Социал-демократической партии и чаще всего выступали с позиций марксизма: католическое профсоюзное движение подчеркивало неприкосновенность принципа частной собственности; важной задачей являлось сохранение социального мира, недопущение радикальных социальных потрясений. За свой мирный характер христианские профсоюзы порой назывались штрейкбрехерскими — они отрицали идею классового противостояния.

2. Незащищенность личности перед лицом государства

Негативное отношение католицизма к «либеральному капитализму» на первый взгляд должно было сблизить его с социалистическими течениями. Действительно, среди католических общественных деятелей были те, кто сочувствовал (и иногда очень активно) этому политическому течению. Тем не менее официальная церковь никогда не выказывала поддержку ни марксизму, ни социалистическим партиям. А после Первой мировой войны и возникших впоследствии тоталитарных государств католическая церковь выступила с резкой критикой социалистической перспективы в связи с обострением фундаментальной опасности подчинения интересам централизованной власти отдельной личности, ее свободы и прав. Церковь всегда подчеркивала, что любая власть является великой возможностью, поэтому она должна вызывать уважение, но власть всегда сопряжена с большой ответственностью, поскольку чем

больше власть, тем тяжелее последствия от злоупотребления ею и тем меньше возможностей контролировать ее действия. «Власть нельзя заставить действовать не как власть» — эта фраза Фомы Аквинского отражает давнее и глубокое понимание церковью таящейся во всякой сконцентрированной власти угрозы. В начале XX в. эта тема — угрозы со стороны центральной власти — становится очень актуальной. Можно выделить несколько аспектов критики тоталитарных систем, сформулированных в этот период в рамках социального католического учения.

2.1. Злоупотребление властью

Как уже было отмечено, проблема злоупотребления властью со стороны государства всегда присутствовала в католических текстах еще со времен схоластики. Экономический аспект проблемы — знаменитые дискуссии о порче монеты и методах борьбы с этим злоупотреблением со стороны государей. Именно в связи с этим Ж. Боден высказывал свои идеи о том, что государь, который не соблюдает интересы общего блага, может быть признан узурпатором и свергнут его подчиненными. В XX в. эта тема возникает в связи со стремлением новых государств проникнуть во все сферы жизни отдельной личности и подчинить их своим интересам. С одной стороны, такая политика должна импонирует католической идее важности общего интереса. Но для католической церкви власть светского государства не является властью «общего блага». Эта власть бесконтрольна, общество теряет механизмы влияния на эту власть и может оказаться поработанным этой властью. Церковь беспокоит то, что отдельная личность и ее интересы превращаются в незначительный элемент большой машины, теряющий свою ценность. Ее интересы теряются на фоне доминирования национальных интересов. Исчезают механизмы и логики, которые могли бы заставить огромную тоталитарную систему осознать значимость отдельных индивидов. Общее благо подменяется интересами государства или, еще хуже, отдельной личности или группы лиц.

2.2. Проблемы частной собственности

Одним из важных институтов, способных защитить отдельного человека, с точки зрения католической церкви является частная собственность. В этой связи социалистический вариант тоталитарного государства представляется в социальном учении церкви наиболее антигуманным. В целом концепция частной собственности католической церкви имеет глубокие философские корни и не является однозначной. С одной стороны, схоластика начиная с V в. отошла от идей отрицания частной собственности, свойственных Отцам Церкви (св. Амвросий Медиоланский или св. Иоанн Златоуст). Тем не менее право частной собственности у большинства схоластов никогда не приобретало статус естественного

права. Право собственности людей на внешние блага обосновывалось правом Творца на свое Творение, который пожелал определить мирские блага в помощь человеку¹. Именно в этом свете осмысливается природа индивидуального владения (*dominium*) как управления. Это право не абсолютно. Оно прежде всего обосновано тем, что человек является единственным разумным существом, способным осознать, что есть благо и как нужно обустроить мир в соответствии с замыслом Творца. Любое владение вещами имеет значение лишь в той мере, в какой, используя эти вещи, человек способствует реализации божественного замысла. Именно так должна пониматься эта «власть управлять и распоряжаться». *Lapotestasprocurandietdispensadi* не связана никоим образом с признанием права собственности исключительного и передаваемого, как может показаться благодаря переводу. Именно забота (*cura*) по отношению к внешним благам имеет ключевое значение. В этой связи частный принцип владения никак не связан с признанием доминирующей роли частных интересов, что характерно для современных теорий. Именно поэтому право частного владения никогда не рассматривалось в католической традиции как естественное право. Оно относится к так называемому условному праву, праву, происходящему не из природы вещей, а из доводов разума, учитывающих реальные обстоятельства греховного мира.

В то же время еще в рамках томистской философии католическая церковь обосновала частный принцип владения благами как наиболее целесообразный в условиях реального мира. Классическим аргументом является утверждение, что только в условиях частного владения человек проявляет должное усердие и заботу в управлении вещами, четко очерчивает обязанности человека и тем самым способствует порядку в делах, а также предупреждает возникновение постоянных претензий на те или иные блага со стороны других людей².

В конце XIX в. концепция частной собственности получила новое звучание в рамках социального учения католической церкви. В энциклике

¹ «Бог как первопричина имеет право на все вещи. И это он, кто, по собственному Провидению, предназначил определенные предметы для телесной помощи человеку. И для этого человек естественно имеет власть над этими вещами, в том смысле, что он имеет право их использовать» (*Summa Theologica*. Па—Пае. Q. 66. A. 1. Ad. 1).

² «Во-первых, каждый больше заботится о том, что находится в его частной собственности, чем о том, что является общим для всех или для многих; в последнем случае, действительно, каждый стремится избежать усилий и переложить на других заботу по участию в общем труде... Во-вторых, больше порядка в управлении благами, если забота о каждой вещи возложена на отдельного человека, в то время как возникнет путаница, если все будет занято всем. В-третьих, мир между людьми сохраняется лучше, если каждый удовлетворен тем, что есть у него. Действительно, можно наблюдать частые раздоры между теми, кто владеет одной вещью совместно и в общей собственности» (*SummaTheologica*. Па—Пае. Q. 66. A. 2. Resp.).

Льва XIII «*Regum Novarum*» утверждалось, что собственность защищает человека от того вида отчуждения, против которого боролся марксизм и все социалистическое движение в XIX в., а именно она гарантирует человеку право на результаты своего труда при использовании этой собственности. В частности, с точки зрения Льва XIII здесь кроется решение так называемого рабочего вопроса. Именно отсутствие собственности у рабочих формирует условия их возможной эксплуатации со стороны владельцев капиталов.

2.3. Идеал равенства

Еще один аспект критики социалистического государства со стороны католической церкви — провозглашаемый ими идеал равенства. Церковь никогда не поддерживала идею равного распределения, полагая справедливым распределение пропорциональное. В конце XIX в. добавился еще один аргумент. Согласно мнению Льва XIII, «пресловутый идеал равенства низвел бы всех на одинаковый уровень нищеты и бесчестия»¹. При этом вопрос смягчения социального неравенства может и должен решаться, но не насильственным путем изъятия благ у одних и передачи другим, а на основе распространения практики добровольного пожертвования и идей солидаризма, т.е. соучастия людей в судьбах менее защищенных слоев населения. Те, кто обладает богатством, должны смотреть «на свое достояние не как на принадлежащее ему, но как на благо для всех и беспрепятственно делиться со всеми, кто в том нуждается»².

Что касается доступа к средствам производства, здесь позиция церкви приняла более категоричный характер. Главный тезис, который отстаивает католичество, заключается в том, что собственность должна служить интересам труда. Как позднее было сформулировано в энциклике «*Laborum Exersens*», необходимо избегать «такого обладания вещами, которое обернулось бы против труда»³. Именно в своем служении труду всякая форма собственности получает свое оправдание. «Собственность на средства производства, в промышленности ли, в сельском хозяйстве — законна и справедлива, если помогает работать с пользой. Однако она станет несправедливой, когда ничему не служит или мешает другим работать, стремясь к прибыли, порожденной не развитием совместного труда и общественным благосостоянием, а их недостатком или недолжной эксплуатацией, спекуляцией или нарушением рабочей солидарности. Такой собственности оправдания нет, это — злоупотребление

¹ Энциклика *Regum Novarum* // 100 лет социального христианского учения. — М.: МП «Останкино», 1991. — С. 10.

² Там же. — С. 12.

³ Энциклика *Laborum Exersens*. No. 14 // Майка Ю. Социальное учение католической церкви. Опыт исторического анализа. — Рим—Люблин: Изд-во Святого Креста, 1994. — С. 442.

перед Богом и перед людьми»¹. Церковь понимает, что лишь институт собственности гарантирует человеку доступ к труду, экономическим и социальным благам, поэтому основу экономической несправедливости и дискриминации она видит именно в неравном доступе к «источникам благосостояния»².

Принцип подчинения системы собственности «общему предназначению благ» в действительности создал основу для достаточно гибкого подхода при оценке конкретных форм собственности. В частности, церковью не исключалась возможность обобществления средств производства в условиях, когда этого требуют интересы общего блага. В пастырской конституции «Радость и надежда» в разделе о собственности частная форма владения представляется лишь как одна из возможных. При этом рассматриваются коллективные формы собственности, за которыми также признается способность обеспечивать права каждой личности на владение благами.

3. Идеи третьего пути

Изложенные нами взгляды на вопросы ценности личности, свободы и ответственности, на проблемы централизованной власти и частной собственности стали фундаментальными для социального учения католической церкви. Их формирование шло на протяжении долгой истории и в начале XX в. они лишь получили новое звучание в связи с происходившими событиями в общественной и политической жизни стран. Если же говорить об особенностях социального учения, характерных именно для эпохи Первой мировой войны, то нужно, безусловно, говорить о концепции третьего пути, которая была четко сформулирована впоследствии в энциклике папы Пия XI «Сороковой год», посвященной выходу знаменитого текста Льва XIII «*Rerum Novarum*».

На фоне кризиса либеральных обществ и проявляющихся опасностей новых тоталитарных систем католическая церковь высказывает идею о необходимости поиска альтернативного пути, который бы позволил исправить ошибки либерализма, установив границы проявления индивидуальной свободы и частного интереса, но в то же время защитил бы личность и от давления централизованной власти, стремящейся подчинить своим интересам личность и угрожающей как свободе этой личности, так и самой ценности частной жизни и частного интереса. «Развитие не должно быть предоставлено ни почти механическому самотеку экономической деятельности некоторых, ни только одной лишь общественной власти, — утверждается в энциклике. — Поэтому нужно

¹ Энциклика *Centesimus annus*. No. 43 // Encyclical letter *Centesimus annus* of the supreme pontiff John Paul II on the hundredth anniversary of *Rerum Novarum*, St. Paul Books & Media.

² Энциклика *Centesimus annus*. No. 27 // Там же.

поричать как заблуждения и те учения, которые под личиной ложной свободы сопротивляются необходимым реформам, так и те, которые приносят в жертву общественной организации производства основные права отдельных лиц и групп»¹.

Таким вариантом стала идея корпоративного устройства общества. Уже упоминалось высказывание М. Дефурни о том, что корпоративный строй был одним из достижений христианской культуры, которое было разрушено Великой Французской революцией. Повторим, что с точки зрения католических мыслителей средневековое общество сумело выстроить сложную систему защиты от злоупотреблений властью со стороны разных социальных групп и обеспечить защиту всем членам общества, в первую очередь профессиональным группам. Эта социальная структура была уничтожена и на смену ей пришли «атомарно-механистические структуры».

Как писал Пий XI, «он действительно существовал, социальный строй, который, не будучи совершенным во всем, соответствовал тем не менее, насколько ему позволяли условия и требования времени, предписаниям разумного права. И если этот строй давно исчез, нельзя считать само собой разумеющимся, что он не мог эволюционировать и развиваться, дабы соответствовать требованиям современных условий и потребностей. Ошибка в большей степени была в людях, так как либо их закоренелый эгоизм отказался открыть, как это надо было сделать, рамки своей организации навстречу многоплановому развитию, которое требовало своего внедрения, либо, соблазненные очарованием ложной свободы или грехом других ошибок, они продемонстрировали свою нетерпимость ко всякого рода игу и пожелали освободиться от всякой власти»².

Именно такой строй церковь предлагает рассматривать как возможную альтернативу существующим системам. Она утверждала, что ни атомарное общество, основанное на абсолютной свободе, независимости индивидов и абсолютном приоритете частных интересов, ни альтернативное централизованное общество, где каждая личность встроена в единую систему, которой она подчиняется во все возрастающей степени, не соответствуют интересам развития личности и гармоничного устройства общественной жизни. Обе системы несут угрозу отдельному индивиду — или угрозу подчинения эгоистичным интересам более сильных игроков, или угрозу подчинения государственным интересам.

С одной стороны, отдельная личность не способна самостоятельно отстаивать свои интересы. Поэтому в той степени, в какой ее устремления совпадают с устремлениями других людей, определенной группы людей — профессиональной, социальной, культурной, этнической, яв-

¹ *Gaudium et spes*. No. 65 // Encyclical letter *Centesimus annus* of the supreme pontiff John Paul II on the hundredth anniversary of *Rerum Novarum*, St. Paul Books & Media. — С. 394.

² *Quadragesimo Anno*. 1931. Пий XIII // *Bigo P. Op. cit.* P. 115.

ляется логичным и целесообразным объединением их усилий. С помощью коллективных действий они добьются больших успехов. С другой стороны, такого рода объединения способны защищать отдельную личность от злоупотребления со стороны тех, кто обладает концентрированной властью — крупной собственностью или политической силой.

Поэтому защитить личность может такая социальная структура, которая имела бы промежуточные институты, обеспечивающие защиту каждому индивиду, каждой профессиональной или социальной группе как от других таких же индивидов и групп, так и от государства. Этими институтами должны быть профессиональные объединения, общественные и религиозные организации.

Использованная литература

1. 100 лет социального христианского учения. — М.: МП «Останкино», 1991.
2. *Ален*. Дух войны // *Ален*. Суждения. — М., 2000.
3. Энциклики его святейшества папы римского 1891, 1981, 1991 годов о труде и человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. — Киев: Институт праксеологии, 1993.
4. *Лобье П. де*. Социальная доктрина католической церкви (Опыт воплощения христианского идеала) / Пер. с франц. — Брюссель, 1989.
5. *Любак А. де*. Католичество. Социальные аспекты догмата: пер. с франц. — Милан: Христианская Россия, 1992.
6. *Майка Ю.* Социальное учение католической церкви. Опыт исторического анализа/ — Рим—Люблин: Изд-во Святого Креста, 1994.
7. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. — М.: Юрист, 1994.
8. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселения Европы. — М.: Соцэкгиз, 1960.
9. *Bigo P.* La doctrine sociale de l'Église. Recherche et dialogue. Paris: Presse universitaires de France, 1965.
10. Encyclical letter Centesimus annus of the supreme pontiff John Paul II on the hundredth anniversary of Rerum Novarum, St. Paul Books&Media.
11. *Gilson E.* Le thomism. Introduction à la philosophie de Saint Thomas d'Aquin. 6-ème edition, Paris, 1983.
12. Somme théologique de Saint Thomas d'Aquin. Texte integral, Editions Eslaria, 1984.
13. *Vermersch D.* Le libéralisme et la doctrine sociale de l'Eglise // Études. 1996. Vol. 385. No. 4.

ЧАСТЬ 3

ЭКОНОМИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. В. Рыбалкин

Скандинавия во время и после Первой мировой войны

Скандинавия¹ перед Первой мировой войной имела ряд заметных отличий от того положения, которое сложилось к настоящему времени. Наиболее важными отличиями были следующие: Финляндия не была независимым государством, а являлась провинцией Российской империи; в схожем положении была и Исландия, которая входила в состав Дании. Кроме того, Скандинавские страны в начале XX в. по своему внутреннему устройству не слишком напоминали ту модель «государства всеобщего благосостояния», которую можно наблюдать сейчас, и были близки к обычному капитализму. Война 1914–1918 гг. внесла существенные коррективы как в политическую карту Скандинавии, так и в методы ведения народного хозяйства.

Еще до войны, 21 декабря 1912 г., три Скандинавские страны — Швеция, Дания и Норвегия — выпустили совместное соглашение, которое гласило о строгом соблюдении его участниками принципов нейтралитета. Тем не менее шведский министр иностранных дел Кнут Валленберг одновременно пытался склонить Норвегию к заключению оборонительного военного союза. Однако данная идея не нашла поддержки в обеих странах — незадолго до этого, в 1905 г., Норвегия вышла из унии со Швецией и не горела желанием связывать себя новыми обязательствами, могущими ограничить ее самостоятельность. В самой Швеции местная общественность призывала уважать мнение Норвегии и ее вновь обретенную независимость.

¹ Под Скандинавскими странами в научной литературе обычно понимаются три государства — Швеция, Норвегия и Дания; однако существует и расширенная трактовка, согласно которой к ним добавляются Финляндия и Исландия. В данной работе под Скандинавией нами будут подразумеваться все пять поименованных стран (Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Всемирная история (с 1800 г. и до наших дней). Oxford University Press. — ИНФРА-М; Весь мир, 2000).

В течение всей войны, особенно несмотря на то, что в Швеции, традиционном экономическом лидере региона, были достаточно сильны прогерманские настроения, все Скандинавские страны воздерживались от открытого выступления на стороне Антанты или Центральных держав. Более того, дважды — в декабре 1914 г. в Мальме (Швеция) и в 1917 г. в столице Норвегии Кристиании (ныне Осло) проходили встречи трех монархов, на которых среди прочего обсуждались вопросы сохранения нейтралитета. Скандинавские страны также неоднократно обращались к Соединенным Штатам Америки с просьбой выступить в качестве нейтрального (до апреля 1917 г.) дипломатического посредника и арбитра, который обладает достаточным влиянием, чтобы не допустить их втягивания в европейскую войну.

Причиной сильных прогерманских настроений в Швеции было то, что перед Первой мировой войной она имела достаточно тесные экономические, политические и культурные связи с Центральными державами, а именно с Германией. В экономическом плане на Германию приходилось порядка 25% шведского импорта; схожая картина наблюдалась и с шведским экспортом: в страны Тройственного союза, также преимущественно в Германию, направлялось около 22% вывоза. При этом в ходе индустриализации во второй половине XIX в. Германия превратилась в крупного потребителя шведских товаров, поставлявшихся в основном в виде сырья для немецкой промышленности — лесоматериалов, железной руды и стали¹. Нужно заметить, что страны Антанты также играли заметную роль в шведской экономике. Они, главным образом Великобритания и Франция, давали до 65% шведского импорта, и на них же приходилось около 60% экспорта Швеции. Впрочем, прогерманские настроения в шведском обществе были вызваны не только одними хозяйственными интересами.

Политические и культурные связи обуславливались иными причинами. Среди общественных и политических деятелей Швеции в начале XX в. преобладало такое мнение, что Россия, присоединив после ряда русско-шведских войн XVIII и XIX вв. Прибалтику и Финляндию, в будущей европейской войне может вновь отторгнуть часть территории королевства. Подобные опасения вынуждали заняться поисками союза с другой державой Балтийского региона, могущей выступать в качестве противовеса Петербургу (нетрудно догадаться, что подобным государством могла стать только Германия). Также в шведских гимназиях и университетах с ростом к началу XX в. германо-шведских экономических связей немецкий язык становится самым изучаемым, оттеснив на второй план французский.

¹ *Siney M. C. Swedish neutrality and the economic warfare in World War. Ball State University Department of History, 1975. URL: <http://libx.bsu.edu/cdm/compoundobject/collection/ConspetusH/id/410>*

Хотя в количественном отношении прогерманские общественные и государственные деятели в Швеции составляли меньшинство, однако они имели немалое влияние на внешнеполитический курс. Например, лидер шведских социал-демократов Карл Брантинг был скорее сторонником сближения страны с Великобританией, нежели с Германией, однако немалая часть его политических соратников симпатизировала последней. Это было связано в первую очередь с внутренней политикой немецкого правительства, импонировавшей идеологии социал-демократов, а именно введением в конце XIX в. системы социальной защиты — обязательного пенсионного обеспечения для работающих, страхования по утрате трудоспособности и в случае болезни. Хотя данные выплаты в Германии и не были особенно велики, однако наряду с британской и французской системами социального страхования по утере трудоспособности эта модель была в числе наиболее развитых.

В идеологическом плане такое сотрудничество обосновывалось принадлежностью как шведов, так и немцев к германским народам, к тому же имеющих опыт взаимодействия в ходе совместной колонизации в Средние века Прибалтики и Финляндии и противостояния России. Представления о необходимости ориентироваться во внешней политике в первую очередь на Германию подкреплялись в известном смысле и династическими связями — шведский король Густав V состоял в браке с немецкой принцессой Викторией Баденской, которая, в свою очередь, была внучкой кайзера Вильгельма I.

Сама же Германия, стремясь приобрести еще одного союзника, делала шведскому правительству довольно заманчивые предложения. Так, в случае вступления в войну на стороне Центральных держав Швеции была обещана после победы передача Аландских островов, принадлежавших тогда Российской империи. Дополнительно предлагался проект создания Скандинавской Федерации, в которую бы соответственно вошли Скандинавские страны, а лидером в ней оказалась бы Швеция¹.

Впрочем, несмотря на значительное германское влияние, в Швеции, особенно среди высших кругов общества, идея участия в войне на стороне Центральных держав была отвергнута. Тем не менее Германии было дано обещание, что в случае начала боевых действия Швеция не собирается выступать на стороне Антанты и по мере возможностей будет оказывать экономическую помощь. 31 июля 1914 г., после начала боевых действий между Австро-Венгрией и Сербией, шведское правительство выпускает декларацию о своем нейтралитете в начавшемся конфликте. Несколько дней спустя, 4 августа 1914 г., после начала войны

¹ *Siney M. C. Swedish neutrality and the economic warfare in World War.* Ball State University. Department of History, 1975. URL: <http://libx.bsu.edu/cdm/compoundobject/collection/ConspetusH/id/410>

уже между Германией, с одной стороны, и странами Антанты — с другой, выпускается вторая декларация о нейтралитете. В обеих декларациях Швеция, однако, оставляла за собой право вступить в европейскую войну в случае изменения обстановки. Одновременно британскому правительству была направлена нота, извещавшая о невозможности выступления страны на стороне Антанты, не подвергаясь угрозе революции и смены политического режима.

Несмотря на все выпущенные декларации о нейтралитете, Скандинавские страны в той или иной степени в течение Первой мировой войны были вынуждены если и не подчиняться напрямую требованиям воюющих держав, то как минимум учитывать их мнение по тем или иным вопросам. Например, вскоре после начала войны Германия направляет в адрес Дании и Швеции требование об установке морских минных полей и выключении маяков в проливах Большой и Малый Бельт, Зунд, Каттегат и Скагеррак для препятствования проникновению британского и французского флотов в Балтийское море. Данное требование было выполнено Данией, больше других подвергавшейся угрозе германского вторжения, однако было отклонено Швецией¹. Впрочем, летом 1916 г., после неоднократного проникновения британских подводных лодок в Балтийское море, шведский военный флот все же заминировал проливы, связывающие Северное и Балтийское моря, но лишь ради того, чтобы не подвергать угрозе судоходство между Германией и Швецией. Немецкие требования, прямо нарушавшие суверенитет самой Швеции, заметно усилили позиции политических сил, выступавших за соблюдение нейтралитета и противившихся вступлению в войну на стороне Германии. Дополнительно те части шведской армии, которые размещались вблизи границы с Российской империей, были переведены на юг — подобный шаг приветствовался Петербургом, поскольку позволял перебросить находившиеся в Финляндии войска непосредственно на фронт².

Имело место и сотрудничество Швеции с Германией: в частности, в течение всей войны через Стокгольм немецкая разведка с ведома местных властей регулярно переправляла в Берлин разнообразные разведывательные сведения. Однако основной формой, если можно так выразиться, помощи со стороны Скандинавских стран стало выполнение функций перевалочных пунктов для ввоза в Германию импортных товаров. Например, в Норвегии, несмотря на все сложности совершения морских перевозок на фоне боевых действий, показатели экспорта и импорта в течение 1914—1916 гг. даже возросли. Это произошло за счет

¹ *Epkenhans M., Groß G. P.* The Danish Straits and German Naval Power 1905—1918. Militärges. Forschungsamt. 2010. Oct.

² Sweden's Neutrality during Two World Wars // Term Paper, AP European History Class. 2008. July. URL: <http://www.zum.de/whkmla/sp/0809/pjh/pjh2.html#III>

увеличения ввоза различных товаров из стран Антанты и их последующего транзита в Центральные державы. Естественно, что негативная реакция Антанты не заставила себя долго ждать — уже 20 августа 1914 г. Великобритания начала вводить ограничения на судоходство нейтральных стран. Британский флот начал досматривать торговые суда и на свое усмотрение либо пропускал их в порт назначения, либо захватывал и конвоировал в один из портов Великобритании в качестве приза, где их дальнейшая судьба определялась в судебном порядке. Шведский торговый флот нес в равной степени потери и от действий германского флота в тех случаях, когда, по мнению немецких моряков, суда направлялись в порты стран Антанты. Всего же за 1914–1918 гг. немецкими подводными лодками было потоплено судов общим водоизмещением более 290 000 т и погибло порядка 800 шведских моряков.

В другой Скандинавской стране, Норвегии, политический и экономический курсы были в большей степени направлены на сотрудничество с Антантой, в первую очередь с Великобританией. Подобная ориентация, как и в случае со Швецией, была обусловлена тем, что с Великобританией имелись масштабные экономические связи. 8 августа 1914 г. норвежское правительство, как и ранее шведское, также выпускает декларацию, гласившую о соблюдении нейтралитета в начавшейся европейской войне. При этом норвежское общественное мнение считало, что в текущей войне следует оказывать максимально возможную поддержку именно странам Антанты¹.

Впрочем, Норвегия во время Первой мировой войны активно продолжала экспортировать как в Великобританию, так и в Германию рыболовную продукцию, а также полезные ископаемые — медную руду, никель и пирит. Естественно, эта ситуация не устраивала Антанту, всячески пытавшуюся воспрепятствовать подобной торговле со своими противниками. В конце декабря 1916 г. Великобритания направила в адрес Норвегии ультиматум, гласивший о возможном прекращении экспорта английского угля в том случае, если торговые сношения с Германией не будут прекращены в самое ближайшее время. Норвежское правительство было вынуждено подчиниться этому требованию; с другой стороны, с этого момента немецкий флот начал топить норвежские торговые суда, что нанесло большой ущерб судоходству страны. Суммарно за 1914–1918 гг. было уничтожено 889 норвежских торговых и рыболовных судов, а количество погибших моряков составило порядка 2000 человек. Все же, даже невзирая на определенное сотрудничество с Центральными державами, по мнению историков, Норвегия в Первой мировой войне оказалась скорее в положении «нейтраль-

¹ Knutsen J. N. Norway in the First World War // FOLIA SCANDINAVICA VOL. 5 POZNAŃ 1999. URL: https://repozytorium.amu.edu.pl/jspui/bitstream/10593/3883/1/03_Jan_Normann_KNUTSEN_Norway_in_the_First_World_War_43-58.pdf

ного союзника»¹ Антанты, в основном благодаря предоставлению своего торгового флота для морских перевозок. Наиболее весомым следствием такого сотрудничества стало одобрение странами Антанты в 1920 г. передачи архипелага Шпицберген под норвежское управление².

Дания во время Первой мировой войны не склонялась в сколь-нибудь заметной степени на сторону Антанты или Тройственного союза и стремилась сохранить в первую очередь наработанные экономические связи. Такая линия поведения была обусловлена в первую очередь тем, что и Великобритания, и Германия были главными торговыми партнерами Дании, а порядка 35% всей производимой продукции направлялось на экспорт, причем основным товаром было продовольствие. Также датская экономика сильно зависела от импорта — угля для промышленности и удобрений и кормов для сельского хозяйства, которые опять же в своей массе ввозились из Великобритании и Германии. В целом Дании удавалось обеспечить свои потребности в иностранных товарах и экспортировать собственную продукцию вплоть до начала 1917 г., когда немецкий флот начал «неограниченную подводную войну». После этого датское судоходство было существенно затруднено — суда были вынуждены отправляться до Великобритании в составе конвоев, чтобы благополучно добраться до порта назначения. Всего же в 1914–1918 гг. Дания, как и Швеция с Норвегией, понесла тяжелые потери в своем торговом флоте — погибло порядка 700 моряков и было потоплено 275 судов. Также в апреле 1917 г., после вступления в Первую мировую войну США, было наложено эмбарго на экспорт американских кормов для скота. В итоге к концу войны внешняя торговля сократилась почти на 50%, уменьшение ввоза иностранных удобрений и кормов вызвало неурожай и дефицит товаров первой необходимости и привело к росту социальных проблем.

Любопытно, что Дания, не принимавшая участия в Первой мировой войне, тем не менее смогла прирастить свою территорию за счет побежденной Германии. После проведения плебисцита в ноябре 1920 г. провинция Северный Шлезвиг, присоединенная к Пруссии по итогам датско-прусской войны 1864 г., вновь вернулась в состав Дании³.

Исландия перед Первой мировой войной, как упоминалось ранее, не являлась независимым государством, а находилась в унии с Данией. При этом имелся собственный парламент (Альтинг), перед которым обязан был отчитываться министр по делам Исландии, занимавшийся

¹ Термин «нейтральный союзник» был введен в оборот норвежским историком Олавом Ристе в 1965 г. как характеристика сотрудничества между Великобританией и Норвегией, имевшего место в 1914–1918 гг. (*Riste O. The neutral ally: Norway's relations with belligerent powers in the First World War. Universitetsforlaget, 1965*).

² История Норвегии. — М.: Наука, 1980.

³ История Дании. — М.: Весь мир, 2007.

непосредственным управлением страной. После начала боевых действий ведущие исландские отрасли (рыболовство, сельское хозяйство и морские перевозки) смогли извлечь немалую выгоду для себя из создавшегося положения. Так, иностранные траулеры перестали заходить на промысел в воды Исландии, благодаря чему местные рыбаки оказались в положении монополистов. Из-за сокращения уловов цены на рыбопродукты возросли при одновременном росте спроса на них прежде всего со стороны стран Антанты, которые сами испытывали проблемы с продовольствием. Наконец, после того как датские торговые суда лишились возможности заходить в исландские порты, не опасаясь быть потопленными немецкими подводными лодками или задержанными британскими кораблями, исландские морские перевозчики получили дополнительные заказы¹.

Первые существенные проблемы, связанные с идущей на континенте войной, возникли в 1916 г., когда Великобритания выдвинула требование продавать только ей всю экспортируемую рыболовную и сельскохозяйственную продукцию, чтобы она не попала в Германию. Самым тяжелым стало то, что цены на продукцию были зафиксированы и не повышались с учетом инфляции. Несколько позднее, после того как в феврале 1917 г. Германия объявила «неограниченную подводную войну», Исландия начала испытывать нехватку импортных товаров — в частности, угля для промышленных предприятий и соли для рыбозаводов. Сокращение импорта также вызвало нехватку продовольствия, и в том же 1917 г. правительством была введена карточная система распределения продуктов питания. Одновременно, опять же по требованию Антанты, была продана часть рыболовного флота, который не мог использоваться из-за недостатка импортных комплектующих и сокращения вывоза рыбы. После такого шага в стране резко выросло число безработных — чтобы справиться с этой проблемой и заодно попытаться возместить нехватку топлива, правительство начало добычу бурого угля из местных недр. Но даже на этом проблемы Исландии в 1914—1918 гг. не закончились — холодная зима 1917/18 г. стала причиной неурожая и истощения пастбищ, а осенью 1918 г. произошло мощное извержение вулкана Катлы, пепел которого сделал непригодными к дальнейшему использованию многие сельскохозяйственные земли.

Несмотря на все вышеупомянутые неурядицы, происходившие с экономикой во время войны, местные политики активно продвигали идею независимости от Дании. В 1917 г. начались переговоры с датскими властями о предоставлении самостоятельности Исландии. Хотя немалая часть датских политиков выступала против этой идеи, в 1918 г. была сформирована совместная комиссия по данному вопросу, а парламенты

¹ Хьяльмарссон Й. История Исландии / Пер. с англ. А. А. Столярова. — М.: Весь мир, 2003.

Исландии и Дании ратифицировали новый договор об унии, который был поддержан подавляющим большинством голосов на прошедшем исландском референдуме. Наконец, 1 декабря 1918 г. было провозглашено независимое Королевство Исландия, находившееся в унии с Данией. Однако номинальным главой Исландии продолжал оставаться датский король, Дания также сохраняла за собой право на ведение внешних сношений и оборону от внешнего нападения. По сути, Исландия только получила большую свободу во внутренних делах и о полной независимости речи еще не было — самостоятельность страна обретет в июне 1944 г., не продлив действие унии¹.

Финляндия, как упоминалось выше, в 1914 г. находилась в составе Российской империи. При этом внутри самой Финляндии не было единой поддержки России и существовали довольно влиятельные силы, выступавшие за независимость и сотрудничество с Германией. Например, в январе 1915 г. Германия организовала «учебные курсы разведчиков», в рамках которых жители Финляндии, преимущественно студенты, проходили военную подготовку и затем воевали в составе немецкой армии на русско-германском фронте². Вскоре после Октябрьской революции в России финский парламент 6 декабря 1917 г. провозглашает независимость Финляндии, и уже через полтора месяца в стране начинается гражданская война, продлившаяся до середины мая 1918 г. Противоборствующими сторонами оказались радикальные социал-демократы, прозванные «красными» и ратовавшие за установление формы государственного устройства, аналогичной действующей в Советской России, и консерваторы («белые»), выступавшие за сохранение существующего капиталистического устройства. Если «красные» пользовались поддержкой Советской России, то «белые» нашли союзников в лице Германии и Швеции, а немецкие и шведские войска в 1918 г. высаживались непосредственно на территории Финляндии. Гражданская война в Финляндии завершилась победой «белых» в довольно короткий срок, около четырех месяцев, благодаря прямой иностранной поддержке, прежде всего Германии.

Как уже упоминалось ранее, одной из наиболее существенных проблем всех Скандинавских стран во время Первой мировой войны стал вопрос снабжения продовольствием, поскольку собственное сельское хозяйство не могло полностью покрыть потребности в продуктах питания. Например, Швеция перед войной ежегодно импортировала порядка 29% всего потребляемого страной зерна, большую часть сахара и кукурузы, а также сельскохозяйственные удобрения. Финляндия к 1914 г. импортировала порядка 60% потребляемого зерна, в основном из Германии; естественно, что после начала боевых действий этот ка-

¹ Хьяльмарссон Й. История Исландии / Пер. с англ. А. А. Столярова. — М.: Весь мир, 2003.

² The Lockstedt Training Corps. URL: <http://www.histdoc.net/history/lockstdt.html>

нал поступления продовольствия оказался закрытым. Одновременно был затруднен ввоз зерна из прочих регионов Российской империи, поскольку на железных дорогах был установлен приоритет для перевозки армейских грузов.

Хотя Скандинавские страны почти полностью обеспечивали себя продукцией животноводства, однако эта сфера требовала ввоза иностранных кормов для скота. Дополнительным фактором роста напряженности на продовольственном рынке стало то, что во время войны наблюдалось снижение урожайности из-за недостатка импортных удобрений и сельскохозяйственного оборудования. Ради того, чтобы упорядочить ситуацию, шведское правительство постепенно начинает вводить карточную систему снабжения продовольствием — в середине 1916 г. начинается нормирование потребления сахара, в следующем 1917 г. — хлеба, муки, картофеля, кофе, жиров, молока и ряда других продуктов питания. Также в Финляндии в феврале 1917 г. начали вводиться продовольственные карточки и создаваться комитеты по продовольствию, чьей задачей стало регулирование цен на продукты питания. Местные власти передали подобным комитетам весьма широкие полномочия — например, они получили право принудительно изымать по фиксированным ценам зерно у фермеров и распределять его среди нуждающихся. Недостаток товаров первой необходимости усугублялся общим повышением стоимости жизни — так, в Норвегии уровень цен по сравнению с 1914 г. поднялся к 1918 г. на 125% при росте заработной платы менее чем на 80%¹.

Вступление в апреле 1917 г. в Первую мировую войну США также ухудшило продовольственное положение, поскольку весь американский импорт, в том числе продуктов питания, был остановлен. Именно нехватка продовольствия послужила основной причиной активизации протестного движения как среди фермеров, так и среди рабочих — начиная с весны 1917 г. в сельской местности усилились крестьянские волнения, а на предприятиях участились стачки. В крупнейших городах Швеции, Стокгольме и Гетеборге, проходили «голодные демонстрации», участники которых требовали от властей скорейшего решения продовольственного вопроса. В датской столице Копенгагене в феврале 1918 г. проходили выступления рабочих, протестовавших против дороговизны товаров первой необходимости и продовольствия.

Практически сразу же после окончания Первой мировой войны в Швеции сильно обострилась и без того напряженная внутривнутриполитическая обстановка, которая, по мнению ряда современников, характеризовалась как предреволюционная и могла привести к смене государственного режима по образцу произошедших революций в России, Германии и Венгрии. Немалая часть шведских социал-демократов, возглавляемая будущим премьер-министром Пером Ханссоном, выражала поддержку

¹ История Норвегии. — М.: Наука, 1980.

идеям революции 1918 г. в Германии и выступала за отмену монархической формы правления и отказ от капиталистической модели хозяйствования, а также ратовала за предоставление всеобщего избирательного права и переход исключительно к добровольной военной службе.

Учитывая подобные взгляды, поддерживаемые заметной частью населения, шведские власти вскоре пошли на ряд преобразований, наиболее важным из которых стало снятие части ограничений по участию в выборах. В 1919 г. шведские женщины получили право голоса наравне с мужчинами, однако был сохранен имущественный ценз для избирателей. Впрочем, даже благодаря этим изменениям число граждан с правом голоса многократно возросло — если в 1911 г. их доля не превышала 19% от всего населения, то в 1919 г. она выросла до 54%. Другим крупным изменением в политической сфере стало введение в 1922 г. по образцу Швейцарии института референдума как способа народного волеизъявления по тому или иному вопросу. Любопытно, что первый шведский референдум, состоявшийся в том же году, касался введения запрета на свободную продажу спиртного. По его результатам с минимальным перевесом победили противники «сухого закона» — 925 097 голосов против 889 132.

В 1919 г. были внесены изменения и в сферу трудовых отношений — отныне вводился 8-часовой рабочий день и рабочая неделя продолжительностью в 48 часов¹. Швеция в этом плане не явилась первопроходцем среди Скандинавских стран — в Норвегии 8-часовой рабочий день с одновременным повышением зарплаты был введен годом ранее на фоне нарастающего недовольства рабочих своим положением.

В результате хозяйственных сложностей, вызванных Первой мировой войной и понизивших уровень жизни, в Скандинавских странах на парламентских выборах после 1918 г. начали набирать все больший вес политические силы, придерживавшиеся левых взглядов, — социал-демократы и либералы. Следует отметить, что, начиная с 1920-х гг. и заканчивая 1990-ми гг., у власти в Скандинавских странах находились преимущественно местные социал-демократические партии, а также представители близких им по идеологии политических движений. При этом все социал-демократические партии характеризовались стабильно высокой поддержкой избирателей на уровне 35—45% (рис. 1). Наряду с традиционными левыми партиями в Скандинавии существовали политические силы, представлявшие многочисленных сельских жителей, которые также склонялись к левым воззрениям. Преобладание подобных взглядов объясняется политологами тем, что исторически при принятии хозяйственных решений традиционная сельская община руководствовалась в первую очередь достижением компромисса между коллективной и индивидуальной выгодой.

¹ Derry T. K. A History of Scandinavia: Norway, Sweden, Denmark, Finland, and Iceland. Univ. Of Minnesota Press, 2001.

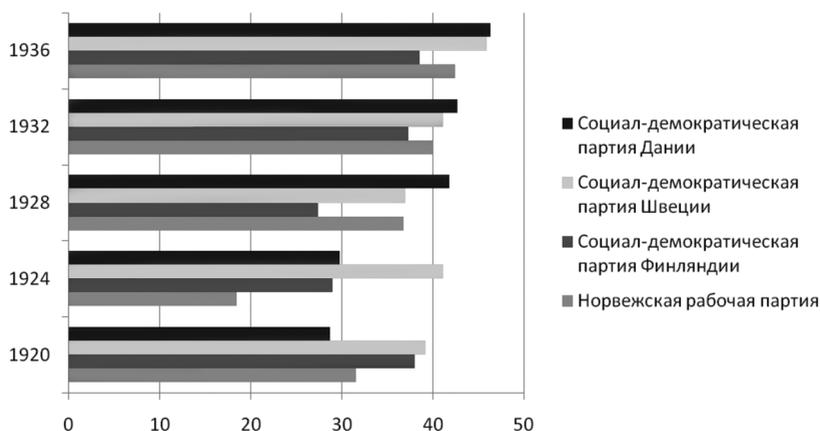

Рис. 1. Уровень поддержки социал-демократов в Скандинавских странах в 1920–1930-х гг.

Источник: составлено автором на базе данных интернет-портала Parties and Elections in Europe. URL: <http://www.parties-and-elections.eu>

Важность победы на скандинавских парламентских выборах той или иной партии имеет ряд существенных следствий. Именно парламент занимается назначением премьер-министра, который, в свою очередь, утверждает руководителей различных министерств. В итоге практически всегда посты премьер-министра и большинства министров оказываются заняты представителями победившей партии, в данном случае — социал-демократами. Благодаря этому выигравшая партия получает не только большинство мест в парламенте, но и реальные рычаги управления экономикой. Однако и сами пришедшие к власти политики в немалой степени зависят от настроения своих избирателей и могут потерять свои государственные посты в ходе очередных выборов, если избиратели признают проводимый хозяйственный курс не отвечающим интересам общества.

Преобладание политических взглядов социал-демократического толка стало началом формирования в 1920-х гг. особого типа смешанной экономики, получившей название «скандинавская модель» и опиравшейся на масштабное государственное регулирование. Собственно, большинство исследователей современной скандинавской экономической системы связывают ее появление именно с периодом Первой мировой войны и первыми послевоенными годами.

В экономическом плане период после Первой мировой войны в Скандинавских странах можно условно разделить на три основных этапа — послевоенный кризис 1920–1922 гг., период экономического роста 1922–1930 гг. и вновь кризис 1930–1933 гг. Вскоре после окончания войны, как и прочие европейские страны, Скандинавия столк-

нулась с рецессией. В частности, в Швеции наиболее существенными проявлениями кризиса стали почти двукратное падение цен по сравнению с 1914–1918 гг. и увеличение числа безработных, достигшее 163 000 чел., или 1/4 всех занятых. Для того чтобы справиться с подобной ситуацией, шведским правительством была создана так называемая Комиссия по безработице, а основной практической мерой стала организация общественных работ — строительство дорог, различных строений и проч. В Норвегии послевоенная экономическая ситуация также оказалась весьма тяжелой — по сравнению с 1920 г. объем промышленного производства к 1922 г. сократился почти на 1/3 и порядка 30% торговых судов простаивало из-за отсутствия заказов на перевозки¹.

Впрочем, период экономического кризиса длился не более двух лет и уже в 1922 г. сменился экономическим подъемом. В той же Швеции он оказался настолько значительным, что в некоторых источниках² получил название «Второго периода величия Швеция», по аналогии со второй половиной XVII в., когда страна была одной из ведущих европейских держав. Многие крупные шведские компании, созданные в конце XIX — начале XX в., стали превращаться в транснациональные корпорации, продавая свою продукцию практически по всему миру, а не только среди ближайших стран-соседей. В числе подобных организаций оказались военный концерн *Vofors*, компания по производству телефонного и телеграфного оборудования *Ericsson*, компания *Electrolux*, выпускающая бытовую технику, и т.д., причем они занимались не только экспортом товаров из самой Швеции, но и строительством собственных предприятий за рубежом. По мнению историков, основной причиной подобной экспансии шведских компаний стало то, что внутри страны уровень заработной платы наемных работников рос меньшими темпами, чем производительность их труда. Фактически Швеция была в состоянии выпускать большое количество высококачественных товаров по не слишком высокой цене³.

Экономический подъем в 1922–1930 гг. наблюдался не только в Швеции, но и повсеместно в прочих Скандинавских странах. Так, в Исландии, основу экономики которой составляло рыболовство, в начале 1920-х гг. было закуплено большое количество новых моторных траулеров большой вместимости, а рыбообрабатывающие предприятия все в больших масштабах начинали механизировать свои производственные процессы. В 1930 г. в столице Рейкьявике начал работу первый завод, про-

¹ *Андерссон И.* История Швеции / Пер. со швед. Н. А. Каринцева. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.

² *Вейбуль Й.* Краткая история Швеции / Пер. со швед. Н. Валлениуса. — Стокгольм: Шведский ин-т совместно с изд-вом «Бра Бэккер», 1994. URL: <http://ulfdalir.ru/literature/2507/2514>

³ История Швеции / Пер. с англ. Н. С. Плевако. — М.: Весь мир, 2002.

изводящий мороженую рыбу, а к 1936 г. их число возросло до шести; подобные производства позволили существенно нарастить экспорт рыбной продукции. Одновременно новые агрономические приемы и механизация начали в больших масштабах проникать в сельское хозяйство. В частности, в 1923—1927 гг. были устроены крупные ирригационные системы, позволившие увеличить заготовки сена, что поспособствовало росту поголовья скота¹.

Норвегия в 1920-х гг. окончательно превратилась в страну с развитой промышленностью и сельским хозяйством; в каждой из этих отраслей было занято примерно по трети всей рабочей силы. Быстрыми темпами развивалась металлургия, благодаря чему Норвегия к началу 1930-х гг. давала 10% всего мирового выпуска алюминия. В целом же в течение второй половины 1920-х гг. ежегодные темпы прироста ВВП достигали 5%, причем это достигалось за счет массового внедрения механизированных производственных процессов.

В ходе политической борьбы левых сил за власть лидером Социал-демократической партии Швеции Пером Ханссоном в 1928 г. была выпущена в свет доктрина, гласившая о необходимости развития страны в виде «Народного дома» (Folkhemmet) ради сглаживания социальных противоречий. В ходе выполнения данной концепции в Швеции должно было бы появиться «государство всеобщего благосостояния», основывающееся на социальном взаимодействии и взаимовыручке рабочих и промышленников. Первоначально эта доктрина носила характер некоего политического манифеста, который отражал интересы рабочих и должен был привлечь дополнительные голоса избирателей основанной в 1889 г. Социал-демократической партии. Провозглашенная социал-демократами программа обещала своим избирателям решение наиболее актуальных для них вопросов — введение пенсий по достижении определенного возраста, создание системы медицинского страхования, выплату пособий потерявшим работу и помощь в ее поиске; при этом объявлялось, что средства на выполнение этих задач будут изыскиваться за счет налогообложения. Во многом благодаря такой программе, отвечающей интересам большинства населения Швеции, Социал-демократическая партия в 1932 г. смогла одержать победу на очередных парламентских выборах, получив большинство мест в риксдаге, а также получить должность премьер-министра, которую занял Пер Ханссон.

Подобные идеи оказались весьма своевременными на фоне начавшегося вскоре мирового экономического кризиса. Как известно, в 1929 г. в США начался экономический кризис, который через непродолжительное время затронул в различной степени множество прочих стран, в том числе скандинавские, и существенно сократил доходы подавляю-

¹ Хьяульмарссон Й. История Исландии / Пер. с англ. А. А. Столярова. — М.: Весь мир, 2003.

щего большинства населения, особенно наемных работников. Например, в Швеции официальный уровень безработицы только среди членов профсоюзов к 1933 г. достиг 25%, объем промышленного производства упал на 25%, а экспорт сократился более чем на 30%. Впрочем, в другой Скандинавской стране, Дании, кризис оказался еще сильнее и уровень безработицы к 1933 г. достиг 40%¹. В Норвегии экономическая ситуация была также непростой — промышленное производство за один только 1931 г. упало на 22%, ВВП сократился на 8%, а безработица к 1933 г. превысила 30% и не падала вплоть до Второй мировой войны ниже 10%².

Тем не менее экономический кризис в Швеции по сравнению с ведущими капиталистическими странами, особенно США, не был столь же продолжительным, что объясняется несколькими факторами. Во-первых, в 1931 г. произошла отмена золотого стандарта шведской кроны, после чего она обесценилась примерно на 30%. Во-вторых, благодаря девальвации национальной валюты шведские товары на международном рынке повысили свою конкурентоспособность, и в 1932 г. страна смогла достичь положительного сальдо платежного баланса. Третьим фактором, но уже скорее опосредованного характера, стала победа на выборах 1932 г. социал-демократов, ратовавших за рост роли государства в экономике. Новым правительством использовались приемы государственного вмешательства, похожие на кейнсианские методы: увеличение бюджетных расходов и перераспределительных функций налоговой системы, усиление регулирования народного хозяйства.

В частности, были увеличены социальные расходы (пенсии, пособия по безработице и т.д.); кроме того, правительство занялось созданием новых рабочих мест и проведением общественных работ. Следует отметить, что для снижения безработицы путем предоставления различных льгот стимулировалось создание мелких предприятий, которые нередко открывались как раз бывшими безработными. Согласно реализуемой экономической программе шведских социалистов, правительство должно было иметь контрольный пакет акций в стратегических предприятиях из соображений государственной безопасности³.

Достаточно успешно начало реализации оздоровления экономики шведскими социалистами позволило уже к середине 1930-х гг. в целом преодолеть кризис. Валовой объем производства, ежегодный рост которого достигал 10%, смог приблизиться к своему прежнему уровню, а показатель безработицы сократился к 1938 г. до относительно приемлемых 6–8%. Хотя экспорт и не смог достичь предкризисного объема 1929 г., все же он возрос к концу 1930-х гг. более чем на 20% по сравне-

¹ История Дании. — М.: Весь мир, 2007.

² История Швеции / Пер. с англ. Н. С. Плевако. — М.: Весь мир, 2002.

³ *Андерссон И.* История Швеции / Пер. со швед. Н. А. Каринцева. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.

нию с 1932 г. Кроме экономических мер в Швеции были приняты шаги по сглаживанию социальных противоречий между наемными работниками и работодателями — в 1938 г. Центральное объединение профсоюзов и Союз предпринимателей заключили соглашение о мирном способе достижения коллективных договоров. Благодаря принятым мерам в период 1930-х гг. Швеция по темпам роста ВВП (1,5–1,7% в год) уступала только США¹.

В Норвегии на фоне кризиса предпочтения большинства избирателей также оказались на стороне социал-демократов, предлагавших увеличение роли государства в экономике. В 1935 г. после парламентских выборов Норвежская рабочая партия в коалиции с политическими союзниками сформировала парламентское большинство, которое приняло шаги по выходу из кризиса в соответствии с кейнсианскими положениями. Так, был учрежден специальный фонд для поддержки предприятий, которым грозило банкротство, сформирована правительственная комиссия, занимавшаяся планированием деятельности промышленности, и централизована продажа основных продуктов питания. В части социального обеспечения в 1936 г. была внедрена система всеобщего пенсионного страхования и вообще предприняты масштабные преобразования в социальной сфере; в 1935–1940 гг. расходы на социальные нужды увеличились почти в два раза. Благодаря принятым мерам Норвегия смогла в течение нескольких лет справиться с основными последствиями кризиса — например, объем промышленного производства вырос к концу 1930-х гг. на 23%, а безработица сократилась с более чем 30 до 10%².

Выход Скандинавии из кризиса, равно как и в прочих развитых странах, заключался в увеличении вмешательства государства в экономику; в частности, исследователи отмечают как характерную особенность заметный рост перераспределительных функций государственного бюджета и расходов на социальные нужды. Особенностью хозяйственного развития Швеции в период после Великой депрессии по сравнению с 1920-ми гг. стало то, что экономический рост теперь обеспечивался преимущественно не за счет расширения экспорта, а путем увеличения емкости внутреннего рынка. Подобный рост шведской экономики был в немалой степени обусловлен повышением уровня жизни населения за счет развития институтов социального обеспечения — в частности, в 1937 г. была создана система всеобщего пенсионного страхования.

Касательно теоретического обоснования повышения роли государства в экономике в 1920–1930-х гг. можно рассмотреть позицию швед-

¹ *Dezso J. H. (Author), Daly D. J. Small Countries in the World Economy: The Case of Sweden: What Canada Can Learn from the Swedish Experience.* Halifax, Nova Scotia: Inst. for Research on Public Policy, 1989.

² История Норвегии. — М.: Наука, 1980.

ского экономиста Гуннара Мюрдаля, который одновременно являлся с 1933 г. депутатом парламента от Социал-демократической партии, а в 1945—1947 гг. — министром торговли. В своих работах Мюрдаль указывал на имеющуюся зависимость экономического развития от социального развития, соответственно возникающие экономические сложности обуславливаются в значительной степени устареванием существующего общественного устройства. Экономический кризис (в том числе Великая депрессия), если он является особенно глубоким и длительным, служит как раз одним из сигналов и стимулов к изменению существующего порядка разнообразных экономических, социальных, политических и прочих устройств. Постепенная смена общественных условий в Скандинавских странах после Первой мировой войны наглядно иллюстрирует эту концепцию, когда произошел переход от экономики, близкой к обычному капитализму со свободной конкуренцией, к смешанной экономике, в которой государство стремится обеспечить некое «справедливое распределение» национального благосостояния¹.

Гуннар Мюрдаль не был единственным скандинавским ученым, формулировавшим идеи по устройству народного хозяйства. В 1920—1930-х гг. в Швеции сформировалось целое научное направление, впоследствии названное Стокгольмской школой² и касавшееся в основном проблем государственного регулирования экономики. Наиболее известными представителями Стокгольмской школы помимо Гуннара Мюрдаля стали Густав Кассель, Кнут Виксель, Давид Давидсон и Эрик Линдаль. В своих трудах они пропагандировали активное участие правительства в экономике: в частности, за счет налоговой системы должно происходить перераспределение общественного богатства в пользу наименее обеспеченных слоев населения. Однако перераспределение следует проводить не только в виде прямых денежных выплат, но и путем развития социального сектора — бесплатного доступа к образованию, медицине и прочим социальным услугам. Наряду с этим правительство регулирует трудовые отношения и финансовый сектор — устанавливает минимальную оплату труда, максимальную продолжительность трудовой недели, ставку рефинансирования и т.д.

* * *

Итак, подводя итоги периода развития Скандинавских стран после Первой мировой войны, следует отметить, что основной чертой их развития стало стремление воплотить на практике идеи «государства всеобщего благосостояния». В управленческом и политическом

¹ *Myrdal G. Beyond the Welfare State: Economic planning and its international implications, 1960.*

² *Мировая экономическая мысль: сквозь призму веков. В 5 т. / Под ред. Г. Г. Фетисова, А. Г. Худокормова. — М.: Мысль, 2005.*

плане это произошло благодаря приходу к власти правительств социал-демократического толка, которые во избежание масштабных социальных потрясений в 1920-х гг. выдвинули и начали реализовывать идею равномерного распределения национального богатства между различными слоями населения. Подобное распределение стало происходить за счет системы налогообложения с последующим направлением собранных средств на развитие человеческого капитала и системы социальной защиты. Эти принципы государственного устройства в общих чертах сохраняются в Скандинавии на протяжении многих десятилетий, что говорит об их высокой устойчивости и актуальности по сей день.

Другим важным следствием Первой мировой войны стало фактическое появление на карте мира двух новых государств. Так, Финляндия в декабре 1917 г. стала полностью суверенной, а Исландия, хотя и оказалась в унии с Данией, занимавшейся ее внешними делами, приобрела полную свободу в реализации своей внутренней политики.

Использованная литература

1. *Андерссон И.* История Швеции / Пер. со швед. Н. А. Каринцева. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.
2. *Вейбуль Й.* Краткая история Швеции / Пер. со швед. Н. Валлениуса. — Стокгольм: Шведский ин-т совместно с изд-вом «Бра Бэккер», 1994. URL: <http://ulfdalir.ru/literature/2507/2514>
3. *Хьяульмарссон Й.* История Исландии / Пер. с англ. А. А. Столярова. — М.: Весь мир, 2003.
4. История Дании. — М.: Весь мир, 2007.
5. История Норвегии. — М.: Наука, 1980.
6. История Швеции / Пер. с англ. Н. С. Плевако. — М.: Весь мир, 2002.
7. Мировая экономическая мысль: сквозь призму веков. В 5 т. / Под ред. Г. Г. Фетисова, А. Г. Худокормова. — М.: Мысль, 2005.
8. *Derry T. K.* A History of Scandinavia: Norway, Sweden, Denmark, Finland, and Iceland. Univ. Of Minnesota Press, 2001.
9. *Dezso J. H.* (Author), *Daly D. J.* Small Countries in the World Economy: The Case of Sweden: What Canada Can Learn from the Swedish Experience. Halifax, Nova Scotia: Inst. for Research on Public Policy, 1989.
10. *Epkenhans M., Groß G. P.* The Danish Straits and German Naval Power 1905-1918. Militärges. Forschungsamt. 2010. Oct.
11. *Knutsen J. N.* Norway in the First World War // FOLIA SCANDINAVICA VOL. 5. POZNAŃ 1999. URL: https://repozytorium.amu.edu.pl/jspui/bitstream/10593/3883/1/03_Jan_Normann_KNUTSEN_Norway_in_the_First_World_War_43-58.pdf
12. *Myrdal G.* Beyond the Welfare State: Economic planning and its international implications, 1960.
13. *Siney M. C.* Swedish neutrality and the economic warfare in World War. Ball State University. Department of History, 1975. URL: <http://libx.bsu.edu/cdm/compoundobject/collection/ConspectusH/id/410>

14. *Riste O.* The neutral ally: Norway's relations with belligerent powers in the First World War. Universitetsforlaget, 1965.
15. Sweden's Neutrality during Two World Wars // Term Paper, AP European History Class, July 2008. URL: <http://www.zum.de/whkmla/sp/0809/pjh/pjh2.html#III>
16. The Lockstedt Training Corps. URL: <http://www.histdoc.net/history/lockstdt.html>

Международная торговля Японии в годы Первой мировой войны. Факторы роста и результаты

За прошедшие почти 50 лет эпохи Мэйдзи Япония провела масштабное институциональное и экономическое реформирование, всесторонне подготовившись к новым мировым условиям развития как одна из ведущих держав. Сформировав необходимые предпосылки для активной и успешной конкурентной борьбы в открывшуюся эпоху военной экспансии мировых лидеров, Япония решительно расставалась с теми аспектами своего прошлого и настоящего, которые могли отягощать и замедлять развитие, направленное на достижение позиций признанного мирового лидера.

К началу Первой мировой войны Япония достигла значительных политических и экономических успехов, в том числе добилась отмены неравноправных договоров, активно проводила индустриализацию, одержала победу в войне с Россией, сделала первые шаги на пути колониальных приобретений. (К моменту начала Первой мировой войны Япония установила контроль над Кореей, Тайванем, островами Рюкю, Южным Сахалином и Курильскими островами.) Однако этого было недостаточно, чтобы получить признание в качестве одной из ведущих мировых держав как в политическом, так и в экономическом плане. Более того, накануне войны японская экономика оказалась на грани экономического кризиса.

Японская экономика испытывала постоянный дефицит торгового баланса, что покрывалось иностранными займами и денежной эмиссией и приводило к инфляции. К началу второго десятилетия XX в. ситуация усугубилась¹. В 1913 г. внешнеторговый оборот Японии составил 1361 млн иен, из которых экспорт — 632 млн иен, импорт — 729 млн иен. Одновременно с этим росли военные расходы: если в 1880-х гг. они составляли около 15% бюджета страны, то за период 1901–1910 гг. уже достигли 48%². Для поиска выхода из трудной экономической ситуа-

¹ Статистический справочник по экономической истории Японии [Кингэндайни-хонкэйдзайсиеран], издательство Токийского университета: составители Мива Реити и Хара Акира, 2010. — С. 99.

² Lockwood W. W. The Economic Development of Japan. Growth and Structural Change, 1868–1938. Princeton, 1954. P. 36.

ции второе правительство Окума, которое было сформировано в апреле 1914 г., стало проводить финансовую политику, направленную на сжатие денежной массы, что сразу привело к резкому спаду экономической активности. Начавшаяся вскоре Первая мировая война усилила к концу 1914 г. негативную конъюнктуру, были разрушены устоявшиеся международные хозяйственные связи. В результате разразился кризис международных валютно-кредитных отношений, нарушился международный товарообмен и произошло резкое сокращение международного торгового флота. Все эти факторы усугубили проблему внешнего государственного долга Японии, который так и не был погашен со времен Русско-японской войны.

Такая ситуация требовала дальнейших усилий в продвижении Японии по пути модернизации, необходимо было восполнить дефицит полезных ископаемых, форсировать развитие обрабатывающей и тяжелой промышленности, что обусловило интерес страны к расширению зарубежных рынков сбыта и налаживанию надежных поставок природных ресурсов. Следуя по траектории экономического развития западных стран, Япония столкнулась с необходимостью проведения колониальной политики. Все эти факторы предопределили позицию Японии в Первой мировой войне.

Начиная с 1915 г. экономическая ситуация в Японии претерпевает изменения. Страна входит в полосу экономического расцвета. Воспользовавшись тем, что США, Англия, Франция, Германия и Россия были отвлечены военными событиями в Европе, Япония разыграла свою собственную партию в Дальневосточном регионе. Без труда присоединив бывшие германские территории в Китае, включая морскую базу Циндао в Шаньдуне, Япония также завладела другими островными территориями Германии на Тихом океане, Маршалловыми, Каролинскими и Марианскими островами. Такая политика позволила расширить ресурсную базу для дальнейшего индустриального роста страны.

В годы Первой мировой войны темпы роста ВВП были одними из самых высоких до начала 1940-х гг. Темпы роста номинального ВВП достигали 30%. Если же рассматривать темпы роста реального ВВП, то следует отметить, что они не превышали 5–6%. Таким образом, рост ВВП в большей степени происходил за счет инфляции, но недооценивать показатель роста экономики Японии в годы войны тоже будет неверно. С 1913 по 1919 г. реальный ВВП Японии увеличился на 41%, в то время как большинство ведущих европейских стран испытывали экономический спад и только США показали рост в 16%¹. Золотовалютные запасы страны увеличились с 341 млн иен в 1914 г. до более чем 2 млрд иен в конце 1919 г. (табл. 1).

¹ Две тысячи лет японской экономики [Нихонкэйдай-но ни сэннэн], Оота Есиюки, Кавагути Хироси, Фудзии Нобуюки, издательство Кэйсесебу, 1997. — С. 221.

Отдельно рассмотрим роль торговли как фактора, повлиявшего на экономический рост в годы Первой мировой войны. В период с 1910 по 1914 г. доля экспорта в структуре совокупного спроса составляла 15,6%, а в период с 1915 по 1919 г. данный показатель вырос до 24%. Одновременно с этим доля импорта почти не увеличилась. В результате торговое сальдо стало положительным. В 1917 г. профицит экспорта достиг своего максимума и составил 567 млн иен¹.

За 1913–1918 гг. японский экспорт вырос в 3,1 раза и составил 1962 млн иен, импорт увеличился в 2,3 раза, достигнув 1668 млн иен (см. табл. 1). В Европу вывозились преимущественно вооружение и военные материалы (много потребляла Россия), в другие регионы — промышленные товары, заменившие недостающие европейские.

Таблица 1

Торговый баланс и золотовалютные резервы (млн иен)

Год	Торговый баланс			Золотовалютные резервы
	Экспорт	Импорт	Чистый экспорт	
1912	527	619	−92	350
1913	632	729	−97	376
1914	591	596	−5	341
1915	708	532	176	516
1916	1127	756	371	714
1917	1603	1036	567	1105
1918	1962	1668	294	1588
1919	2099	2173	−75	2045
1920	1948	2336	−388	2178

Источник: Статистический справочник по экономической истории Японии [Кингэн-дайнихонкэйдзайсеран], издательство Токийского университета, составители Мива Рёити и Хара Акира, 2010. — С. 99

Западные страны, активно участвуя в военных действиях, резко увеличили импорт, особенно вырос спрос на военные товары. Основным поставщиком необходимых западным странам продуктов стали США, однако одновременно с этим Соединенные Штаты сами увеличили импорт из Азии, главным образом из Японии, будучи не в состоянии в короткий срок увеличить собственные производственные мощности в необходимом объеме. Европейские товары ушли с азиатского и внутреннего японского рынков, на место которых стали приходить японские производители².

Расширение экспорта также происходило за счет роста продажи текстильных изделий в азиатские страны, которые оставались основ-

¹ Две тысячи лет японской экономики [Нихонкэйдзай-но ни сэннэн], Оота Есиюки, Кавагути Хироси, Фудзии Нобуюки, издательство Кэйсесебу, 1997. — С. 223.

² Nakamura T., Odaka K. Economic history of Japan 1914–1955. Oxford University Press, 2003. P. 190.

ным торговым партнером Японии. На долю азиатского региона приходилась почти половина всех внешнеторговых операций Японии (табл. 2 и 3, рис. 1). Значительной во внешней торговле была доля Китая, которая в период с 1910 по 1914 г. составляла 24,7% экспорта и 18,5% импорта. Причем на Китай приходилось около трех четвертей японского текстиля¹.

Второе место по объему торгового оборота занимала Северная Америка (см. рис. 1). Доля США во внешнеторговых операциях занимала примерно треть², что предопределяло осторожную политику Токио в отношении Вашингтона по вопросу влияния в Китае.

Таблица 2

Региональная структура экспорта Японии, 1910–1919 гг. (%)

Годы	Азия	Европа	Северная Америка	Южная Америка	Африка	Австралия и Океания
1910–1914	42,8	21,3	32,4	0,2	0,3	2,5
1915–1919	45,9	15,6	33,0	0,9	1,4	3,1

Таблица 3

Региональная структура импорта Японии, 1910–1919 гг. (%)

Годы	Азия	Европа	Северная Америка	Южная Америка	Африка	Австралия и Океания
1910–1914	46,4	32,2	16,7	0,4	1,0	2,0
1915–1919	49,2	8,3	33,7	1,0	2,4	4,0

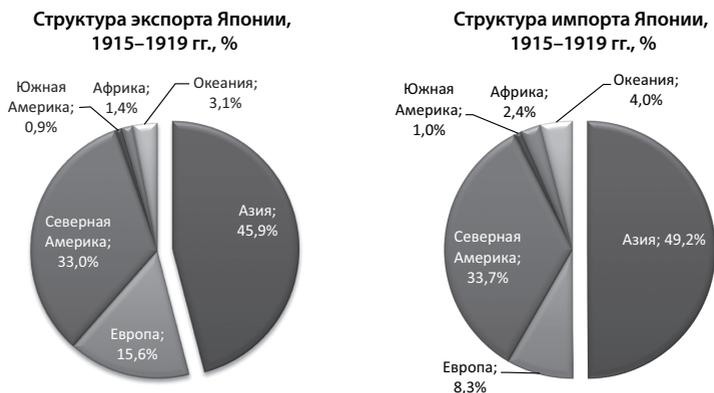

Рис. 1. Региональная структура импорта и экспорта Японии, 1910–1919 гг. (%)

Источник: Две тысячи лет японской экономики [Нихонкэйдай но ни сэннэн], Оота Есиюки, Кавагути Хироси, Фудзии Нобуюки, издательство Кэйсесебу, 1997. — С. 252.

¹ *Beasley W. G.* Japanese Imperialism, 1894–95. Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 12.

² *Lockwood W. W.* The Economic Development of Japan. Growth and Structural Change, 1868–1938. Princeton, 1954. P. 38.

Значительную роль в развитии торговли сыграло расширение морских грузоперевозок в Азии, осуществляемых японскими компаниями, так как европейские торговые компании временно сократили свое присутствие на этом рынке. Более того, мощное английское судостроение в данный период переориентировалось на нужды военного сектора. Дефицит торгового флота в основном восполнялся за счет судостроения США, которое к концу войны обеспечивало больше половины торговых грузоперевозок, но и для японского торгового флота Первая мировая война расширила возможности, так как прибыли компаний, занимающихся морскими грузоперевозками, в условиях сокращения конкуренции сильно выросли в результате роста цен на их услуги¹.

Прибыльность торговли повлияла, в свою очередь, на расширение производственной сферы Японии. Благоприятная конъюнктура стимулировала промышленное развитие Японии, при этом валовая продукция ее промышленности за годы войны как минимум удвоилась². Особенно большое влияние эти изменения оказали на хлопчатобумажную промышленность.

Кроме того, рост судостроительной отрасли на Западе привел в этих странах к увеличению спроса на продукцию тяжелой промышленности и, как следствие, сокращению их поставок в Японию. Такая ситуация в короткие сроки дала импульс развитию судостроения и производству металла внутри страны. Если до Первой мировой войны внутренний рынок стали в большей степени обеспечивался государственной компанией «Явата» (Yawata Iron Works), то к концу войны на внутреннем рынке также появились сталелитейные производства компании «Кавасаки» (Kawasaki Shipyard), дзайбацу «Мицубиси» и дзайбацу «Асано». С 1913 по 1921 г. объем выплавки чугуна в Японии вырос с 300 тыс. т до 990 тыс. т, а объем выплавки нерафинированной стали вырос с 660 тыс. т до 2 млн т; при этом доля производства «Явата» снизилась с 61,8 до 47% и с 57,3 до 29,6% соответственно³.

Причем, как видно из табл. 4, рост промышленности в основном произошел за счет увеличения частных инвестиций. Этот факт представляет интерес: если раньше развитие промышленности обеспечивалось в большей степени за счет государственных инвестиций, то с этого момента стала увеличиваться роль частного капитала. На первых этапах становления промышленности (вплоть до Первой мировой войны, пока процесс накопления капитала еще не был завершен) только государство

¹ Две тысячи лет японской экономики [Нихонкэйдзай-но ни сэннэн], ОотаЕсиюки, Кавагути Хироти, Фудзии Нобуюки, издательство Кэйсесебу, 1997. — С. 223.

² История Японии. XX век / В. Э. Молодяков, Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян. — М., 2009. — С. 48.

³ Nakamura T., Odaka K. Economic history of Japan 1914—1955. Oxford University Press, 2003. P. 204.

имело возможность инвестировать в развитие передовых отраслей, которые требовали закупки дорогостоящих иностранных технологий.

Таблица 4

Структура совокупного спроса (%)

	1910—1914 гг.	1915—1919 гг.	1920—1924 гг.
Потребительские расходы	76,1	68,6	75,5
Частные инвестиции в основной капитал	11,6	15,3	12,2
Государственные расходы	14,1	10,0	14,7
<i>Экспорт</i>	<i>15,6</i>	<i>24,0</i>	<i>16,0</i>
<i>Импорт</i>	<i>17,4</i>	<i>17,8</i>	<i>18,3</i>
Чистый экспорт	-0,18	6,2	-2,3

Источник: Две тысячи лет японской экономики [Нихонкэйдзай но ни сэннэн], Оота Есиюки, Кавагути Хироси, Фудзии Нобуюки, издательство Кэйсесебу, 1997. — С. 222

За годы войны произошло изменение структуры промышленности. По сравнению с предыдущим пятилетним периодом выросла доля обрабатывающей промышленности (табл. 5). В абсолютных показателях данная отрасль увеличилась почти в 3 раза, причем почти половина прироста приходилась на тяжелую промышленность. В результате в 1919 г. объем производства тяжелой промышленности (в стоимостном выражении) превысил соответствующий показатель в текстильной промышленности¹.

Таблица 5

Структура производства по отраслям

	1910—1914 гг.		1915—1919 гг.		1920—1924 гг.	
	млн иен	%	млн иен	%	млн иен	%
Первичный сектор	7414	35,6	13 394	31,8	18 940	28
Вторичный сектор	5180	24,9	13 377	31,7	18 895	27,9
<i>Добывающая промышленность</i>	<i>516</i>	<i>2,5</i>	<i>1594</i>	<i>3,8</i>	<i>1583</i>	<i>2,4</i>
<i>Обрабатывающая промышленность</i>	<i>3768</i>	<i>18,1</i>	<i>10330</i>	<i>24,5</i>	<i>13,566</i>	<i>20</i>
<i>Строительство</i>	<i>896</i>	<i>4,3</i>	<i>1453</i>	<i>3,4</i>	<i>3746</i>	<i>5,5</i>
Третичный сектор	8241	39,6	15 390	36,5	29 850	44,1
<i>Транспорт, связь, коммунальные услуги</i>	<i>1350</i>	<i>6,5</i>	<i>2936</i>	<i>7</i>	<i>6249</i>	<i>9,2</i>
<i>Торговля и услуги</i>	<i>6891</i>	<i>33,1</i>	<i>12454</i>	<i>29,5</i>	<i>23 601</i>	<i>34,9</i>
Всего	20 835	100	42 161	100	67 685	100

Источник: составлена на основе данных из книги: Две тысячи лет японской экономики [Нихонкэйдзай но ни сэннэн], Оота Есиюки, Кавагути Хироси, Фудзии Нобуюки, издательство Кэйсесебу, 1997. — С. 225

¹ Две тысячи лет японской экономики [Нихонкэйдзай-нонисэннэн], Оота Есиюки, Кавагути Хироси, Фудзии Нобуюки, издательство Кэйсесебу, 1997. — С. 224.

Развитие тяжелой промышленности не ограничивалось лишь судостроением и сопутствующими ему отраслями черной металлургии. Рост также наблюдался в производстве оборудования, такого как двигатели, электромоторы, ткацкие станки, которое ранее испытывало давление со стороны импорта из Европы и США¹.

Особенно большие выгоды международная конъюнктура принесла крупным японским концернам-дзайбацу, которые уже обладали достаточной концентрацией капитала, поддержкой государства, развитыми мощностями и доступом к иностранным рынкам. Все эти факторы позволили им освоить освободившиеся экономические ниши. Особенно большие прибыли получили ведущие дзайбацу, такие как «Мицуи», «Мицубиси», «Судзуки», «Фурукава».

В новых условиях компании придерживались различных стратегий. «Мицуи» и «Мицубиси», заботясь о долгосрочных перспективах, в большей степени сосредоточили свои усилия на выстраивании прочных отношений с зарубежными партнерами, добиваясь получения преференциальных условий работы на местных рынках. Кроме того, помимо укрупнения уже имеющегося бизнеса они продолжили усиленно диверсифицировать свою структуру. «Судзуки» и «Фурукава», в противоположность «Мицуи» и «Мицубиси», в основном занимались спекулятивными операциями. В результате выбора краткосрочной стратегии последние две торговые компании с трудом пережили финансовый кризис 1920-х гг., а дзайбацу «Судзуки» полностью обанкротился².

Прибыли в период Первой мировой войны позволили японским компаниям значительно нарастить производственные мощности. В 1916—1919 гг. затраты компаний на новое оборудование увеличились в 7,5 раза по сравнению с предыдущим пятилетним периодом, а затраты на расширение производства в то же время — почти в 5 раз. Особенно большой коэффициент роста наблюдался в хлопчатобумажной промышленности, горнорудном деле и морских перевозках (табл. 6).

Таблица 6

**Затраты японских компаний на новое оборудование
и на расширение производства в период Первой мировой войны (млн иен)**

	1912—1915 гг.	1916—1919 гг.	Коэффициент роста
Новое оборудование	182,4	1368,7	7,5
Расширение производства	178,8	872,8	4,9
Всего	361,2	2241,4	6,2

¹ Две тысячи лет японской экономики [Нихонкэйдзай-нонисэннэн], Оота Есиюки, Кавагути Хироси, Фудзии Нобуюки, издательство Кэйсесебу, 1997. — С. 224.

² *Takafusa Nakamura, Konosuke Odaka*. Economic history of Japan 1914—1955. Oxford University Press, 2003. P. 192—193.

Окончание табл. 6

	1912—1915 гг.	1916—1919 гг.	Коэффициент роста
Хлопчатобумажная промышленность	11,7	145,3	12,5
Электроэнергетика	38,1	196,2	5,2
Горнорудное дело	15,6	210,4	13,5
Рыбное хозяйство	5,3	13,8	2,6
Железные дороги	44,3	92,6	2,1
Обрабатывающая промышленность	91,3	701,8	7,7
Морские перевозки	14,6	151,5	10,4
Страхование	9,8	44,5	4,5
Торговля	70,4	457,1	6,5
Банковское дело	60,3	277,7	4,6

Источник: Статистический справочник по экономической истории Японии [Кингэн-дайнихонкэйдзайсиеран], издательство Токийского университета, составители Мива Рёити и Хара Акира, 2010. — С. 100

В результате Первой мировой войны Япония улучшила свой экономический и геополитический вес. Итоги Первой мировой войны закрепили за Японией право претендовать на участие в переделе колониальных территорий, позволили ей закрепить позиции торгового партнера со странами Запада, закрепить свое присутствие на азиатском рынке не только в качестве поставщика продукции легкой промышленности, но и как производителя оборудования. В результате Японии удалось на новом уровне создать замкнутый экономический цикл производства и сбыта готовой промышленной продукции, независимый от западных участников мирового рынка. Расширение рынков сбыта позволило японским производителям существенно увеличить объем выпускаемой продукции, что сопровождалось наращиванием производственных мощностей, оживлением бизнес-среды, увеличением эффективности производственной и логистической структуры крупного бизнеса благодаря эффекту от увеличения масштаба производства. В результате Первой мировой войны значительно расширились торговля, текстильная, горнодобывающая и химическая промышленность, а также увеличилось производство чугуна и стали. Особенно заметно усилились позиции финансово-промышленных групп дзайбацу, главным образом за счет создания в каждой из них крупных предприятий тяжелой промышленности.

Американская киноиндустрия в период Первой мировой войны

Целью данной статьи является обзор ключевых характеристик американской кинопромышленности в годы Первой мировой войны. Под кинопромышленностью понимается совокупность предприятий производства, проката (дистрибьюторов, обеспечивающих распространение продукции) и показа (показчиков или кинотеатров). Выбор такой темы не случаен, поскольку позволяет в определенном смысле взглянуть на истоки того, что в настоящее время называют «информационным развитием общества». В 2005 г. доля годового внутреннего валового сбора от проката фильмов для США составила 0,07% от ВВП, в 2009 г. — 0,08%¹. Таким образом, если принять во внимание тот факт, что кинобизнес и индустрия развлечений в целом сейчас являются важной составной частью современной постиндустриальной экономики, то бурное развитие отрасли кино в Америке в начале XX в. представляет исключительный интерес для исторической науки.

Важность выбранного объекта исследования очевидна и при обращении к истории мирового хозяйства в 1914–1918 гг. Как известно, Первая мировая война стала во многом поворотным моментом в развитии европейских стран, а также Соединенных Штатов Америки. В советские годы многие рассматривали события тех лет как начало кризиса капитализма и «усиление всех противоречий капиталистического способа производства»². Наиболее пострадавшая непосредственно от военных действий Европа испытывала трудности практически во всех сферах национального хозяйства. В то же время усилились тенденции неравномерного экономического развития отдельных капиталистических стран. В частности, именно США стали заявлять о себе как о новом лидере на международной арене. За время войны внешняя торговля США возросла в три раза, объем промышленной продукции увеличился на 25%,

¹ На основе числовых данных сайтов. URL: <http://www.waynesthisandthat.com/moviedata.html>; <http://www.bea.gov/index.htm>

² Экономическая история капиталистических стран: Учеб. пособие для экон. спец. вузов / В. Г. Сарычев, А. А. Успенский, В. Т. Чунтулов и др.; под ред. В. Т. Чунтулова, В. Г. Сарычева. — М.: Высшая школа, 1985. — С. 143.

сбор зерновых — на 18,3%¹. На фоне экономического подъема увеличилось присутствие этой страны и на мировом кинорынке.

Важно также отметить, что в начале XX в. становление отрасли кино совпало с третьей информационной революцией, что включало в себя появление и развитие новых средств коммуникации (радио, телефон, телеграф)². Кино представляло собой принципиально новый информационный продукт, который при правильном подходе мог превратиться из перспективного научно-технического новшества в повседневное развлечение для обыкновенных потребителей. США же занимали уникальную внешнеэкономическую позицию, поскольку военных действий на их территории не было, количество военных заказов в годы войны возросло, а ресурсов для формирования и поддержки зарождающегося рынка информации было более чем достаточно. Таким образом, в данном контексте война создала во многом благоприятные условия и предпосылки для развития кинобизнеса в США.

Далее будет рассмотрено, насколько эффективно американская модель кинобизнеса смогла использовать геополитическую ситуацию в Европе в годы Первой мировой войны, какие особенности самой модели этому способствовали. Для упрощения и наглядности в работе взяты, как было указано ранее, три основных элемента в «цепочке создания стоимости» в кинопромышленности — производство, дистрибуция и показ.

В Соединенных Штатах Америки кино с 90-х гг. XIX в. до начала Первой мировой войны прошло внушительный путь от кустарного производства до полноценной отрасли национальной экономики. Для кинопромышленности в первое десятилетие XX в. были характерны такие явления, как бурный рост числа производителей, прокатчиков и кинотеатров, высококонкурентный рынок, практически полное отсутствие государственного вмешательства. Изобретатель и промышленник Томас Эдисон (1847–1931 гг.) предпринимал попытки защитить свою интеллектуальную собственность на изобретения для кино, что в начале века привело к «патентной войне» между кинокомпаниями.

Примечательно, что к концу первого десятилетия XX в. кинопродукция США вовсе не была господствующей на международном рынке. Европейские кинокомпании весьма успешно продавали свои фильмы за пределами Европы. Жорж Садуль в своем многотомном труде «Всеобщая история кино» приводит цитату Фредерика Гальбота, датированную 1912 г. и весьма точно характеризующую положение американской киноотрасли: «Успех английских, а затем и французских кинофирм обеспечил их господство в Соединенных Штатах. Европейские фильмы

¹ Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. — М.: Воениздат, 1956. Гл. 12. URL: http://militera.lib.ru/research/shigalin_gi/12.html (дата обращения: 16.03.2014).

² Еляков А. Д. Современная информационная революция // Социологические исследования. — 2003. — № 10. — С. 31.

наводнили страну. В сравнении с ними продукция американских фирм была незначительна... В это время в кинематографическом мире царил еще хаос. Повсюду шли процессы. Эдисон завязал смертельную борьбу за сохранение того положения, которое он завоевал после изобретения кинетоскопа. В результате этих трений промышленность осталась без капиталов. Все деньги, которые могли бы пойти на улучшение качества продукции, попали в карманы ненасытных законников»¹.

Однако позиции европейского кино на американском рынке постепенно начинали ослабевать. Этому способствовала, в частности, протекционистская политика президента Уильяма МакКинли (1897–1901 гг.), поддерживаемая многими кинопромышленниками, например, таможенные ограничения (тариф «Динглибилл»² и др.). Протекционизм дал мощный импульс для развития национальных производителей, с одной стороны, но на короткое время стимулировал патентную борьбу между компаниями внутри страны — с другой. Основная стратегия Томаса Эдисона в «войне патентов» имеет сходство с политикой Дж.Д. Рокфеллера при создании треста «Стандарт ойл». Она заключалась в следующем: Рокфеллер не запрещал разработки месторождений в стране и внимательно следил за этим процессом, но, как только было разработано крупное месторождение, Рокфеллер сразу же приобретал монопольное право на всю добываемую нефть³. Аналогично поступал и Эдисон — фильмы могут быть сняты разными компаниями, но монопольные права на них должны принадлежать ему.

Конкурентная борьба в кинопромышленности на фоне постепенного ослабления конкурентов и отсутствия прямого государственного регулирования привела к первым попыткам монополизации отрасли. Так, в 1909 г. была организована компания Motion Picture Patents Company (Компания кинопатентов, МППК⁴), объединившая Эдисона с другими крупными игроками («Байограф», «Вайтаграф», «Зелиг», «Эссеней», «Любин», «Калом» и две французские фирмы — «Пате» и «Мельеса»⁵). Компания представляла собой крупный кинотрест, основной целью которого была полная монополизация кинопроизводства и проката, начиная с производства сырья и материалов (пленка, проекционное оборудование и т.д.) и заканчивая кинопоказом⁶. Фактически это была первая попытка создания вертикально интегрированной модели киносинематографического бизнеса.

¹ Садуль Ж. Всеобщая история кино. В 6 т. Т. 1. — М.: Искусство, 1958. — С. 495.

² Там же. — С. 229.

³ Там же. — С. 232.

⁴ Комаров С. В. История зарубежного кино. — М.: Искусство, 1965. — С. 126.

⁵ Там же.

⁶ The American Film Industry (1985). Edited by Tino Balio. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, revised edition, 2011. P. 104.

Создание монополии положило конец патентной борьбе, однако вызвало противодействие со стороны независимых кинокомпаний — тех, которые напрямую пытались конкурировать с кинотрестом. С. В. Комаров в своей работе «История зарубежного кино» пишет: «Желая оградить себя от постоянных преследований со стороны агентов Компании кинопатентов, «независимые» старались снимать вдалеке от Нью-Йорка и Чикаго. Чаще всего они устремлялись в Калифорнию»¹. Именно в этот период начался переход к новой модели кинопромышленности и новой структуре кинорынка. Компания кинопатентов в 1915 г. была объявлена Федеральным судом нарушителем антимонопольных принципов и вскоре прекратила свое существование, в то время как центром кинопромышленности постепенно становился Голливуд в штате Калифорния.

Таким образом, период Первой мировой войны исторически совпал с началом формирования классической голливудской модели кинопромышленности. Многие говорят о том, что в 1910-х гг. кинобизнес США, наметив основные ориентиры в виде создания крупной студийной производственной системы, находился в переходном периоде своего развития. Классическая голливудская модель в полной мере проявит себя несколько позже, в военные же годы следует говорить о формировании новой системы взаимодействия участников рынка кино и интенсивном развитии последних.

Второе десятилетие XX в. отмечено созданием института голливудских мейджоров (majors², или суперстудии — наиболее крупные производители фильмов). Так, например, в 1912 г. в ходе реорганизаций независимых компаний появились студии «Парамаунт» (Paramount) и «Юниверсал» (Universal), спустя некоторое время ставшие одной из известнейших суперстудий Голливуда³. Среди причин, почему даже в военные годы Калифорния оставалась привлекательным местом для развития кинобизнеса мейджоров, можно отметить следующее. Во-первых, Америка относительно долго сохраняла нейтралитет, в обществе и культуре США преобладали пацифистские настроения, спрос на развлечения оставался стабильно высоким. Во-вторых, низкие цены на землю, мягкий климат и территориальная отдаленность Голливуда от теряющей свое влияние Компании кинопатентов обусловили юридическую и экономическую безопасность новых кинокомпаний⁴.

В дальнейшем суперстудии образуют новую для американского кино олигопольную рыночную структуру, а также укрепят свои позиции в дру-

¹ Комаров С. В. Указ. соч. — С. 127.

² Кокарев И. Е. Кино как бизнес и политика: Современная киноиндустрия США и России: Учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2009. — С. 43.

³ Gomery D. The Hollywood Studio System. A History. London: British Film Institute, 2008. P. 11—25, 57—60.

⁴ Balio T. *Op. cit.* P. 108—109.

гих странах — в частности, в Европе. На основании многих исторических исследований можно говорить о том, что война 1914—1918 гг. представляет собой переломный момент в процессе установления гегемонии американского кино на мировом рынке. Данное утверждение можно охарактеризовать с двух позиций — идеологической и экономической.

С идеологической точки зрения можно говорить о том, что американские производители, возможно, одни из первых осознали информационную значимость нового продукта. Они продемонстрировали умение приспосабливаться к изменениям общественного мнения, будь то пацифизм и нейтралитет в первый период войны, или же патриотизм и поддержка военных действий в следующие периоды. Государство также не оставалось в стороне. За три дня до вступления Америки в войну в апреле 1917 г. во главе Комитета общественной информации был поставлен Джордж Крил¹, известный своим новаторским для того времени подходом к пропаганде и рекламе. Помимо печатной продукции Крил намеревался в полной мере использовать кинематограф для формирования общественного мнения в военное время, для чего была создана Кинематографическая служба американской армии. Последняя выпускала военную хронику, а также полнометражные художественные фильмы, доходы от проката которых вскоре достигли миллиона долларов².

Вмешательство государственных организаций, с одной стороны, не влияло напрямую на политику и репертуарные планы производителей и прокатчиков, но, с другой стороны, явно способствовало эффективному позиционированию американского кино в мире и нашло непосредственную поддержку со стороны Голливуда. Так, П. В. Данилин в одной из своих статей приводит цитату из киножурнала США Motion Picture News за 1917 г.: «Каждый из нас обещает производить фильмы, трейлеры, постеры для того, чтобы распространять пропаганду, необходимую для мобилизации грандиозных ресурсов страны»³.

С экономической позиции следует обратить внимание на ту модель кинобизнеса, которая складывалась в Голливуде после ликвидации Компании кинопатентов и в годы войны. Если не брать во внимание идеологическую составляющую, то государство никак не влияло на внутренние принципы взаимодействия субъектов кинобизнеса, экономическая модель отрасли развивалась относительно самостоятельно. Важно также отметить явные успехи последней. Так, американские кинокомпании

¹ Садуль Ж. Всеобщая история кино. В 6 т. Т. 3. — М.: Искусство, 1961. — С. 380.

² Там же. — С. 381.

³ Данилин П. В. Использование кинематографа в пропагандистской деятельности США. Ч. 1. Liberty.ru. 06.10.2009. URL: <http://liberty.ru/columns/Professiya-propagandist/Ispol-zovanie-kinematografa-v-propagandistskoj-deyatelnosti-vlastej-SSHA.-CHast-1> (дата обращения: 17.03.2014).

не только начали доминировать на внутреннем рынке США, но и принимали шаги для успешной конкуренции на европейском. Объем кинопроизводства в Америке с 1914 г. стал превышать показатели выпуска фильмов Франции и Англии. В 1913 г. количество произведенных полнометражных фильмов в год было более 100, а к 1917 г. — приблизилось к отметке 1000 фильмов в год, оставив далеко позади объем производства в европейских странах, колебавшийся на уровне 100 фильмов в год¹.

Безусловно, нельзя говорить о том, что проблемы крупнейших кинокомпаний Европы («Пате», «Гомон», «Эклер» и др.) объяснялись исключительно войной. Исторические исследования подтверждают, например, тот факт, что во Франции рынок кино испытывал серьезные трудности только в 1915 г., в последующие же годы он демонстрировал стабильность (в 1916 г. наблюдался устойчивый рост)². Многие компании оставались на плаву или вовсе процветали благодаря государственным заказам, производству коротких военных роликов, новостных сюжетов. Однако же отставание от американской кинопромышленности становилось все более явным, многие исследователи связывают это с формированием студийной системы кинобизнеса и связанными с ней экономическими процессами.

Производство кино в 1910-х гг. в Америке осуществлялось множеством независимых компаний, параллельно, как было указано выше, шел процесс формирования голливудских мейджоров — рынок свободной конкуренции постепенно трансформировался в олигополию. Суперстудии представляют собой яркую особенность американской кинопромышленности, и в военное время первые мейджоры пытались создать основу для успешного бизнеса — взаимосвязанную систему продюсирования и сбыта кинокартин. В самом производстве происходили заметные перемены. Как отмечает А. Де Вани, интерес студий смещался в сторону более дорогостоящих полнометражных фильмов³. Короткометражные сюжеты, представлявшие основную массу кинематографической продукции в начале XX в., более не могли удовлетворить платежеспособный спрос и интерес к кино в целом. Возросшие затраты на создание продукции налагали большие риски на мейджоров и побуждали последних искать определенные гарантии успеха будущего фильма. С этим связывают дальнейшее формирование института «звезд», развитие и усложнение технологии съемки, а также попытки заручиться поддержкой со сто-

¹ Bakker G. The Economic History of the International Film Industry. University of Essex, 2010. URL: <http://eh.net/encyclopedia/the-economic-history-of-the-international-film-industry> (дата обращения: 18.03.2014).

² An Economic History of Film. Edited by John Sedgwick and Michael Pokorny. Routledge, 2005. P. 30.

³ De Vany A. The movies // Handbook on the Economics of Art and Culture. 2006. Vol. 1. Chap. 19. P. 631.

роны дистрибуции и показа. Все это привело к классической голливудской схеме производства — фактически конвейерной системе создания продукта с заранее готовым рынком сбыта¹.

Если взглянуть с точки зрения аналогичных процессов на Европу, то ситуация будет несколько отличаться. Такие крупные компании, как «Пате» и «Гомон», имевшие возможность производить и прокатывать свои фильмы в Америке, не спешили осуществлять технологический и экономический рывок для обеспечения рынка полнометражными фильмами. В научных публикациях это связывают как с трудностями военного времени, так и с элементарным нежеланием европейских студий брать на себя лишние риски. Так, например, Гербен Баккер пишет о том, что французский промышленник Шарль Пате продолжал усилия по продвижению короткометражных фильмов, сериалов и новостных лент, не видя серьезных перспектив для полнометражных фильмов в ближайшие годы². Принимая также во внимание упомянутый выше протекционизм в США, можно сказать, что голливудская система студий-мейджоров в целом была лучше подготовлена для адекватного восприятия требований времени и экспансии на другие рынки. Это во многом объясняет отставание в развитии европейской киноиндустрии в годы войны.

С производством было тесно связано развитие дистрибуции, которая приобрела в военный период важное значение для мейджоров и для отрасли в целом. В стране с начала XX в. действовали прокатные конторы — так называемые «эксчейнджес» (*exchanges*³), осуществлявшие продажи фильмов на определенной территории. Технологические и экономические изменения 1910-х гг. напрямую коснулись системы проката — дистрибуция уже не воспринималась как нечто неотделимое от показчиков (кинотеатров), напротив, она становилась самостоятельной подотраслью, появлялись новые формы организации выпуска и продвижения фильмов. Прокатные конторы продолжали свою деятельность, однако появление института мейджоров несколько изменило расстановку сил на рынке проката. Так, крупные мейджоры сами осуществляли дистрибуцию фильмов — например, во время войны Paramount стала одной из крупнейших кинопрокатных компаний. Другие производители кино заключали долгосрочные соглашения с Paramount о дистрибуции, ставка отчислений прокатчику составляла 35%⁴.

В 1914 г. в США на фоне общего развития отрасли и появления крупных игроков (мейджоров) практиковались разные подходы к прокату.

¹ The American Film Industry (1985). Edited by Tino Balio. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, revised edition, 2011. P. 201.

² An Economic History of Film. Edited by John Sedgwick and Michael Pokorny. Routledge, 2005. P. 37.

³ The American Film Industry (1985). Edited by Tino Balio. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, revised edition, 2011. P. 17.

⁴ *De Vany A. Op. cit.* P. 631.

Один из них носил название «state's rights method»¹ и предполагал продажи прав на фильмы по территориям. Локальные дистрибьюторы закупали кинопродукцию за твердый счет, который определялся потенциальным спросом и населением региона. Вскоре фиксированная цена постепенно заменялась процентными отчислениями, поскольку сложно было спрогнозировать точные кассовые сборы. Существовал и другой подход — «road showing»². Его особенность заключалась в следующем: производитель сам организовывал прокат фильмов, заключая с крупными кинотеатрами договор с условием процентных отчислений от валовых сборов. Чаще всего так работали с крупнобюджетными и потенциально кассовыми фильмами. Продюсеры также могли комбинировать разные подходы — например, выпустить фильм на условиях процентных отчислений для показа в кинотеатрах первого экрана, а затем на основе регионального подхода осуществлять продажи в твердый счет.

Мейджоры привнесли еще один вариант в организацию проката. Они производили и приобретали пакеты из множества фильмов для продажи на определенный период времени. Суперстудии и впоследствии их дистрибьюторские подразделения работали с кинотеатрами на процентной основе (роялти), расписывая несколько фильмов одновременно. Данный подход называют ранней версией «блок-букинга» (block-booking³) — политики дистрибьютора, при которой кинотеатрам вместе с высокобюджетным ожидаемым фильмом отдаются в нагрузку для проката менее кассовые фильмы или же напрямую связанные между собой киносерии. Примечательно, что А. Де Вани, описывая данное явление 1914 г., впервые употребляет понятие «франшиза» (franchise⁴) — термин, который впоследствии приобретет для Голливуда огромное значение и будет связан с интеллектуальными правами и их продажами на разных рынках, включая кинопрокат и вторичные кинорынки.

Что касается непосредственно сегмента кинопоказа, то здесь в военные годы также происходили изменения. Если в конце XIX — начале XX в. кино могли демонстрировать в разных учреждениях, в том числе с помощью передвижных проекторов, то в 1910-х гг. было все больше и больше специализированных кинотеатров. По-прежнему были распространены никелодеоны (nickelodeons⁵) — небольшие и недорогие заведения для кинопоказов. Одновременно возросло количество больших кинотеатрах, которые, как правило, становились первозэкранными, т.е.

¹ The American Film Industry (1985). Edited by Tino Balio. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, revised edition, 2011. P. 111.

² Ibid. Дословно: «путевые показы».

³ De Vany A. *Op. cit.* P. 631.

⁴ Ibid.

⁵ The American Film Industry (1985). Edited by Tino Balio. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, revised edition, 2011. P. 76—78.

работали в основном с премьерами. В период с 1909 по 1921 г. в Америке наблюдался настоящий бум строительства новых кинотеатров¹. Для рынка показа в рассматриваемые годы были характерны тенденции консолидации. В 1917 г. предприятия показа, видя ужесточившуюся прокатную политику мейджоров, в целях защиты своих финансовых интересов объединились в Первую национальную сеть кинотеатров, куда вошло 3500 независимых показчиков².

Вертикальная интеграция в кино предполагает контроль над всеми вышеописанными этапами доведения продукта до потребителя. Именно такую цель преследовали мейджоры, поскольку в противном случае производственные риски были бы неоправданно высокими. Объединение показчиков в Первую национальную сеть также подтолкнуло ведущих производителей к приобретению реальных активов для показа своей продукции. Так, к 1919 г. Paramount уже владела собственной сетью кинотеатров. Вскоре (в последние годы войны и в начале 1920-х гг.) в отрасли все чаще стали происходить слияния разных узкопрофильных компаний с целью интеграции. Благодаря процессам объединения компаний-показчиков и производителей, например, образовался один из мейджоров — Metro-Goldwyn-Mayer³. Голливудская классическая система, таким образом, практически полностью сформировалась вскоре после окончания войны.

Итак, в рамках данной статьи были рассмотрены основные аспекты развития кинопромышленности США в период Первой мировой войны, а также затронуты такие важные процессы для формирования отрасли кино, как «война патентов», монополизация и постепенное становление студийной системы. Примечательно, что война, фактически не затронувшая американский рынок, сыграла важную роль в становлении мощного влияния Голливуда. Можно сделать следующие выводы касательно позиции и особенностей отрасли в военное время.

Во-первых, кино впервые было использовано в идеологических целях — как информационная пропаганда для населения и вооруженных сил. Кинокомпании, поддержав внешнюю политику государства и сотрудничая со специально созданным Комитетом общественной информации, оставались в большой степени свободными в выборе своей стратегии и приоритетов развития бизнеса. На примере движения «независимых» и образования Голливуда можно увидеть, что государство фактически напрямую не вмешивалось в дела отрасли, за исключением ряда антитимонопольных действий (судебное дело Компании кинопатентов). В то же время идеологическая экспансия подготовила почву для успеш-

¹ *Кокарев И. Е.* Указ. соч. — С. 37.

² Там же. — С. 78.

³ *The American Film Industry* (1985). Edited by Tino Balio. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, revised edition, 2011. P. 121, 319–320.

ного позиционирования голливудского кино в мире. Гибкость кинокомпаний и умение быстро подстраиваться под спрос и требования времени предопределили успех США на внутреннем и зарубежных рынках.

Во-вторых, в годы Первой мировой войны произошел переход от кустарной модели производства и высококонкурентного рынка к классической студийной модели кинобизнеса. Последняя предполагала изменения на всех уровнях «цепочки создания стоимости»: производства, дистрибуции и показа. Важный элемент новой модели — наличие крупных кинокомпаний (мейджоров), предпринимавших вполне успешные попытки построить вертикально интегрированный бизнес. Новые эффективные отношения с показчиками, кинотеатральный бум, технологическое развитие и увеличение затрат на производство — данные особенности говорят о преимуществах голливудской организации производства и продаж фильмов. Именно в годы Первой мировой войны европейское кино по своим количественным показателям уступило место американскому.

Важно также отметить, что кинокомпании Европы в силу военных действий и иных особенностей не смогли в должной мере ответить на стремительный рост конкурирующей с ними голливудской системы. Этот факт, а также наличие экономически эффективной модели бизнеса стали основными условиями дальнейшего развития и процветания мейджоров. Можно сделать вывод, что Первая мировая война стала во многом решающим периодом в истории развития кинопромышленности США, периодом, который на несколько десятилетий вперед предопределил парадигму доминирования суперстудий на международном кинорынке.

Использованная литература

1. *Данилин П. В.* Использование кинематографа в пропагандистской деятельности США. Ч. 1. Liberty.ru. 06.10.2009. URL: <http://liberty.ru/columns/Professiya-propagandist/Ispol-zovanie-kinematografa-v-propagandistskoj-deyatel-nosti-vlastej-SSHA.-CHast-1> (дата обращения: 17.03.2014).
2. *Еляков А. Д.* Современная информационная революция // Социологические исследования. — 2003. — № 10. — С. 29–38.
3. *Кокарев И. Е.* Кино как бизнес и политика: Современная киноиндустрия США и России: Учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 344 с.
4. *Комаров С. В.* История зарубежного кино. — М.: Искусство, 1965. — 416 с.
5. *Садуль Ж.* Всеобщая история кино. В 6 т. Т. 1. — М.: Искусство, 1958. — 612 с.
6. *Садуль Ж.* Всеобщая история кино. В 6 т. Т. 3. — М.: Искусство, 1961. — 628 с.
7. *Шигалин Г. И.* Военная экономика в Первую мировую войну. — М.: Воениздат, 1956. — 332 с. URL: http://militera.lib.ru/research/shigalin_gj/index.html.
8. Экономическая история капиталистических стран: Учеб. пособие для экон. спец. вузов / В. Г. Сарычев, А. А. Успенский, В. Т. Чунтулов и др.; под ред. В. Т. Чунтулова, В. Г. Сарычева. — М.: Высшая школа, 1985. — 304 с.

9. An Economic History of Film. Edited by John Sedgwick and Michael Pokorny. Routledge, 2005. — 352 p.
10. *Bakker G.* The Economic History of the International Film Industry. University of Essex, 2010. URL: <http://eh.net/encyclopedia/the-economic-history-of-the-international-film-industry> (дата обращения: 18.03.2014).
11. De *Vany A.* The movies // Handbook on the Economics of Art and Culture. 2006. Vol. 1. Chap. 19. P. 615—665.
12. *Gomery D.* The Hollywood Studio System. A History. London: British Film Institute, 2008. — 328 p.
13. The American Film Industry (1985). Edited by Tino Balio. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, revised edition, 2011. — 653 p.
14. URL: <http://www.bea.gov/index.htm> (дата обращения: 18.03.2014).
15. URL: <http://www.waynesthisandthat.com/moviedata.html> (дата обращения: 18.03.2014).

Научное электронное издание

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
влияние на экономику России и мира**

Коллективная монография

ISBN 978-5-906783-40-0

9 785906 783400